

ISSN 0321-0626

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 4 ЖУРНАЛ

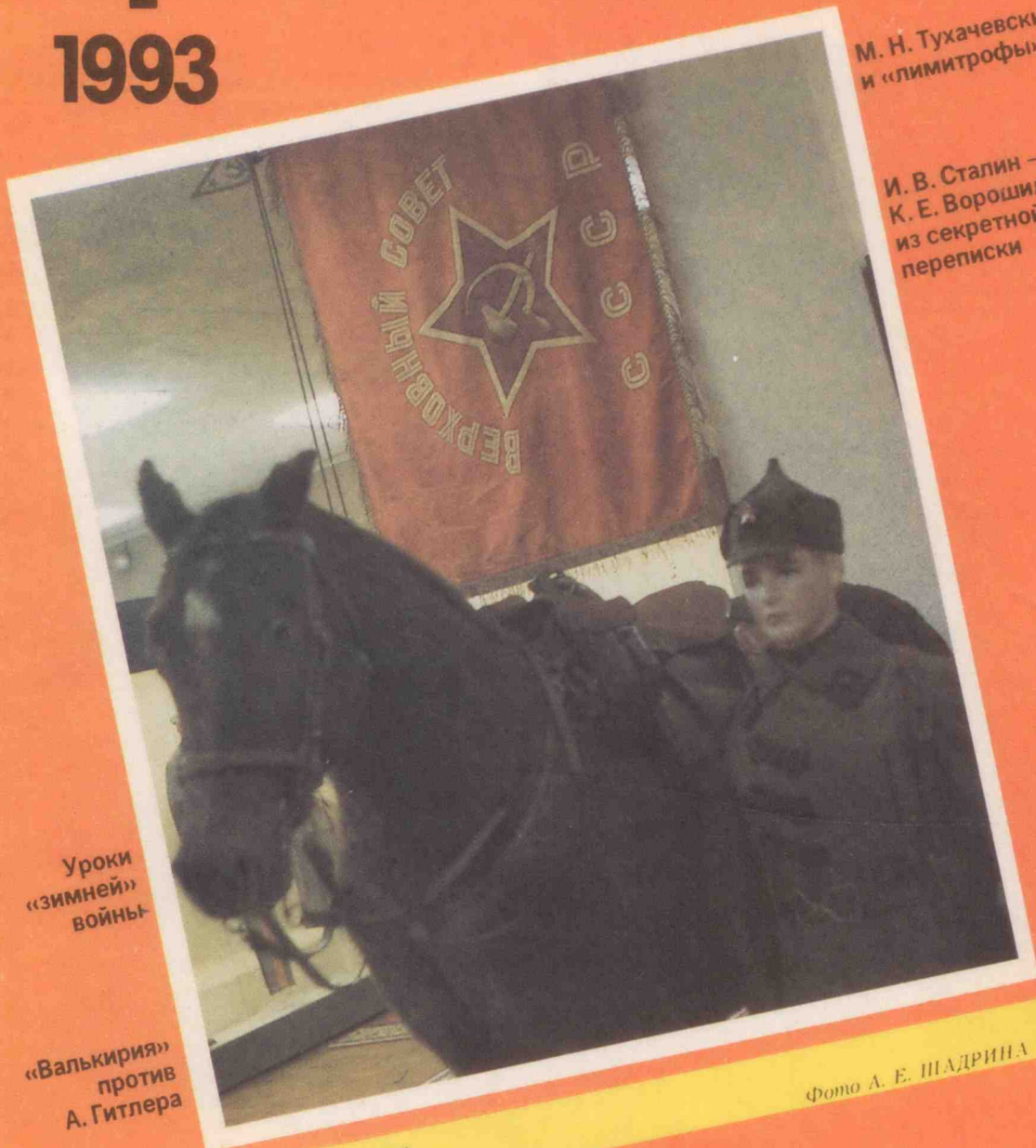
1993

"...ИСТОРИЯ
ПРЕДКОВ
ВСЕГДА
ЛЮБОПЫТНА
ДЛЯ ТОГО,
КТО ДОСТОИН
ИМЕТЬ
ОТЕЧЕСТВО".

Н.М. Карамзин

М. Н. Тухачевский
и «лимитрофы»

И. В. Сталин —
К. Е. Ворошилов:
из секретной
переписки



Уроки
«зимней»
войны

«Валькирия»
против
А. Гитлера

▲ Прискакали...

Фото А. Е. ШАДРИНА



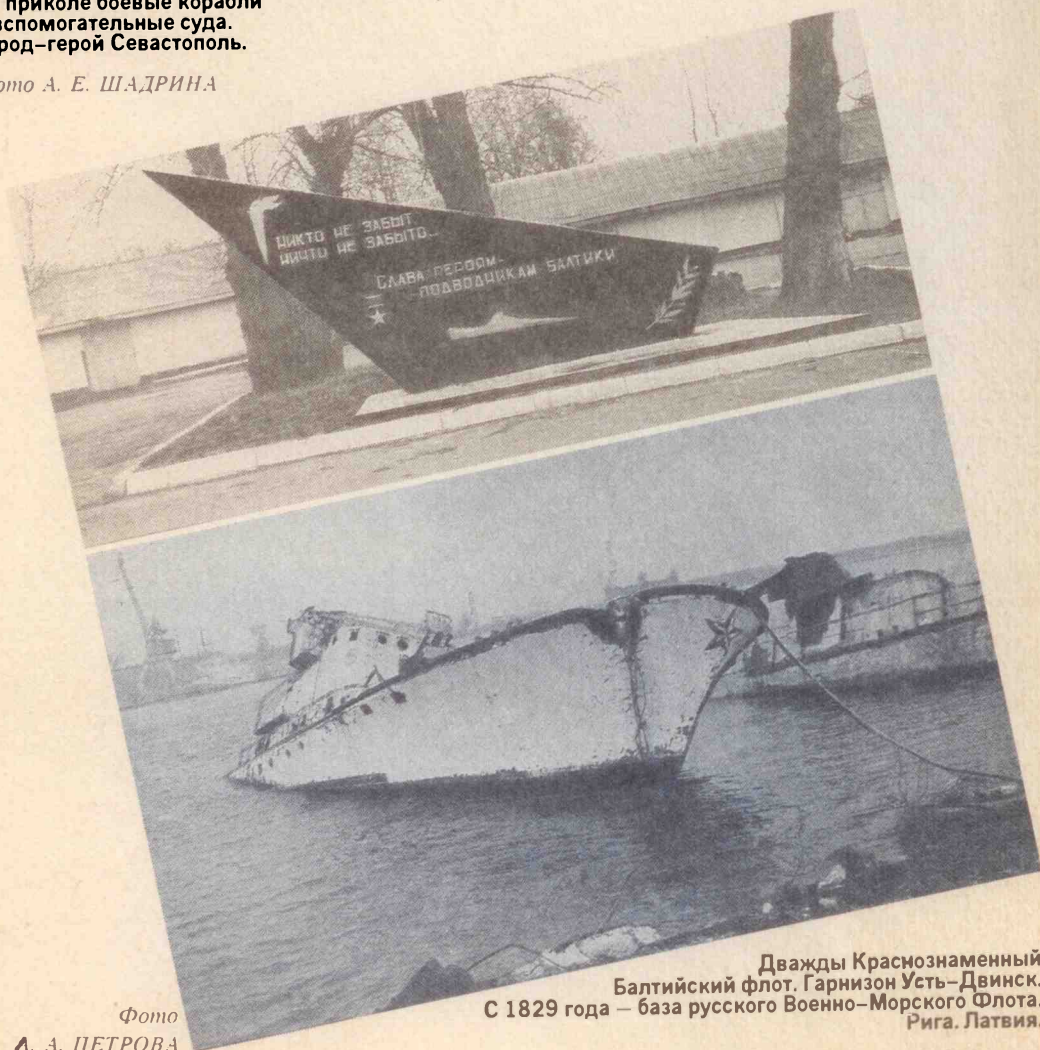
*Российский флот, основанный Петром,
Три века наводивший дикий ужас
На всех врагов, пытавшихся мечом
Убить свободу в русских наших душах,
Забыт сегодня, погран и гниет,
Ржавеет с Балтики до Дальнего Востока.
Так слава наша гибнет, и народ
Никак не сбросит цепи злого рока.
Когда-то все мы поклялись
Сберечь Отчизны подвиги святыи.
А корабли, что с якорей снялись
И гордо, смело в воды шли морские,
Не возвратились. Знали моряки —
Их жизнь откуплена свободой,
Что будут помнить дети, старики
Их имена и корабли, пришедшие с
победой.*

*Но, россияне! Не пораль проснуться
И не играть в не помнящих родства?
Когда наш флот уйдет в небытие
и не вернется,
И нам, увы, не будет здесь житья!*

Л. И. БУЛЫЧЕВА

**Краснознаменный Черноморский флот.
На приколе боевые корабли
и вспомогательные суда.
Город-герой Севастополь.**

Фото А. Е. ШАДРИНА



**Дважды Краснознаменный
Балтийский флот. Гарнизон Усть-Двинск.
С 1829 года — база русского Военно-Морского Флота.
Рига. Латвия.**

Фото
А. А. ПЕТРОВА

УЧРЕЖДЕН
МИНИСТЕРСТВОМ
ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4 1993

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных Сил России

Главный редактор
В. С. ЕЩЕНКО.

Редакционная коллегия:

Н. Т. АКСЕНОВ
(заместитель
главного редактора)
И. А. АНФЕРТЬЕВ
(ответственный
секретарь),
А. Д. БОРЦОВ,
В. А. ЗОЛОТАРЕВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. ИЩЕНКО,
Д. Ш. КАРИМОВ,
О. Ю. ЛАТЫПОВ,
Ю. К. ЛУГОВОЙ,
А. М. МАЙОРОВ,
Р. Г. ПИХОЯ,
В. А. РЫБИН,
А. Н. СИНИЦЫН,
А. М. СОКОЛОВ,
В. А. ЧИРВИН,
В. И. ШЕРЕМЕТ.

Художественный редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, Н-160,
редакция «Военно-
исторического журнала»
Тел.: 296-44-87, 296-45-08,
296-45-16, 296-45-35.

Сдано в набор 19.03.93.
Подписано к печати 12.05.93.
Бумага 70x108/16.
Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. ир.-отт. 12,6.
Тираж 30 000 экз.
Зак. 184. Цена 18 р.
Регистрац. № 01978.

Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда»
123826, ГСП, Москва, Д-7,
Хорошевское шоссе, 38.

© «Военно-исторический
журнал», 1993.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1993.

- **ВПЕРВЫЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ**
Отдали жизнь за Родину
(Публикация А. Д. СИДОРОВА) 2
Побратимы А. Матросова
(Публикация Н. В. БОРИСОВА) 4

- **СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА
1939—1940 гг.**
„Не представляли себе... всех трудностей,
связанных с этой войной“
(Публикация Л. Г. ИВАШОВА) 7

- **ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ**
Кто кого предал
(Публикация С. А. МЕЛЬЧИНА) 13

- **ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА**
Н. Н. ГОЛОВИН — Военные усилия России
в мировой войне 22
А. И. ВЕРХОВСКИЙ — Россия на Голгофе 31

- **ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ**
Н. Г. КУЗНЕЦОВ — Крутые повороты 44

- **К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОГО
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА**
На борьбу с „димитрофами“
(Публикация Н. Ю. БЕРЕЗОВСКОГО) 53

- **ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНОГО ИСТОРИКА**
Александр СУЛЛА — Генерал Епишев:
на партийно-политическом олимпе 63

- **ЗА КУЛИСАМИ „ТРЕТЬЕГО РЕЙХА“**
Провал операции „Валькирия“
(Публикация В. К. ВИНОГРАДОВА, В. П. ГУСАЧЕНКО) 72

- **КАЗАЧЕСТВО: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ
И БУДУЩЕМ**
Ф. А. ЩЕРБИНА — История кубанского
казачьего войска 78

- **ВОЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ**
М. И. ДЬЯЧЕНКО — Об исследованиях боя
в русской психологии 82

- **СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ** 90

- **С ЮМОРОМ — К ПОБЕДЕ**
Метким ударом (Публикация А. Е. ВИХРЕВА) 92

- **ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ** 95

Отдали жизнь за Родину

СПИСОК

генералов, адмиралов, корпусных и дивизионных комиссаров Советской Армии и Военно-Морского Флота, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.)



Г. П. Козлов

П. М. Козлов

М. Е. Козырь

А. К. Коленковский

148. Генерал-майор Козлов Георгий Потапович, 1890 года рождения. Начальник артиллерии 5-го стрелкового корпуса. Пропал без вести в сентябре 1941 года на Западном фронте.

149. Герой Советского Союза генерал-лейтенант Козлов Петр Михайлович, 1893 года рождения. Командир 70-го стрелкового корпуса 1-го Украинского фронта. Умер 17 апреля 1944 года. Похоронен в Москве.

150. Герой Советского Союза генерал-майор Козырь Максим Евсеевич, 1890 года рождения. Заместитель командира 50-го стрелкового кор-

пуса 2-го Украинского фронта. Погиб 23 апреля 1945 года в районе г. Брно. Похоронен на Красноармейском кладбище на Ольшанах (г. Прага).

151. Генерал-лейтенант Коленковский Александр Константинович, 1880 года рождения. Начальник исторического цикла Военной академии имени М. В. Фрунзе. Умер 23 мая 1942 года. Похоронен в Ташкенте.

152. Генерал-майор интендантской службы Колпаков Архип Иванович, 1892 года рождения. Заместитель начальника тыла Краснознаменного Балтийского флота, сос-

тоявший в распоряжении главкомата Военно-Морского Флота. Умер 10 сентября 1944 года. Похоронен в Москве.

153. Генерал-майор Комиссаров Константин Васильевич, 1898 года рождения. Командир 183-й стрелковой дивизии Калининского фронта. Погиб в бою 2 марта 1942 года. Похоронен в деревне Лобзино Ржевского района Тверской области.

154. Генерал-майор Кондрусев Семен Михайлович, 1897 года рождения. Командир 22-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта. Погиб в бою 24 июня 1941 года в районе деревни Александровка Владимир - Волынского



А. И. Колпаков



К. В. Комиссаров



С. М. Кондрусев



И. И. Колец



В. А. Копцов



И. А. Копяк



Н. Н. Корженевский



П. П. Корзун

района Волынской области. Похоронен в Киеве.

155. Герой Советского Союза генерал-майор авиации **Конец Иван Иванович**, 1908 года рождения. Командующий военно-воздушными силами Западного фронта. Покончил жизнь самоубийством 23 июля 1941 года.

156. Герой Советского Союза генерал-майор **Концов Василий Алексеевич**, 1904 года рождения. Командир 15-го танкового корпуса Воронеж-

ского фронта. Умер от ран 3 марта 1943 года. Похоронен в п. Первомайский Алексеевского района Харьковской области.

157. Генерал-майор **Копяк Иван Андреевич**, 1897 года рождения. Командир 142-й стрелковой дивизии Калининского фронта. Погиб в 1942 году. Данных о месте захоронения нет.

158. Генерал-майор **Корженевский Николай Николаевич**, 1906 года рождения. Командир 26-й гвардейской стрелковой дивизии 2-го При-

балтийского фронта. Погиб 9 января 1944 года во время артиллерийского обстрела. Похоронен в г. Городок Витебской области.

159. Генерал-лейтенант **Корзун Павел Петрович**, 1892 года рождения. Командующий 47-й армией. Погиб 16 сентября 1943 года от взрыва мины. Похоронен в г. Гадяч Полтавской области.

*Публикацию подготовил генерал-лейтенант А. Д. СИДОРОВ
Фото предоставлены А. А. СТЕПАНОВЫМ*

В проверке и уточнении указанных сведений принимали участие полковник В. И. ИВАНОВ, полковник А. К. ДЕРГАЧЕВ, генерал-майор запаса В. А. БУЛГАКОВ, полковник запаса Э. С. ИВАНОВ, полковник запаса А. В. ГУЛЕНКОВ, О. В. ПЕРЕТЯТЬКО.

(Продолжение следует)

ПОБРАТИМЫ А. МАТРОСОВА

Ткаченко Григорий Тихонович — ефрейтор, курсант учебного батальона 8-го армейского запасного стрелкового полка 38-й армии 1-го Украинского фронта. 18 января 1944 года в бою у села Поповка Липовецкого района Винницкой области закрыл своим телом вражеский пулемет. 25 августа 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 10 ноября 1923 года в поселке Красная Яруга Ракитнянского района Белгородской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в селе Поповка. Улица в поселке Красная Яруга носит его имя. Навечно зачислен в списки воинской части¹.



Г. Т. Ткаченко



А. К. Кавтарадзе

Кавтарадзе Адам Каццлиович — рядовой, автоматчик 181 сп 291 сд 67-й армии Ленинградского фронта. 19 января 1944 года в бою за город Гатчина Ленинградской области грудью закрыл амбразуру вражеского дзота. 29 февраля 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1920 году в селе Сакере Душетского района Грузинской ССР в семье крестьянина. Грузин. Работал в колхозе².



М. П. Южаков



Г. С. Григорьев

Южаков Максим Платонович — рядовой, стрелок 30 гв. ск 42-й армии Ленинградского фронта. 19 января 1944 года в бою при освобождении Красного Села Ленинградской области (ныне в черте Санкт-Петербурга) закрыл амбразуру вражеского дзота своим

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 6–7, 8, 9, 10, 11, 12; 1993. № 1, 2.



П. И. Аврамков



Л. Я. Тупицын



И. Д. Меркулов



В. И. Ястребцов

телом. 25 февраля 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1923 году в городе Лениногорске Алтайского края. Русский. Член ВЛКСМ. В Красной Армии с 1941 года³.

Григорьев Георгий Степанович — гвардии сержант, разведчик 94-й гвардейской отдельной разведроты 91 гв. сд 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. 20 января 1944 года в бою у деревни Волчки южнее Витебска закрыл собой амбразуру вражеского дзота. 3 июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1924 году в деревне Лошки ныне Можайского района Московской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Рабочий. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в деревне Шапуры Витебского района Витебской области⁴.

Аврамков Прокофий Иванович — сержант, командир отделения 1344 сп 319 сд 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта. 22 января 1944 года в бою за деревню Омшары Новосокольнического района ныне Псковской области закрыл грудью амбразуру дзота. 4 июня 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился 19 ноября 1923 года в деревне Покровка Родинского района Алтайского края в семье крестьянина. Белорус. Член ВЛКСМ. Работал трактористом. В Красной Армии с 1941 года. Похоронен в братской могиле в селе Шейкино Новосокольнического района, где ему установлен памятник. Школа села Камышенское, где он учился, носит имя героя⁵.

Постольников Григорий Николаевич — гвардии рядовой, разведчик 15-й гвардейской отдельной разведроты 8 гв. сд 22-й армии 2-го Прибалтийского фронта. 23 января 1944 года в бою за деревню Мелехово Новосокольнического района Псковской об-

ласти закрыл телом амбразуру вражеского дзота. 18 июня 1944 года награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Родился в 1923 году в Ташкенте в семье рабочего. Русский. Член ВЛКСМ. Работал слесарем. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в 7 км от станции Насва Новосокольнического района (фото не обнаружено)⁶.

Туницын Леонтий Яковлевич — рядовой, стрелок 947 сп 268 сд 67-й армии Ленинградского фронта. 24 января 1944 года в бою за поселок Ульяновка Тосненского района Ленинградской области при снятии блокады Ленинграда закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. В августе 1991 года представлялся к званию Героя Советского Союза (посмертно). Представление не реализовано. Родился в 1903 году в деревне Агаповцы Оричевского района Кировской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с апреля 1942 года. На фронтах Великой Отечественной войны с января 1943 года⁷.

Меркулов Иван Данилович — младший сержант, пулеметчик 312 сп 26 сд 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта. 22 февраля 1944 года в наступательном бою за город Холм Новгородской области, будучи раненым, бросился на дзот, чем обеспечил роте успешное наступление. 15 мая 1946 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1924 году в селе Старая Ведуга Семилукского района Воронежской области в семье крестьянина. Русский. Член ВЛКСМ. Работал слесарем. Во время оккупации помогал партизанам. В Красной Армии с 1943 года. Похоронен в деревне Осиновка Холмского района. Именем героя названа улица в городе Холм⁸.

Ястребцов Виктор Иванович — сержант, помкомвзвода 1178 сп 350 сд 1-го Украинского фронта. 22 февраля 1944 года в бою в районе села Басовка Лысянского района Черкасской области закрыл своим телом вражеский пулемет. 23 сентября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1919 году в селе Метюково Антроповского района Костромской области в семье крестьянина. Русский. Работал в колхозе. В Красной Армии с 1940 года. Похоронен в селе Басовка. Улица в городе Коврове Владимирской области носит имя В. И. Ястребцова. Мемориальная доска установлена на месте подвига⁹.

Полин Алексей Владимирович — рядовой, разведчик взвода разведки 714 сп 395 сд 18-й армии 1-го Украинского фронта. 26 февраля 1944 года в бою за село Вишенки Хмельницкого района Винницкой области закрыл ам-



А. В. Полин

П. М. Тарасов

бразуру вражеского дзота своим телом. 25 августа 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился в 1911 году в селе Артемовка ныне Мордовского района Тамбовской области. Русский. Был председателем колхоза в Тамбовской области. В Красной Армии с 1942 года. Похоронен в городе Хмельнике. Улица в селе Вишенка носит имя героя¹⁰.

Жуйков Николай Петрович — лейтенант, командир взвода 13-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 161-го укрепрайона 1-го Белорусского фронта. 1 марта 1944 года в бою близ деревни Мармаль Жлобинского района Гомельской области закрыл амбразуру своим телом. 23 июля 1944 года награжден орденом Ленина (посмертно). Родился в 1922 году в поселке Еловский Починок Ярского района Удмуртской АССР в семье крестьянина. Удмурт. Кандидат в члены ВКП(б). Работал на железнодорожной станции Чусовая Пермской области. В Красной Армии с 1941 года. В 1943 году окончил военное пехотное училище. На месте подвига установлен памятный знак. Улица родного поселка носит его имя (фото не обнаружено)¹¹.

Мазилля Филипп Николаевич — старший сержант, командир пулеметного отделения 13-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 161-го укрепрайона 1-го Белорусского фронта. 1 марта 1944 года в бою за деревню Мармаль Жлобинского района Гомельской области вместе с Н. П. Жуйковым закрыл амбразуру вражеского дзота. 23 июля 1944 года награжден орденом Ленина (посмертно). Родился в 1894 году в деревне Дмитриевка Аксубаевского района Татарской АССР в семье крестьянина. Русский. Участвовал в первой мировой и гражданской войнах. Работал председателем колхоза. В Красной Армии с 1943 года (фото не обнаружено)¹².

Тарасов Петр Михайлович — гвардии капитан, заместитель командира батальона 340 гв. сп 121 гв. сд 13-й армии 1-го Украинского фронта. 2 марта 1944 года в бою за село Милуши Луцкого района Вольнской области закрыл амбразуру вражеского дзота своим телом. 25 августа 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Ро-

дился 7 октября 1921 года в деревне Каменные Озерки Рассказовского района Тамбовской области в семье крестьянина. Русский. Член ВКП(б). Работал в колхозе. В Красной Армии с 1938 по 1940 год и с 1941 года. Окончил Тамбовское военное пехотное училище в 1940 году. Похоронен в городе Луцке, где именем героя названа улица. На месте подвига установлен памятник¹⁸.

ИСТОЧНИКИ

¹ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 43, лл. 482—484; Шел парнишке в ту пору. Киев: Молодь, 1985. С. 294.

² Карасев А. В. На защите города Ленина. М.: Изд-во ДОСААФ, 1961. С. 101; Советская Белоруссия. 1978. 21 февраля; Заря Востока. 1961. 23 июня.

³ История СССР. 1975. № 4. С. 100—101; Ленинградская правда. 1944. 27 августа; Рудный Алтай (Усть-Каменогорск). 1965. 10 апреля.

⁴ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 12, лл. 81—82; Новые рубежи (г. Одинцово Московской области). 1968. 18 февраля.

⁵ ЦМВС, документальный фонд, № 427336; ЦАМО РФ, ф. 319 сд, оп. 484174, д. 1, л. 4; Алтайская правда (Барнаул). 1960. 19 июня.

⁶ ЦАМО РФ, картотека личного состава, карта № Р-10; Новгородская правда. 1964. 29 октября; В книге „Во имя жизни“ (Таллин: Ээсти Раамат, 1965) ошибочно указано, что он награжден орденом Ленина.

⁷ ЦАМО РФ, ф. 1559, оп. 1, д. 48, л. 24 (об).

⁸ ЦАМО РФ, ф. 312 сп, оп. 554460, д. 1, л. 16; Молодой коммунар (Воронеж). 1965. 19 мая; Новгородская правда. 1965. 16 мая.

⁹ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 50, лл. 484—486; ЦМВС, оружейный фонд, № 120805; В наградном листе — Ястребцев. Правильно — Ястребцов.

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 35, лл. 28—29; Дьячков Л. Г. Герои Советского Союза — тамбовцы. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1974. С. 132—136.

¹¹ Царьков Н. Ценою жизни. Минск: Беларусь, 1973. С. 35; Побратимы Матросова. Минск: Беларусь, 1984. С. 35—46; Советская Белоруссия. 1977. 22 марта.

¹² Побратимы Матросова. Минск: Беларусь, 1984. С. 35—46; Советская Белоруссия. 1977. 23 марта; Правда. 1983. 23 ноября.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 43, лл. 115—116; Дьячков Л. Г. Наша гордость и слава. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1968. С. 20—21; Тамбовская правда. 1968. 5 марта.

*Публикацию подготовил
Н. В. БОРИСОВ,
старший научный сотрудник
Института военной истории
Фото из архива автора*

(Продолжение следует)

Но не забыть сказать
о гасменном составе
стрелковой дивизии
всего времени?
Гам

„НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛИ СЕБЕ... ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ, СВЯЗАННЫХ С ЭТОЙ ВОЙНОЙ“

Советско-финляндская война 1939—1940 гг., непродолжительная по времени, но кровопролитная по характеру не принесла ни славы победителю, ни позора побежденному, только горечь людских потерь. Так, по далеко не полным данным потери Красной Армии в ней составили 285 510 человек (72 408 убитыми, 17 520 пропавшими без вести, 13 213 обмороженными и 240 контужеными). Потери финской стороны, по официальным данным, составили 95 тыс. убитыми и 45 тыс. ранеными.

Сейчас, когда в научный оборот вводятся новые, ранее неизвестные документы, было бы несправедливо продолжать отстаивать официально существовавшую точку зрения по этому вопросу. Трудно согласиться и с нерешительными попытками всю вину за развязывание советско-финляндской войны возложить на советское военно-политическое руководство. Видимо, и в России, и в Финляндии понимают, что главные виновники этой трагедии не наши народы и с некоторой оговоркой даже

не наши правительства, а германский фашизм, а также те политические круги на Западе, которым была выгодна напряженность на севере Европы.

Весной и летом 1939 года обстановка накалялась, чувствовалось приближение войны. США и страны Западной Европы усиленно подталкивают Германию к нападению на СССР. В сентябре 1939 года моторизованные корпуса вермахта при мощной поддержке авиации лавиной устремились в глубь Польши. 36 дней потребовалось военной машине Германии, чтобы полностью разгромить польскую армию, считавшуюся одной из сильнейших в Европе. Не увенчались успехом и попытки Советского правительства сколотить антигитлеровскую коалицию. Заключив пакт о ненападении с Германией, отодвинув западную границу СССР на 250—350 км по линии рек Тисса, Нарев, Буг, Висла, Сан, СССР значительно улучшил свое стратегическое положение на этом направлении. В то же время наша северная граница оставалась уязвимой. В

частности, на Карельском перешейке в 32 км от Ленинграда с помощью иностранных специалистов Финляндия создала сеть мощных оборонительных сооружений — линию Маннергейма.

Кроме того, как убедительно свидетельствуют трофейные архивные документы, в отношении Финляндии у Гитлера были далеко идущие планы. На одном из совещаний, посвященных „русской проблеме“, отмечалось: „...в) Политические цели — Украинское государство, федерация Прибалтийских государств, Белоруссия, Финляндия, Прибалтика (заноза в теле)... Существование второй великой державы (России) на Балтийском море нетерпимо“. Таким образом, территория Финляндии рассматривалась фашистской Германией как удобный плацдарм для нападения на СССР с севера. Не прочь были разыграть советско-финляндскую карту и другие государства.

В статье доктора исторических наук, профессора А. М. Носкова, опубликованной в „Военно-историческом журнале“ № 7 за 1990 год, говорится: „По свидетельству английского историка Л. Вудворда, западные страны намеревались с помощью финляндско-советского военного конфликта подтолкнуть фашистскую Германию к войне против Советского Союза. Прежде всего предполагалось запугать Швецию, Норвегию и отчасти Германию угрозой „неминуемой советской экспансии“ в Швецию и Норвегию. Опасаясь за судьбу Балтики и шведской железной руды, Германия, по расчетам западных стратегов, попросит Швецию дать возможность защитить ее от русских и таким образом ввяжется в вооруженную схватку с Советским Союзом. Это приведет к распылению сил рейха и ослаблению угрозы вторжения во Францию и Англию“.

Как теперь известно, ни планам Германии, ни планам правящих кругов США и стран Западной Европы не суждено было претвориться в жизнь. Но главное, к сожалению, чего им удалось достичь, — это то, что советско-финляндская война стала реальностью. Она принесла нашим народам горе и страдания, потребовала больших жертв. То, что Финляндия одна не сможет противостоять СССР, не было для них секретом. Западные политики кроме идеи отвлечь фашистскую армию от нападения на свои страны

преследовали еще и цель выявить реальную силу Красной Армии и, как уже отмечалось, спровоцировать войну Германии и СССР.

Высветив слабые стороны наших Вооруженных Сил, убедительно показав дисбаланс мощи вермахта и Красной Армии, советско-финляндская война внесла заметные изменения в политику США и западноевропейских стран. В прессе того времени открыто высказывались надежды на создание единого фронта против СССР. Французские государственные деятели и генеральный штаб с энтузиазмом взялись за разработку планов низвержения советского колосса с его „глиняных ног“.

В этом номере мы знакомим читателей с очередной подборкой документов, которые хранились в архиве Политбюро ЦК КПСС. На оригинале не указана дата и принадлежность материалов. По заключению старшего сотрудника Института военной истории П. Н. Дмитриева, рукописные правки и дополнения принадлежат К. Е. Ворошилову. Для него итогом советско-финляндской войны явилось отстранение от должности наркома обороны.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

О БОРЬБЕ ЗА ФИНСКИЙ ЗАЛИВ И ФИНЛЯндию

Финляндия и ее значение в истории России

С древнейших времен все народы мира стремились к взаимному общению, к развитию экономических связей. Это стремление было совершенно естественным явлением в жизни народов с точки зрения их политического, экономического и культурного развития. Основным средством такой международной связи с древнейших веков являлись и до сегодняшнего дня являются морские сообщения.

С незапамятных времен средством

сообщения с Западом для народов, населявших Россию, являлись Балтийское море (главным образом через его выдающуюся на восток часть — Финский залив) и Черное море. Обладание берегами этих морей являлось и является до сих пор важнейшей проблемой жизни государств, примыкавших к этим морям.

„Окно в Европу“ из России пробивалось задолго до Петра I. Еще в X веке новгородцы распространяли свое влияние на карелов, населявших территорию теперешней Финляндии. В летописях XI и XII веков упоминаются подвластные Новгороду народности — карели и емь. Дошедшая до нас в книге Эрика Бьернера рунная грамота IX века, представляющая древнейший договор России с Норвегией, определяет северо-западную границу подвластных Новгороду земель у залива Люнгенфиорда в Норвегии. Вся Карелия (Выборгская и восточные части Сенгильской и Куспийской губерний) была прочно связана с Новгородом, от которого в начале XIII века приняла православие.

Швеция, владея всеми западными берегами Балтийского моря, не удовлетворялась этим. Она стремилась захватить и все восточные берега Балтики, чтобы полностью закрыть выход России в море и безраздельно владеть Балтийским морем.

Проблема балтийских берегов решалась между Россией и Швецией силой оружия. Десятки и сотни кровопролитных войн, набегов, крестовых походов против новгородцев, псковитян, москвитян, двинян и прочих русских народов характеризуют период от XII века до Петра I.

Колонизация территории нынешней Финляндии со стороны Швеции началась в 1150-х годах.

Борьба с татарами отвлекла внимание России от Балтийского моря. Небольшие силы Новгорода и Пскова не могли постоянно сдерживать напор тевтонских племен и шведов, и после трехвековой упорной борьбы по Ореховскому (1323 г.) миру граница Русского государства от Выборга отодвинулась на р. Сестру.

В 1581 году Швеция объявила Финляндию Великим княжеством, входящим в Шведское государство. Но и после этого войны по обеим сторонам Финского залива не прекращались, и в зависимости от победы или

поражения Карельский перешеек принадлежал то Швеции, то России.

Период от Петра I до войны 1808—1809 гг.

Столбовским миром 1617 года (вынужденно заключенным после смутного времени) и Кардисским миром 1661 г. (при царе Алексее Михайловиче) весь Карельский перешеек, включая г. Орешек (Шлиссельбург) на Ладожском озере, и все южное побережье Финского залива отошли Швеции. Россия была отрезана от Балтийского моря.

В 1700 году Петр I начал великую Северную войну со Швецией, длившуюся до 1721 года. В результате этой войны по Ништадтскому миру к России отошли Карелия, Выборг, Кексгольм, все южное побережье Финского залива, Рижский залив, многие острова, в том числе Эзель, Даго. Наголову разгромив Швецию, Петр великодушно уступил ей саму Финляндию.

Таким образом, „окно в Европу“ было прорублено, но полной безопасности новой столице русского государства — Петербургу и свободному выходу в Балтийское море из Финского залива не было создано. Все северное побережье Финского залива, острова в горловине Финского залива и ряд крепостей Ладожского озера оставались у Швеции.

В Швеции очень хорошо понимали выгодное стратегическое значение оставшейся у них территории Финляндии. И вот, пользуясь преимуществом, ровно через 20 лет шведы вновь начали войну с Россией, чтобы отвоевать потерянное. Результаты этой двухлетней войны для Швеции оказались плачевными. Шведы были наголову разбиты сначала на суше, а затем и на море.

Граница России на северном берегу Финского залива в 1743 году была от Выборга отодвинута еще далее на запад и проходила по реке Кюмень, а к северу от Ладожского озера к России отошли города-крепости Нейшлот, Вильманstrand и Фридрихсгам.

Следующая очередная война 1788—1790 гг., открытая шведским королем Густавом III, потребовавшим от Екатерины II возвращения Карельского перешейка, также оказалась неудачной для Швеции. Несмотря на происки Пруссии и Англии против России и наличие [«военных»] действий между Рос-

сий и Турцией, прежние границы России в Финляндии остались без изменений.

Война 1808—1809 гг.

Отношения между Швецией и Россией скоро опять стали напряженными. Швеция заключила военный союз с Англией против России. Война разразилась в 1808 году.

Русская армия в составе 3 дивизий (общей численностью около 28 тыс. [человек] и 116 орудий) в феврале 1808 года перешла границу, заняв Ловизу на северном берегу Финского залива, осадила морскую крепость Свеаборг, добилась ее капитуляции, заняла все основные пункты Финляндии, принудив шведскую армию к отступлению к Улеаборгу. После нескольких неудач отдельных русских отрядов, действовавших в чрезвычайно тяжелых условиях и отрезанных от главных сил, русские войска вновь заняли все важнейшие пункты страны, достигнув 18 января 1809 года Улеаборга и совершенно очистив Финляндию от шведской и финской армий.

В кампанию 1809 года русская армия (5 корпусов численностью до 50 тыс.) заняла Аландские острова, по льду перешла Ботнический залив и заняла шведский город Умео.

Кампания закончилась Фридрихсгамским миром (сентябрь 1809 г.), по которому России отошла вся Финляндия.

Война 1854—1855 гг.

Во время Севастопольской обороны Англия и Франция, к которым присоединилась и Швеция, вознамерившаяся возвратить Финляндию, направили свой флот в Финский и Ботнический заливы. Пользуясь своим исключительным преимуществом — наличием парового флота и дальнобойной артиллерии, чего у России не было, англо-французская армада в 1854 и 1855 годах безнаказанно бомбардировала берега Финляндии от Улеаборга до Выборга и отчасти южное побережье Финского залива. Однако русские войска и береговой флот в Финляндии героически защищались и не допустили неприятеля к занятию берегов Финляндии. Англо-французский флот вынужден был сняться с якоря и уйти, убедившись, что без

занятия северных берегов Финского залива нельзя подойти к Петербургу.

Финляндия в годы перед революцией и после Октябрьской революции

В годы царизма Финляндия играла важную роль в революционном движении России. В 1905—1906 гг. Финляндия служила ареной открытой революционной борьбы с царским правительством. В дни Свеаборгского восстания финские рабочие проявили свою солидарность с восставшими русскими войсками. Через Финляндию проходили в Россию революционная литература, печатавшаяся за границей, оружие, эмигранты. В Финляндии укрывались от жандармских преследований Ленин, Горький и другие революционеры.

Финляндские рабочие, крестьяне вели борьбу за свою национальную независимость. К независимости стремилась и буржуазия.

Однако финские рабочие оказались совершенно неподготовленными ни к Февральской, ни к Октябрьской революции, получив от русских рабочих свержение царизма, так сказать, в готовом виде. В Финляндии отсутствовала большевистская партия, поэтому правильного руководства рабочий класс не получил. Этим воспользовалась финляндская буржуазия, направив всю свою деятельность, с одной стороны, против своих рабочих (пролетарская революция в Финляндии в 1918 г. была потоплена в крови), а с другой — против новой России.

После Февральской революции финский сейм упорно добивался получить самостоятельность Финляндии. Но это ему не удалось сделать. Правительство Керенского не шло даже на расширение внутренней автономии Финляндии, ссылаясь на будущее Учредительное собрание.

Только Великая Октябрьская революция оказалась решающим фактором в деле признания независимости Финляндии.

Декретом Совнаркома РСФСР от 18 декабря 1917 года (за подписями Ленина и Сталина) Финляндии была предоставлена полная независимость.

К сожалению, эту независимость получил не народ Финляндии, а буржуазия Финляндии. Товарищ Сталин, выступая по этому вопросу на заседании ЦИКа 22 декабря 1917 г., говорил:

...фактически Совет Народных Комиссаров дал свободу невольно не народу, не представителям пролетариата Финляндии, а финляндской буржуазии, которая странным стечением обстоятельств получила независимость из рук социалистической России. Финские рабочие и социал-демократы очутились в таком положении, что должны принимать свободу не непосредственно из рук социалистов, а при помощи финской буржуазии, и, видя в этом трагедию финского пролетариата, мы не можем не отметить, что финские социал-демократы только из нерешительности и непонятной трусости не предприняли решительных шагов к тому, чтобы самим вырвать из рук господствующей буржуазии свою независимость" (Известия ЦИК от 24.XII.17 г.).

Для Ленина и Сталина, для нашей партии уже тогда было ясно, что финская буржуазия может ответить русскому пролетариату за полученную от него независимость только черной неблагодарностью. Но финская буржуазия и меньшевистская социал-демократия пошли слишком далеко. Они отдали независимую Финляндию в вассальную зависимость своим новым хозяевам — английскому капиталу. Они превратили ее в плацдарм для нападения на Советский Союз.

Уроки войны с Финляндией

Война с Финляндией продолжалась 104 с половиной дня и носила чрезвычайно ожесточенный характер.

Должен сказать, что ни я, нарком обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной. Объясняется это прежде всего тем, что Военвед не имел хорошо организованной разведки, а следовательно, и необходимых данных о противнике; те скудные сведения, которыми мы располагали о Финляндии, ее вооруженных и укрепленных районах, не были достаточно изучены и обработаны и не могли быть использованы для дела.

Военное ведомство подошло к подготовке войны в Финляндии недостаточно серьезно.

1. Стрелковых войск, артиллерии, авиации и танков, сосредоточенных на Карельском перешейке и в Карелии к началу военных действий, было явно

недостаточно для того, чтобы прорвать укрепленную линию на Карельском перешейке и разгромить финляндскую армию.

2. Не зная как следует противника и театра военных действий, мы считали возможным применение наших тяжелых дивизий и танковых войск на всех участках финляндского театра.

3. Начиная войну зимой, войска не были должным образом обмундированы, оснащены и снабжены для действий в суровых зимних условиях.

4. На вооружении наших стрелковых войск не оказалось легкого пистолета-пулемета и ротного 50-мм миномета.

Эти и целый ряд других, не менее серьезных недочетов в подготовке Красной Армии, и особенно подготовке к войне с Финляндией, о которых скажу ниже, не замедлили сказаться в процессе войны самым тяжелым образом.

Как известно, война началась 30 ноября 1939 года. С началом боевых действий в центре была создана Ставка Военного совета в составе тт. Сталина, Ворошилова, нач. Генштаба т. Шапошникова и наркома Военно-Морского Флота т. Кузнецова (последний участвовал на заседании только при решениях морских вопросов). Постоянным и активным участником Ставки являлся Предсовнарком тов. Молотов, хотя он официально и не был членом Ставки.

Ставка, вернее ее активный член тов. Сталин, фактически руководила всеми операциями и всей организационно-творческой работой, связанной с фронтом.

Наши войска на Карельском перешейке утром 30 ноября после артиллерийской подготовки перешли в общее наступление по всему фронту и, преодолевая всевозможные искусственные и естественные преграды и заграждения, уничтожая передовые части противника, к 10 декабря подошли к переднему краю финского укрепленного района, преодолев с непрерывными боями в общем от 25 до 65 км территории противника, делая в среднем от 3 до 6 км в сутки. За этот сравнительно короткий срок наши войска на Карельском перешейке с боями овладели довольно обширным плацдармом, представлявшим собой так называемое предполье укрепленного района, а попросту говоря, поле, сплошь изрытое окопами и противотанковыми рвами с эскарпами, уты-

канное гранитными и железобетонными надолбами, переплетенное вдоль проволочными заграждениями в пять и больше колов с большим количеством окопов, блиндажей, пулеметных и артиллерийских гнезд и городков и огромным количеством лесных завалов, оплетенных колючей проволокой, на всех дорогах и предметях. Ко всему этому финны применяли в широких размерах противотанковые и другие мины, которыми обильно минировали не только дороги, съезды с них и все более или менее проходимые участки местности, межозерные перешейки, мосты, дома, всевозможные постройки, но даже и предметы домашнего обихода и пр. Помимо этого финны, отступая, начали сжигали деревни, насильно уводили жителей, угоняли или истребляли скот и пр.

В тот же день, 30 ноября, наши войска, расположенные в Карелии, на петрозаводском, ухтинском, кандалакшском и мурманском направлениях, также перешли государственную границу и с боями начали продвигаться в глубь Финляндии. Войска петрозаводского направления, развивая свое наступление, к 15 декабря вышли в район Койта-йоки, оз. Колан-ярви, Мурсула и, встретив на этой линии одновременно подготовленные оборонительные позиции и сильное сопротивление противника, вынуждены были приостановить свое наступление и перейти к организованной обороне. За 15 дней наши войска этого направления проделали 65-километровый марш с боями при темпе движения в среднем 4,2 км в сутки.

Войска ухтинско-кандалакшского направления с боями продвигались вперед и к 18 декабря овладели своими правофланговыми частями районом восточного берега о. Кеми-ярви, центром своих сил — Суомусалми, Карписалми, Нурмиярви. На этой линии противник на заранее подготовленных оборонительных позициях задержал продвижение наших войск, вынудив их и здесь приостановить наступление и перейти к обороне.

Наши войска указан[ных] направлений продвинулись в глубь Финляндии на 35—140 км, делая таким обра-

зом в среднем по 2,3—8,7 км в сутки.

Северная группа наших войск, действовавшая с Мурманска в направлении на Петсамо, 1 декабря овладела с боем портом Петсамо, одновременно очистив от финских гарнизонов районы, принадлежавшие Финляндии на полуостровах Средний и Рыбачий.

Начальный период действий наших войск характеризуется огромным порывом всего личного состава, от командира до бойца, и большим напряжением всех родов войск.

Особенно много пришлось поработать в этот период на Карельском перешейке танковым войскам. Танки явились здесь не только серьезным боевым средством, но также и организующим войска фактором. Смелые, часто чересчур смелые действия танковых бригад и частей увлекали за собой пехоту и нередко предопределяли и обеспечивали ее успех.

Действия артиллерии на Карельском перешейке в первый период не представляли собой той сокрушающей мощи, которую она выказала позже, при прорыве укрепленной линии Маннергейма, тем не менее и в это время на Карельском перешейке артиллерия выполняла свои задачи, как правило, хорошо.

Наша авиация — этот важнейший боевой фактор вооруженных сил, к сожалению, в течение всего декабря месяца не могла принять активного участия в боевых операциях совместно с наземными войсками из-за тяжелых метеорологических условий, что, разумеется, не могло не сказаться на успехе операций наших войск. Кроме того, вынужденное бездействие нашей авиации позволило противнику беспрепятственно производить в широких размерах оперативные переброски сил и средств в нужные районы и пункты, используя свои внутренние операционные линии.

Уже за этот первый сравнительно короткий период войны были выявлены многие слабые стороны наших войск и сильные стороны противника.

*Публикацию подготовил
генерал-лейтенант Л. Г. ИВАШОВ,
кандидат исторических наук*

(Продолжение следует)

КТО КОГО ПРЕДАЛ

Варшавское
восстание 1944 года:
свидетельствуют
очевидцы

Москва -

То варищу СТАЛИНУ

21.9. 1-м Белорусским фронтом для связи с повстанцами в г. Варшаву был сброшен с самолета на парашюте лейтенант КОЛОС Иван Андреевич, кличка "Олег". Лейтенант Колос пробыл в Варшаве с 21.9. по 2.Х.

При этом посылаю Вам протокол его опроса.

В его сообщении освещаются вопросы: установления контакта с польскими повстанцами, планов и хода восстания в Варшаве, отношения к Красной Армии и Советскому Союзу, отношения между армией Краевой и армией Людовой, получения грузов, сбрасываемых авиацией, деятельности представителей Лондонского правительства, подготовки и проведения капитуляции.

Булганин
БУЛГАНИН

" 9 " октября 1944 г.

№ 0074.

**ПРОТОКОЛ ОПРОСА
разведчика штаба фронта „Олега“,
вышедшего в ночь с 1 на 2.10. 1944 года
из центрального района города Варшавы***

**Установление контакта
с польскими повстанцами**

21 сентября с. г. я приземлился в центральном районе города Варшавы, на ул. Гожа. Как оказалось, в этом районе действовали отряды Армии Людовой (АЛ). Я был немедленно сопровожден к командиру АЛ майору Сенку и был принят им совместно с его начальником штаба Романом.

Майор Сенк радостно принял меня и обрисовал общую обстановку в Варшаве. По его словам, положение было весьма тяжелым, население и повстанцы голодали. Восстание затянулось на непредвиденный срок. Сенк заявил, что очень рад моему прибытию как представителя Красной Армии и одновременно предупредил меня, чтобы я не проявлял особого доверия к представителям АК (Армии Крайовой), которые враждебно относятся к Красной Армии и Советскому Союзу.

22 сентября я был принят генералом Скаковским, который объединяет руководство отрядами АЛ, ПАЛ (Польская Армия Людова), КБ (корпус безопасности). Скаковский обещал мне полное содействие в работе, составил списки необходимого вооружения, боеприпасов и продовольствия и также предупредил меня о необходимости осторожного отношения к АК.

Вслед за этим я был направлен к командованию центрального повстанческого участка — в штаб генерала Монтера.

Генерал Монтер принял меня совместно со своим заместителем полковником Вахновским, начальником штаба полковником Хирургом. На беседе присутствовал также неизвестный мне человек в гражданской одежде, который фактически руководил совещанием. Монтер не давал ни одного ответа, предварительно не посоветовавшись с этим человеком.

Первым вопросом со стороны Монтера, после того как я представился как офицер Красной Армии, прибывший для установления связи,

был: „Имеете ли полномочия для решения политических вопросов?“ После моего отрицательного ответа Монтер разочарованно сказал: „Вы не прибыли как политический представитель. Жаль. Тогда нам мало о чем разговаривать“.

Я еще раз подчеркнул, что прибыл как военный представитель и офицер связи для урегулирования вопросов сбрасывания продовольствия, боеприпасов, вооружения, взаимной информации о противнике, а также передачи планов и пожеланий повстанцев командованию Красной Армии.

В беседе Монтер заявил: „Мы нуждаемся только в боеприпасах и вооружении. Продукты мы не просим, так как их доставляют Англия и Америка“.

Монтер обещал дать письменную заявку на необходимые грузы, а также обещал давать сведения о противнике. Беседа проходила в сдержанных тонах. Было заметно недоброжелательное и подозрительное отношение ко мне как к представителю Красной Армии.

После беседы мне было выделено специальное помещение с охраной. Во время установления радиостанции мой радист, который ранее при посадке был тяжело ранен, был вторично смертельно ранен разорвавшейся миной.

**Планы и ход восстания
польских повстанцев в Варшаве**

Восстание планировалось и готовилось долгое время. Из Англии доставлялись запасы боеприпасов и вооружения, которые располагались на тайных складах. Руководящая роль принадлежала организации АК, руководимой Лондонским правительством. Остальные организации, в том числе и демократические, не были в курсе подготовки восстания.

Целью восстания был захват города до занятия его частями Красной Армии. После захвата Варшавы сюда должно было немедленно прибыть польское правительство во главе с Миколайчиком. Одной из задач, поставленной АК, было первоочередное

* Стиль документа сохранен.

очинение помещений правительства и министерств.

В 5 часов 1 августа 1944 года АК начала вооруженное выступление, поддержанное всем населением Варшавы. Демократические организации АЛ, ПАЛ, КБ были поставлены перед свершившимся фактом, однако решили поддержать восстание.

Первоначально повстанцы имели успех — очистили центральную часть города от немцев (в том числе помещения министерств и правительства) и рассчитывали, что в скором времени очистят всю Варшаву. Командование АК форсировало восстание, видя быстрое продвижение частей Красной Армии в район Седлец.

Подготовкой и проведением восстания руководили представители Лондонского правительства, в том числе несколько министров, которые все время находились в Польше. Кроме того, из Лондона специально прибыл заместитель премьер-министра Миколайчика, который все время находился в Варшаве (фамилию установить не удалось).

В качестве официального руководителя выступил генерал Бор (настоящая фамилия граф Комаровский). Личность Бора сугубо законспирирована. Никто из солдат и офицеров его не видел, недоступ к нему имели только Монтер и некоторые полковники. Все личные приметы сохранялись в тайне, так что никто не мог сказать, был ли Бор в Варшаве или его там не было.

От имени Бора выступал его адъютант генерал Гутек (небольшого роста, около 55 лет, в гражданской одежде). Гутек проводил официальные пресс-конференции, на которых информировал об указаниях Лондонского правительства и самого генерала Бора.

Генерал Скаковский ни разу не был принят Бором.

Официальные разведсводки, которые я получал в штабе Монтера, помечались: „ПП генерал дивизии Бор“.

К 10 сентября стал ясен неуспех восстания. Запасы продовольствия и вооружения стали иссякать. Противоречия между различными организациями, и в первую очередь между АК и АЛ, не давали возможности эффективно бороться с немцами. Для устранения этих противоречий АК и АЛ вошли в контакт, который носил чисто военный характер.

В первый период восстания руко-

водство АЛ боялось выступать против АК, так как более сильная организация АК угрожала полным истреблением АЛ. Однако после продолжительных и ожесточенных боев руководство АК было вынуждено вступить в военный контакт с АЛ. Отряды АЛ подчинялись общему руководству Монтера. Первоначально в каждом районе имелись роты АЛ и АК, впоследствии АЛ и АК получили отдельные районы для обороны.

Гражданское население, которое в первое время полностью пошло за АК, в ходе боев с немцами увидело провал планов АК. Населению стало ясно, что восстание начато без всякого соглашения с Красной Армией. Антисоветская пропаганда, развернутая реакционными элементами, начала терять свою популярность. Среди населения появились протесты против руководства АК, паника, требования капитуляции. 18.9 имело место вооруженное выступление групп гражданского населения против руководства АК, которые стремились устранить АК как элемент, из-за которого Красная Армия не вступает в Варшаву и не оказывает никакой помощи гражданскому населению.

К моменту моего прибытия в Варшаву в городе царил голод. Солдаты в качестве питания получали: утром — горячую воду, днем и вечером — горячий суррогат кофе. Хлеба и крупы не было. Гражданское население не получало никакого продовольствия. Одновременно в городе имела место разнузданная спекуляция продуктами питания. На базаре можно было купить все, включая сало и хлеб. Продажа шла исключительно на золото и доллары. Было известно, что крупнейшие фабриканты и помещики, находившиеся в городе, обладают крупными запасами продовольствия, охранявшегося вооруженной стражей. Городская управа, руководимая Лондонским правительством, не принимала никаких мер к регулированию снабжения населения. Ежедневно сотни людей умирали от голода и болезней.

Официальная пропаганда руководства АК, которая выпускала ежедневно информационные бюллетени, утверждала эффективность сбрасывания англо-американской авиацией продовольствия для населения и снаряжения повстанцам. В действи-

тельности англо-американские самолеты не имели никакого эффекта. 14.9 был организован демонстративный полет 80 тяжелых самолетов, которые с высоты до 3 тысяч метров сбросили большое количество грузов, из которых не менее 95 проц. попало к немцам.

Отношение к Красной Армии и Советскому Союзу

Руководство АК по указаниям Лондонского правительства проводило открытую антисоветскую пропаганду среди повстанцев и населения. Выдвигался лозунг создания „второго чуда на Висле“, которое не должно было пустить русских в Варшаву. Пропаганда АК утверждала, что Красная Армия будет проводить массовый вывоз поляков из Польши в Сибирь и заселение польских районов русскими. Неоднократно упоминалась Катань.

В начальный период восстания Советский Союз и Красная Армия подвергались многочисленным нападкам за то, что они не оказывают помощи повстанцам в отличие от Англии и Америки. После начала сбрасывания советской авиацией грузов над Варшавой руководители АК продолжали утверждать, что сбрасываемые грузы английского происхождения, которые доставляются в Москву и оттуда транспортируются советскими самолетами.

Реакционные политические организации выделяли специальных пропагандистов, которые обходили солдат и население, настраивая их против Красной Армии.

Как известно, советские самолеты сбрасывали грузы с небольшой высоты, без парашютов, в связи с чем некоторые грузы разбивались. Вышеуказанные пропагандисты разъясняли, что разбившиеся грузы именно советские, а те грузы, которые не разбились, — английские, с хорошей упаковкой.

С началом действий советской авиации, сбрасывавшей грузы и прикрывавшей Варшаву, обстрела советской артиллерией немецких огневых позиций в городе антисоветская пропаганда АК стала терять почву среди широких масс населения и повстанцев. Население начало изменять свое отношение к Красной Армии, что еще

более усилилось после того, как информационный бюллетень известил население о прибытии офицеров связи Красной Армии.

Если в первое время польская армия Берлинга под влиянием агитации АК рассматривалась как „продажные элементы из Сибири“, то после взятия Праги население начало склоняться на сторону демократических элементов, агитировавших за Красную Армию и Люблинское правительство.

Используя благоприятную обстановку, АЛ и другие демократические организации активизировали свою работу, выпуская ежедневно несколько бюллетеней с разъяснением положения, требований Люблинского правительства. К концу восстания все население с нетерпением ожидало Красную Армию, обвиняя АК в преступном разжигании восстания, приведшего к гибели тысяч мирного населения. Аналогичные настроения появились и внутри самой АК.

Ко мне, как к офицеру связи Красной Армии, в штабе АК относились сдержанно. Имели место случаи отказа в моих просьбах. Так, например, когда я просил передать записку советскому офицеру, находившемуся в районе Жолибоя, мне сначала обещали доставить ее через 3 часа, потом отсрочили на 3 дня, а в конце концов заявили, что доставить невозможно.

Реакционные элементы, и в первую очередь боевая подпольная организация АК, так называемая ПКБ, проводили ярко выраженную националистическую политику.

Все украинское население, оставшееся в городе, было вырезано или расстреляно. Силами ПКБ также были уничтожены остатки евреев, которых не успели уничтожить немцы.

ПКБ проводила специальные облавы на русских военнопленных, вырвавшихся из немецкого плена, стремясь захватить заложников для следующего обмена с Красной Армией. Так, например, АК держала в качестве заложников подполковника Николая Румянцева, майора Николая Городецкого и профессора медицины Александра Даниловича Ершова.

Представители АК пытались расстрелять майора Волкова, причем один офицер заявил: „Вы нас расстреливали в Катани, и мы будем вас расстреливать“. Также были убиты офицеры и бойцы 9-го полка 1-й польской

армии, которые прошли в центр после разгрома немцами Чернякувского участка. Сообщивший мне об этом сержант полка Ляхно вскоре после разговора со мной был застрелен из-за угла.

Официальная пропаганда АК, учитывая изменения общего настроения населения и солдат, вскоре была вынуждена перестроить свою агитацию и от открытой клеветы на Советский Союз перешла к косвенному опорочиванию. Так, например, после того, как сбрасывание грузов советскими самолетами приобрело массовый характер, политические круги АК не могли замалчивать этот факт, как это имело место раньше. Только в последние дни в одном из бюллетеней появилась статья под заголовком: „Спасибо Черчиллю, Рузвельту и Сталину“. Это явилось первым официальным признанием участия Красной Армии в помощи Варшаве. В то же время АК не теряла случаев порочить Советский Союз и Красную Армию.

Генерал Монтер несколько раз передавал мне заявки на необходимые виды вооружения, а также представил свой „стратегический план“, в котором предлагал Красной Армии немедленно брать Варшаву обходными ударами с флангов, но не штурмовать ее в лоб. В штабе Монтера офицеры неоднократно выражали недовольство, почему Красная Армия до сих пор наступает.

Отношения между Армией Крайовой и Армией Людовой

Основными военными и политическими организациями среди повстанцев были АК и АЛ, вокруг которых группировались остальные элементы. Взаимоотношения между АК и АЛ все время оставались обостренными.

Несмотря на установление военного контакта и сотрудничества между ними, АК не считала АЛ за равноправную организацию. На совещания военного, а тем более политического характера представители АЛ не приглашались. О всех изменениях в обстановке командир АЛ майор Сенк должен был узнавать сам.

В начальный период ПКБ имела указания организовывать террористические акты против руководителей АЛ, насаждать агентуру в них. Солдаты АЛ за

малейшую провинность арестовывались и расстреливались.

В центральном участке отряды АЛ насчитывали до 2 тысяч человек (совместно с ПАЛ и КБ), а АК — от 5 до 6 тысяч человек. Первоначально АК не выдавала для АЛ никакого вооружения из числа сбрасываемого англо-американской авиацией. Кроме того, до моего прибытия руководство АК не разрешало отрядам АЛ разжигать костры для получения грузов, сбрасываемых советской авиацией. Только впоследствии АЛ получила такое право.

Генерал Скаковский, возглавлявший объединенные отряды АЛ, ПАЛ и КБ, считался чисто военным человеком, не имевшим точно определенной политической ориентации. Генерал Монтер пытался привлечь Скаковского на свою сторону, несколько раз вызывал его на секретные переговоры, однако успеха не добился.

С развитием событий политические лозунги АЛ, стоявшей за сотрудничество с Красной Армией и Люблинское правительство, получали все большее распространение. В отряды АЛ начало приходить большое количество офицеров и солдат АК с просьбой принять их в АЛ. Не желая конфликтовать с АК, руководство АЛ отказалось производить прием, однако вело специальный учет подобных лиц. Кроме того, к АЛ присоединилось большое количество различных гражданских демократических групп и организаций, в результате этого руководство АЛ учитывало возможность захвата инициативы в свои руки в случае предательства АК. Однако АЛ не желала использовать этой возможности, стремясь сохранить единство, необходимое в борьбе с немцами.

Руководство АК преследовало офицеров и солдат, склонявшихся на сторону АЛ. Так, например, майор АК Мечислав Ничдецкий за симпатию к АЛ был арестован и предан суду якобы за свои иностранные связи до войны и т. д.

Платформа АЛ получила широкую популярность среди населения. АЛ, ПАЛ и КБ обратились с письмом к Верховному Главнокомандующему маршалу товарищу Сталину, которого благодарили за оказанную помощь и обещали вести борьбу против немцев совместно с польской армией гене-

рал-полковника Роля-Жимерского.

По моей оценке, в последние дни до 80 проц. солдат и низших офицеров АК были готовы к переходу на сторону АЛ. Руководство АЛ испытывало сильное затруднение, связанное с отсутствием связи с Люблинским правительством. Два члена Люблинского правительства, находившиеся все время в Варшаве, не были связаны с Осубка-Моравским, так как не имели радиостанции.

В военном отношении отряды АЛ получали самостоятельные районы, за которые несли полную ответственность, и фактически были самостоятельными, подчиняясь Монтеру как командиру гарнизона. Разведка велась собственными силами, вооружение и продовольствие получалось самостоятельно.

Получение грузов, сбрасываемых авиацией

Руководство АК не создало организованной системы получения и распределения грузов. Первоначально оно было сосредоточено исключительно в руках отрядов АК, а в последнюю декаду сентября организовывалось АК и АЛ. На чьей территории падал груз, тому он и принадлежал.

Кроме того, большое количество грузов, преимущественно продовольствия, подбиралось гражданским населением, среди которого также не было организовано распределение. Солдаты и гражданское население в последнее время питались исключительно за счет советского продовольствия. Вместо горячей воды в отрядах стали выдавать суп из концентратов, в отдельных случаях сухари.

Деятельность представителей Лондонского правительства

В начале восстания представители Лондонского правительства, находившиеся в АК, в том числе заместитель Миколайчика, вышли из подполья и действовали открыто. Однако вскоре после того, как стала ясной неудача, они снова законспирировались.

Лондонская делегатура действовала через орган городской управы и прессу АК. Основными направлениями деятельности делегатуры являлись:

1. Мобилизация всех сил населения на помощь АК.

2. Преследование всяких попыток в установлении контакта с Красной Армией.

3. Регулирование вопросов, касающихся гражданского населения.

Впоследствии представители Лондонского правительства явились инициаторами передачи мирного населения немцам и капитуляции повстанцев.

Подготовка и проведение капитуляции Армии Крайовой

Видя неудачу восстания, командование АК начало подготовку к будущей капитуляции и уходу в подполье. Лондонское правительство через своих делегатов дало указание на уход в подполье некоторых отделов штаба АК, подготовку тайных складов и т. д. Особую роль в этом играл ПКБ.

Уходящему в подполье ПКБ была поставлена задача: после вступления Красной Армии в Варшаву вести диверсионные акты против руководящих лиц польской армии генерала Берлинга, ПКНО и готовить второе восстание в городе. Для этой цели должны были быть использованы нетронутые склады боеприпасов и вооружения, находившиеся вне Варшавы.

Кроме того, во время сбрасывания советской авиацией военных грузов над Варшавой отряды АК прятали подбираемое вооружение и боеприпасы. Штаб Монтера, в частности, всегда преуменьшал количество полученного груза. Офицеры АК, вышедшие после падения Мокотува, выносили с собой по 4—5 советских автоматов, в то время как среди действовавших отрядов автоматов было мало.

24.9 немцы начали штурм Мокотува силами до полка пехоты с артиллерией и танками. До этого времени среди руководства АК на этом участке царил полная беспечность, Мокотув не укреплялся. Офицеры АК заявляли: „Нам не нужна Красная Армия, мы сами освободим Варшаву“. В отрядах господствовала недисциплинированность. Следствием этого явился полный развал и падение Мокотува к 27.9. Командир участка полковник Кароль бежал в центральный район, где его якобы собирались предать суду.

Руководители АК начали распространять среди солдат и населения слухи о предъявленном немцами решительном ультиматуме повстанцам,

подготавливая общественное мнение к капитуляции. Переговоры с немцами начались якобы от лица городской управы по вопросу об эвакуации гражданского населения.

АК уже ранее предпринимала попытку договориться с немцами о выводе гражданского населения, пытаясь этим восстановить свой авторитет среди населения Варшавы. 10.9 из Варшавы ушло до 30 тысяч человек, которые были размещены немцами в концлагерях — 30—40 км западнее Варшавы.

Однако после взятия Праги Красной Армией гражданское население протестовало против пораженческих настроений АК, и последняя была вынуждена прекратить переговоры.

28.9 командование АК, выполняя указания Лондонского правительства, снова начало договариваться с немцами. На улице Железная состоялось первое совещание командования АК с немцами о предстоящей капитуляции. На совещании присутствовали: генерал Монтер, полковник Славбор, подполковник Зигмунд, а также три немецких офицера — представители командующего немецкими войсками в районе Варшавы генерала полиции и войск СС фон Денбаха. На совещании обсуждались следующие вопросы:

1. Условия капитуляции.

2. Установление путей прохода немецких частей.

3. Установление специальных пропусков для выхода командования АК.

На этом совещании руководство АК приняло решение потребовать от всех офицеров присяги на беспрекословное выполнение всех приказов АК независимо от их содержания, а также отдало распоряжение признавать документацию только за подписями представителей АК.

Официально командование АК утверждало перед населением и солдатами, что переговоры ведутся представителями городской управы по вопросам эвакуации гражданского населения и что оно не имеет никакого отношения к этим переговорам.

Второе совещание состоялось в помещении фабрики Бормана и обсуждало вопросы эвакуации мирного населения, на котором немцы предложили создать две комиссии из представителей польских организаций:

1. Комиссия из представителей лондонской делегатуры и Красного

Креста должна была выехать в район западнее Варшавы — в созданные немцами лагеря для населения, ранее ушедшего из города. Эта комиссия должна была убедиться в том, что немцы якобы создали хорошие условия для эвакуированного населения.

2. Комиссия из представителей военного командования АК — для осмотра немецких позиций и войск в Варшаве. Комиссия должна была убедиться в превосходстве немецких сил.

Оба эти предложения были приняты. Первая комиссия, выехав в лагерь, осмотрела их и сообщила, что население получает там по 250 г хлеба в день, имеет медицинский уход и т. д. В действительности было известно, что немцы создали невыносимые условия для населения. Органы гестапо немедленно арестовывали и расстреливали все демократические элементы. Молодежь увозилась в Германию на работы. В лагерях была высокая смертность.

Вторую комиссию возглавил заместитель Монтера полковник Вахновский, который объехал районы расположения немцев. После возвращения Вахновский доложил командованию АК, что силы немцев исключительно велики, сопротивление им бессмысленно и, следовательно, необходимо капитулировать.

Одновременно руководители АК и прочие реакционные элементы развернули широкую агитацию среди населения и солдат. Распускались слухи, что якобы немцы заключили перемирие с Англией и Америкой и начинают совместно с ними войну против России. Другие слухи утверждали, что советские войска ушли из Праги.

Для подготовки общественного мнения к капитуляции распускались слухи о том, что после сдачи при помощи англичан и американцев удастся произвести обмен поляков из немецкого плена.

Немецкая пропаганда призывала поляков к немедленной капитуляции, говоря, что всем польским повстанцам будет предоставлена возможность повернуть оружие против Красной Армии.

Ввиду непрекращающегося голода, отсутствия воды, постоянного артобстрела и бомбардировок гражданское население склонялось к капитуляции. Также поддавались этому настроению

неустойчивые элементы среди солдат, преимущественно в АК.

Отношение АЛ к вопросам капитуляции

Командование АЛ и прочие демократические организации не информировались представителями АК о подготовке к капитуляции. Руководители АЛ категорически протестовали и требовали продолжения борьбы.

27.9 в беседе со мной генерал Скаковский заявил: „Я буду действовать против капитуляции“. Скаковский одобрил планы выхода на соединение с армией Берлинга. Руководство отрядов АЛ также стояло за продолжение борьбы и контакт с Красной Армией.

Однако политическое руководство АЛ не решалось идти на открытый разрыв с АК, учитывая исключительную трудность обстановки. К АЛ, стоявшей против капитуляции, примыкали демократические элементы среди АК, а также значительная часть мирного населения, надеявшегося на Красную Армию.

Разложение внутри АК

Руководство АК, а особенно средние и низшие слои организации, раздирались крупными противоречиями в военных и политических вопросах.

Антисоветская линия АК и Лондонского правительства потерпела полный крах и дискредитировала себя в глазах населения и рядовых солдат АК. Лондонская делегатура не могла больше сдерживать сочувственных настроений к Красной Армии, которые появлялись среди повстанцев.

Мне лично известен ряд офицеров, которые в первые дни полностью отрицали союз с Красной Армией и армией Берлинга, а к концу начали признавать их и заявляли о своей готовности к переходу на позиции АЛ.

Террористическая деятельность ПКБ начала вызывать протесты. Руководство АК не решалось более преследовать русских военнопленных. Если ранее русские, находившиеся в отрядах РК¹, не получали никакого питания, то в последнее время командование АК было вынуждено признать их полное равноправие. Оно также решило майору Волкову (из бывших

пленных) сформировать подразделение из состава русских военнопленных.

Среди руководящего состава АК также имелись лица, протестовавшие против капитуляции, например полковник Богумил — командир одного из районов.

АК начала искать возможности компромисса между политикой Лондонского правительства и требованиями повстанцев установить твердый контакт с Красной Армией. Желая восстановить свой авторитет, даже такие реакционные элементы, как Вахновский, заявляли о желании достижения компромисса между Роля-Жимерским и Лондоном. Однако сами в это же время готовили полную капитуляцию.

В военном отношении среди руководства АК господствовала беспечность. Только в последнее время усилились окопные работы. Баррикады не улучшались. Среди офицеров АК имели место пьянки, кутежи, особенно в районе Мокотува.

В организации АК имели место признаки политического разложения. Было известно о снятии генерала Соснковского и замене его Бором. Ходили неясные слухи о предстоящей отставке Бора. Из Лондона поступали сообщения, свидетельствующие о противоречиях внутри правительства и разногласиях между Миколайчиком и министрами.

Вечером 29.9 заместитель Миколайчика (якобы в чине полковника) пригласил к себе генерала Скаковского. Предметом беседы служили два вопроса:

1. Отношение Скаковского к вопросу о капитуляции, на который Скаковский ответил резко отрицательно, требуя продолжения сопротивления до последней возможности.

2. Отношение Скаковского к вопросу выдвижения его на пост главнокомандующего вместо генерала Бора.

Заместитель Миколайчика подчеркнул, что с кандидатурой Скаковского будут согласны и Лондонское правительство и Люблин. Скаковский на этот вопрос положительного ответа якобы не дал.

Проведение капитуляции

К 29—30.9 командование АК закончило подготовку к капитуляции. Де-

¹ Так в документе.

нежный запас в количестве полутора миллионов złotych был закопан, соответствующие организации были готовы к уходу в подполье.

По договоренности с немцами 30.9 начался первый выход гражданского населения. Был установлен срок от 5.00 до 19.00 каждый день, в остальное время продолжались военные действия. Среди солдат и офицеров АК началась паника, они переодевались в гражданскую одежду и уходили вместе с мирным населением. АЛ продолжала протестовать против капитуляции.

Вечером 28.9 я посетил генерала Монтера. На беседе присутствовали полковник Вахновский и начальник штаба полковник Хирург.

Я заявил генералу Монтеру: „Как советский офицер, я предлагаю разработать план выхода за Вислу, я беру на себя вопрос координации действий с Красной Армией для обеспечения артиллерийского прикрытия и поддержки пехотой с восточного берега Вислы. Необходимо сконцентрировать все силы повстанцев для нанесения удара, имеется достаточное количество автоматов, ПТР и боеприпасов к ним. Прошу разработать ваш план и сообщить его мне“.

Генерал Монтер ответил: „Я подумаю над этим вопросом. Однако странно, почему Красная Армия не идет к нам на помощь“.

Полковник Вахновский заявил: „План хорош, но у нас не хватит боеприпасов“.

На мое замечание, почему же при нехватке боеприпасов удавалось держаться до сих пор, Вахновский ответил, что восстание не планировалось на такой долгий срок и т. д.

Таким образом, ответа на мое предложение я не получил. В разговоре с полковниками Славбором и Богумилом я изложил им этот план. Они горячо его одобрили, но сказали, что будут подчиняться командованию АК и не нарушат его приказаний.

Как я указывал выше, командование АЛ было согласно с моим планом.

29.9 я два раза запрашивал Монтера об ответе письменно и по телефону, но никакого ответа не получил. В этот день в штабе Монтера мне отказались дать информацию о противнике, моти-

вируя, что якобы никаких данных не поступало.

Вечером 1.10 меня посетил адъютант генерала Монтера капитан Богуславский по кличке „Короб“, который все время сочувственно относился ко мне и к Красной Армии. Богуславский предупредил меня о следующем:

1. Командование АК приняло решение о полной капитуляции.

2. Мне необходимо немедленно уходить, так как готовится покушение против меня, как представителя Красной Армии.

Оценив обстановку, я принял решение на выход, о чем сообщил по радио. Спустившись в канализационный колодец, я прошел по трубам по заранее разведанному мною пути к Висле, переплыл реку и вышел на восточный берег в район моста Понятовского. Этот маршрут я также сообщил членам Люблинского правительства, которые оставались в Варшаве.

О деятельности капитана Калугина

Прибыв в Варшаву, я узнал, что до моего прихода за 3—4 дня оттуда на советскую сторону ушел некий капитан Калугин, который находился при штабе Монтера и считался официальным представителем советского командования. Офицеры АЛ рассказывали мне, что Калугин пользовался исключительным доверием со стороны Монтера и именовался им „советским военным атташе“. Калугин участвовал во всех военных совещаниях штаба АК.

Калугин выпускал листовки с обращением к русским казакам-изменникам, находящимся в составе немецких частей, призывал их переходить на сторону Красной Армии и повстанцев. Эти листовки сбрасывались с самолетов.

Из личных примет Калугина мне известно, что у него на одной руке не хватает 2—3 пальцев. Калугин был отправлен Монтером на восточный берег и якобы имел с собой важные планы.

**Опрос проводили:
зам. нач. разведотдела штаба 1 БФ
полковник ОЗЕРЯНСКИЙ,
капитан БЕЗЫМЕНСКИЙ**

*Публикацию подготовил
С. А. МЕЛЬЧИН*

ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЕННООБЯЗАННЫХ МЕЖДУ ВОЙСКАМИ И ТЫЛОМ

ЧИСЛЕННОСТЬ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Словами „действующая армия“ у нас назывались сухопутные и морские вооруженные силы, военные управления и учреждения, подчиненные Верховному главнокомандующему. Территория же, предназначенная для развертывания и размещения действующей армии, называлась театром военных действий¹.

Кроме элементов нашей вооруженной силы, составлявших действующую армию, внутри страны оставались многочисленные учреждения, обслуживавшие действующую армию, а также запасные войска, т. е. те войсковые части, в которых происходило обучение призываемых новобранцев и ратников; внутри страны для охранной службы оставалась также часть дружин ополчения. Все части и учреждения, оставшиеся внутри страны, подчинялись военному министру. Действующая армия разделялась на фронты и отдельные армии; при этом нужно иметь в виду, что согласно нашему „Положению о полевом управлении войск“ под словом „фронт (армий)“ называлось то, что у наших союзников понималось под словами „группа армий“².

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 1, 2.

¹ § 8 „Положения о полевом управлении войск в военное время“.

² Сухопутные вооруженные силы, предназначенные для военных действий, образуют высшие войсковые соединения — армии в составе двух и более корпусов.

Армиям присваиваются номера или названия. Несколько армий, предназначенных для достижения одной стратегической цели и действующих на определенном фронте, могут быть объединены в еще более высоком войсковом соединении, образуя армию данного фронта.

Армия, не входящая в состав армий фронта, получает название отдельной армии. § 4 „Положения о полевом управлении войск в военное время“.

В начале войны у нас имелись два фронта и две отдельные армии:

Северо-Западный фронт, включавший в себя армии, действовавшие против Германии;

Юго-Западный, состоявший из армий, действовавших против Австро-Венгрии;

Отдельная армия № 6 (Петроградская), охранявшая побережье Балтийского моря;

Отдельная армия № 7 (Одесская), охранявшая побережье Черного моря.

С объявлением нам войны Турцией была сформирована Отдельная Кавказская армия, развернувшаяся с дальнейшим течением войны в Кавказский фронт.

Осенью 1915 года после отхода наших вооруженных сил из Польши и Литвы Северо-Западный фронт был разделен на два:

Северный, состоявшийся из армий, действовавших на путях к Петрограду, с присоединением к ним 6-й отдельной армии;

Западный, состоявшийся из армий, действовавших на путях к Москве.

Наконец, после поражений, понесенных румынскими армиями, ввиду необходимости для спасения этого неудачного союзника двинуть на помощь наши многочисленные войска создался Румынский фронт.

Таким образом, к 1917 году у нас имелось уже пять фронтов: Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский³ и Кавказский.

Выяснить численность действующей армии в минувшую войну очень трудно. Трудность эта проистекает не столько от утери многочисленных документов, а главным образом от того, что надлежало

³ Отдельная армия № 7 в ноябре 1915 года была включена в состав Юго-Западного фронта, а со сформированием Румынского фронта ее тыл был передан в этот последний.

поставленного учета численности армии не было. Подобно тому, как и в деле отчетности о потерях, войсковые части были завалены перепиской об их численном составе, но вся эта отчетность, хотя и чрезвычайно объемистая, была настолько кустарно поставлена, что привела к полному расхождению данных о численности армии по сведениям строевых штабов и по сведениям интендантства. Различие между этими двумя родами сведений оказалось столь велико, что вызвало даже особую переписку между Ставкой и Военным министерством. В октябре 1916 года начальник Генерального штаба пишет по этому поводу дежурному генералу Ставки: „Во время последнего посещения Ставки военный министр получил от полевого интендантства сведения о числе состоящих на довольствии людей в действующей армии и на театре войны, а именно:

Северный фронт	2 127 000
Западный фронт	1 651 000
Юго-Западный фронт	3 640 000
Кавказская армия	851 000
Итого	8 269 000

Согласно же полученным от фронтов сведениям в действующей армии насчитывалось к 1 сентября 1916 года 6 191 000 человек.

Ввиду сего военный министр просит разъяснения получающейся разницы между этими сведениями, достигающей 2 078 000 нижних чинов, с установлением, из каких именно категорий нижних чинов складывалась эта разница⁴.

Вскоре после Февральской революции, на совещании 30 марта 1917 года в Ставке, вновь возник вопрос о разнице между сведениями интендантства и сведениями строевых штабов о численности войск. На этом совещании было признано, что сведения интендантства о числе состоявших на довольствии „в значительной степени оказывались основанными на теоретических расчетах“.

С целью проверить правильность интендантского учета по распоряжению генерала Алексеева была произведена 20 апреля (3 мая) 1917 года однодневная перепись. Эта перепись выяснила, что наличное количество довольствовавшихся в действующей армии в этот день от интендантства исчислялось в 9 050 924. Это число на 2 200 000 превосходило численность действующей армии согласно исчислениям войсковых

⁴ Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 136.

штабов⁵. Таким образом выяснилось, что причиной расхождения являлось то, что войсковые штабы исключали из своего счета целую категорию обслуживающих действующую армию учреждений, а именно так называемые „организации“.

До мобилизации мирный состав русской вооруженной силы исчислялся в 1 423 000. По укомплектованию ее призывами запасных она была доведена до 4 700 000 человек⁶. Из этих 4 700 000 в действующую армию сразу было предназначено не более 3 500 000. Ввиду того что сосредоточение сил, предназначенных в действующую армию, закончилось лишь через 2½ месяца, установить численность войск и учреждений, бывших на театре военных действий ранее 1 (14) октября, не представляется возможным. Но к этому времени уже разыгрался целый ряд кровавых сражений, в которых русская армия понесла огромные потери. Поэтому к 1 (14) октября 1914 года, т. е. ко времени окончания своего сосредоточения, численность действующей армии измерится всего 2 700 000.

К 1 (14) декабря эта численность падает до 2 000 000.

Это новое уменьшение действующей армии объясняется теми громадными потерями, которые продолжали нести наши войска в начальный период войны, когда им приходилось спасать от разгрома Францию; укомплектования же вследствие непродуманности устройства наших запасных войск не успевали своевременно прибывать в действующую армию. В дивизиях вместо 15 тыс. бойцов в среднем их было около 7—8 тыс.

К 1 (14) января 1915 года нужные пополнения прибыли в действующую армию, и численность ее возросла до 3 500 000.

Кровопролитные январские бои вновь понижают численность действующей армии к 1 (14) февраля до 3 200 000.

К 1 (14) апреля 1915 года благодаря укомплектованию и новым формированиям численность действующей армии возрастает до 4 200 000.

Германский прорыв в Галиции вызывает в русских войсках, терпящих в это время острый недостаток в огнестрельных припасах, большие потери; численность дейст-

⁵ См. табл. 11 в кн. „Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)“. Согласно этой таблице общая численность всех фронтов к 1 (14) мая 1917 г., по данным войсковых штабов, равнялась 6752 700. Если прибавить к этому числу гарнизон Могилева (4327) и части, подчиненные командующему Черноморским флотом (61 961), мы получим общий итог (с закруглением) 6 820 000.

⁶ „Численность русской армии в войну 1914—1918 гг.“, статья Л. И. Сазонова / Труды Комиссии по исследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. Вып. 1. С. 134.

вующей армии опять падает, и к 15 (28) мая 1915 года она равняется 3 900 000.

Один из офицеров британской военной миссии — капитан Нейльсон, бывший свидетелем тяжелой борьбы 3-й русской армии (Юго-Западного фронта), на которую прежде всего обрушился удар Макензена, пишет в своем донесении от 11 июня:

„Все последние наступления были просто убийства, так как мы атаковали без артиллерийской подготовки неприятеля, обладающего многочисленной легкой и тяжелой артиллерией“⁷.

Вследствие такого „таяния“ к 15 (28) августа 1915 года, несмотря на прибытие многочисленных укомплектований, численность действующей армии еще уменьшается, измеряясь в 3 800 000.

К 15 (28) сентября эта численность начинает немного восстанавливаться, доходя до 3 900 000.

В октябре 1915 года интенсивность боевых действий значительно понижается и численность действующей армии быстро возрастает, доходя к 1 (14) ноября 1915 года до 4 900 000.

Вступление генерала М. В. Алексева в должность начальника штаба Верховного главнокомандующего знаменует начало применения в деле высшего управления войсками современных научных методов. Происходит энергичная и в то же время продуманная работа по восстановлению нашей вооруженной силы после потрясений, пережитых в летнюю кампанию 1915 года. Существующие части укомплектовываются, производятся новые формирования, улучшается организация запасных войск. В результате численность нашей действующей армии быстро растет. 1 (14) февраля 1916 года она достигает 6 200 000.

1 (14) апреля 1916 года она еще возрастает, доходя до 6 300 000, а к 1 (14) июня 1916 года — до 6 800 000.

Победоносные бои, которые мы вели в Галиции для оказания помощи Франции, атакованной под Верденом, и для спасения Италии, кровопролитны и понижают численность действующей армии к 1 (14) сентября 1916 года до 6 500 000.

К 1 (14) октября 1916 года она остается такой же, т. е. 6 500 000.

Но к 1 (14) ноября 1916 года с затишьем в боевых действиях она быстро возрастает, доходя до 6 900 000.

Эта же численность указана на 1 (14) ян-

⁷ Цит. по: Клох. With the Russian Army, 1914—1918. P. 288.

варя 1917 года в секретном отчете военного министра за 1916 год⁸.

С началом революции начинается развал русской армии. Дезертирство явное, а в особенности замаскированное (симулянты, делегаты различных солдатских Советов), достигает угрожающих размеров.

Вследствие всего этого определить истинную численность действующей армии после революции невозможно. Можно лишь утверждать, что она должна быть ниже той, которая помечалась в донесениях и отчетах. Данные последнего рода мы имеем для двух периодов:

к 1 (14) мая 1917 года 6 800 000⁹
к 1 (14) сентября 1917 года 6 000 000¹⁰.

Сводя установленную нами численность действующей армии в различные периоды войны, мы получим следующую таблицу.

Численность действующей армии
в различные периоды войны

1914 год	
К 1 (14) октября	2 700 000
К 1 (14) декабря	2 000 000
1915 год	
К 1 (14) января	3 500 000
К 1 (14) февраля	3 200 000
К 1 (14) апреля	4 200 000
К 15 (28) мая	3 900 000
К 15 (28) августа	3 800 000
К 15 (28) сентября	3 900 000
К 1 (14) ноября	4 900 000
1916 год	
К 1 (14) февраля	6 200 000
К 1 (14) апреля	6 300 000
К 1 (14) июня	6 800 000
К 1 (14) сентября	6 500 000
К 1 (14) октября	6 500 000
К 1 (14) ноября	6 900 000
1917 год	
К 1 (14) января	6 900 000
К 1 (14) мая	6 800 000
К 1 (14) сентября	6 000 000

ЧИСЛЕННОСТЬ БОЕВОГО И ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ЭЛЕМЕНТА В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

В конце 1915 года в одной из своих записок генерал М. В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, пишет: „Представляется совершенно необходимым приступить хотя и к сложной, но неизбежной

⁸ Точное число, приведенное в отчете: офицеров — 145 916, классовых чинов и духовенства — 48 047, солдат — 6 651 993, итого — 6 845 056.

⁹ Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах). С. 24 (табл. 11).

¹⁰ Там же, таблицы № 10 и № 13. Петроградский военный округ, который только числился в действующей армии, исключен нами из счета.

работе. Полевой интендант говорит, что кормит от 5 500 000 до 6 000 000 ртов на фронте, не считая внутренних округов. Бойцов мы набираем около 2 000 000. Если таково действительное соотношение, то мы приходим к непозволительному выводу, что одного бойца обслуживают два тыловых человека. По нашей, даже тяжелой, организации тыла на 3—4 бойца должен быть один тыловой служащий. Это соотношение, если оно оправдывается, будет только официальным. Действительность превзойдет эти расчеты, ибо каждая войсковая часть имеет свои негласные склады, обслуживаемые людьми из строя; каждая часть имеет немало людей в пути, посланных за покупками, с разбитою повозкою, в различных мастерских. Все это создает безотрадную картину нашего положения. Нам из центра говорят, что дали для армии 14 миллионов, убыло их 6, что армия располагает 8 миллионами, а мы все продолжаем просить ввиду сильного некомплекта в строевых частях пехоты. Необходимо потребовать от армий и фронтов сведения, связанные с интендантскими данными, о числе состоящих на довольствии: а) в строевых частях, показав отдельно войсковые штабы, управления, учреждения (лазареты и госпитали), б) в штабах и управлениях, принадлежащих армиям и фронтам, в) в тыловых учреждениях и войсках по категориям, г) в организациях, питающихся попечением интендантства“.

„Повторяю, что сведения должны быть хотя приблизительно согласованы с интендантскими данными о числе состоящих на довольствии. Сбор этих сведений укажет, куда нужно будет обратить усилия, чтобы в массе самой армии извлечь укомплектования и уменьшить различные тыловые учреждения“.

На непомерное разбухание тыла обращают внимание члены „Особого совещания по обороне“, принадлежавшие к составу Государственной думы и Государственного совета.

В записке от 16 ноября 1916 года, поданной государю 28 членами этого совещания, говорится: „Ни одна из армий воюющих держав не имеет столь громадных тылов, как наша; так, во Франции численный состав тыла, не считая запасных батальонов, относится к численности фронта, как 1:2, у нас же, как 2¼:1, т. е. в четыре с лишком раза больше. Конечно, наши местные условия, те самые условия, которые требуют при мирных условиях большей доли работоспособного мужского населения, нежели это необходимо на Западе, обуславливают у нас иное соотношение тыловых частей к их фронту, нежели у наших союзников, но все же не в той пропор-

ции, как ныне. На явление это приходится обратить тем большее внимание, что оно проявляет тенденцию к дальнейшему нарастанию; наши тыловые части неуклонно увеличиваются, и притом за счет фронта, за счет бойцов армии, что особенно резко обнаружилось в течение летних месяцев текущего года“.

Мы можем только высказать предположение на основании нашего личного большого опыта и сделанных нами фактических проверок, что в конце 1914 года „боевой элемент“ составлял около 75 проц. численности действующей армии, в конце же 1916 года это взаимоотношение изменилось и „боевой элемент“ составлял лишь 50 проц. Если мы приложим этот масштаб к приведенной выше таблице общей численности действующей армии, мы можем заметить, что численность бойцов колебалась в течение войны между 1 500 000 (на 1 (14) декабря 1914 г.) и 3 500 000 (на 1 (14) ноября 1916 г.).

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ В ГЛУБОКОМ ВОЕННОМ ТЫЛУ (в подчиненных Военному министерству запасных войсках, заведениях и учреждениях)

К сожалению, точное установление численности войск и учреждений глубокого тыла еще более трудно, нежели определение численности действующей армии.

С объявлением общей мобилизации внутри страны формировалось 500 запасных батальонов, а вскоре еще 500 запасных батальонов второй очереди. Но потери, понесенные русской армией в первые кампании, были столь велики, что установленные военным министерством организация и количество запасных войск оказались совершенно не соответствующими потребностям армии в укомплектованиях. Высланные в конце 1914 года около 1 500 000 пополнений не могли довести нашу армию до штатного состава. Вследствие этого 1915 год проходит под знаком торопливой высылки совершенно неподготовленных людей на фронт. „Сначала обучали два месяца, — читаем мы в речи в Государственной думе депутата А. И. Шингарева, — потом стали обучать месяц, посылая после четырехнедельного обучения людей малопригодных“. Таков был результат мобилизационной подготовки России под руководством генерала Сухоминова, особенно ратовавшего в мирное время о необходимости для русского солдата значительно более долгого обучения, чем для солдат западных европейских армий. Несомненно, что высылка на фронт почти совершенно

необученных людей увеличивала число наших солдат, сдающихся в плен.

В течение 1915 года было выслано в действующую армию в виде укомплектований¹¹:

а) пехоты — 12 377 маршевых рот	3 094 250 человек
б) регулярной конницы	34 333 "
в) казачьих частей	65 458 "
г) артиллерийских частей	70 000 "
д) инженерных частей	22 000 "

В с е г о 3 286 041 "

В июне 1915 года сменивший Сухомлинова на посту военного министра генерал Поливанов стремится внести хотя бы некоторый порядок в вопрос укомплектования войск.

В этом отношении, как мы можем убедиться из приведенной выше речи депутата А. И. Шингарева, генерал Поливанов встретил горячую поддержку со стороны Государственной думы. К концу 1915 года в распоряжении Военного министерства образуется большой запас из призванных на военную службу людей, подготовка которых могла продолжаться 4—5 и даже 6 месяцев¹².

В конце декабря 1915 года численность запасных войск, находившихся внутри страны, можно считать достигающей 2 000 000.

В течение 1916 года для пополнения действующей армии, согласно секретному отчету о деятельности Военного министерства в 1916 году, было выслано:

а) пехоты — 9344 маршевые роты	2 336 000 человек
б) регулярной конницы	24 278 "
в) казачьих частей	72 732 "
г) артиллерийских частей	80 000 "
д) инженерных частей	20 000 "

В с е г о 2 533 010 "

Согласно тому же секретному отчету, к 1 января 1917 года в запасных войсках, состоявших в ведении Военного министерства, находилось свыше 2 170 000 солдат.

В течение 1917 года в действующую армию было выслано:

а) пехоты	1 743 989 человек
б) регулярной конницы	52 239 "
в) казачьих частей	27 363 "
г) инженерных частей	76 000 "

И т о г о 1 899 591 "

Точно учесть численность военных учреждений и управлений, подчиненных военному министру, не представляется воз-

¹¹ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 20 (табл. 4).

¹² См. речь А. И. Шингарева в Государственной думе.

можным за неимением документальных данных. В напечатанных до сих пор материалах мы встретили только одно указание. На странице 19 труда отдела военной статистики советского Центрального статистического управления¹³ указано, что к 1 (14) июня 1917 года „в тыловых учреждениях (местных), конвойных командах и заведениях, подчиненных главному управлению военного министерства“, состояло военнообязанных 200 000. Кроме того, там же указано, что в дружинах ополчения, оставшихся во внутренних военных округах, состояло 200 000.

Итак, общая численность управлений, учреждений и дружин ополчения, непосредственно подчиненных военному министру, достигала к концу войны 400 000. Ввиду того что в начале войны эта численность была меньше, мы не сделаем большой ошибки, если предположим, что в 1915 году эта численность была равной 300 000, а в 1916 году — 350 000.

Таким образом, общая численность глубокого тыла, подчиненного военному министру (т. е. считая также и запасные войска, находившиеся во внутренних военных округах), должна измеряться:

к 31 декабря 1915 года	2 300 000
к 31 декабря 1916 года	2 550 000
к 1 ноября 1917 года	1 500 000

Это позволяет считать, что в среднем наш глубокий тыл обслуживался 2 000 000 человек.

ВОЗВРАЩАЕМОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Мы установили, что численность кровавых потерь достигает к 1 января 1917 года около 5 100 000. Из них на долю убитых приходится около 1 170 000, а на долю раненых — 3 930 000. Следовательно, возвращаемость раненых должна измеряться за период с начала войны до 1 января 1917 года как 75 проц. Сравним выведенный нами процент с возвращаемостью раненых во Франции. Последняя была велика, так как недостаток в людях, который испытывала Франция во время войны, заставлял ее очень строго относиться ко всякого рода освобождениям от военной службы. Из книги доктора Ж. Тубера мы увидим, что число возвратившихся раненых в 1916, 1917 и 1918 гг. составляет 79 проц. общего числа раненых.

¹³ Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах).

Таким образом, возвращаемость наших раненых была только на 4 проц. меньше французской. Но при сравнении нужно принять во внимание, что наши раненые находились в менее благоприятных условиях, нежели французские, хотя бы из-за несравненно худших условий вывоза их с полей сражений и более бедного технического оборудования массы наших санитарных учреждений. Поэтому некоторое превышение процента не возвратившихся раненых над французской нормой у нас должно иметь место.

Определив число не возвратившихся больных, согласно данным доктора Аврамова для 1914, 1915 и 1916 гг. отдельно от 1917 года, мы получим, что за первые 29 месяцев войны число не возвратившихся больных составляет всего 726 200, а за 9 месяцев 1917 года — 1 183 988.

Из сопоставления этих данных мы видим яркое подтверждение нами сказанного, причем мы можем даже указать в круглых цифрах, сколько из эвакуированных больных являлось замаскированными дезертирами; для этого определим, сколько в среднем не возвратившихся больных приходится на первые 29 месяцев войны; такое среднее равнялось 24972. Нет никаких оснований предполагать, чтобы это среднее по санитарным причинам могло бы измениться в течение 1917 года, а между тем в среднем на каждый месяц 1917 года приходится 131 554 не возвратившихся. Мы имеем полное право утверждать, что разница между только что выведенными двумя средними, а именно 106 582, и представляет собой то, что называем замаскированными дезертирами. Таким образом, за 10 месяцев войны 1917 года общее число таких дезертиров составило 1 000 000.

Согласно данным доктора Аврамова, возвращаемость больных за период с начала войны до 1 января 1917 года представляет для всей армии 75,9 проц. Этот процент можно считать как бы нормальным для русской армии. Мы лишены возможности сравнить средний процент возвращаемости больных русской армии с таковыми же для французской армии, т. к. не имеется соответствующих данных французской военной статистики. Но мы думаем, что нет никаких оснований считать, что до Февральской революции дезертирование под предлогом болезни являлось сильно распространенным злом в русской армии. Можно с уверенностью утверждать, что в течение первых 31 месяца войны число уклонившихся от возвращения на службу выздоровевших раненых и больных значительно не превосходило размеров уклонения от возвращения в армиях наших союзников.

При рассмотрении таблицы численности заболевших и возвратившихся в армию, составленную по данным доктора Аврамова, нельзя не обратить внимания на различие в процентах возвращаемости офицеров и солдат. До 1 января 1917 года офицерский процент достигает 92,4, в то время как солдатский — 75,5. Под влиянием революции, как мы уже выше говорили, возвращаемость значительно падает, но все-таки процент ее для офицеров остается выше такового же солдатского (58,6 и 42,3). Приведенные несколько выше данные и отчет главного полевого военно-санитарного инспектора о возвращаемости эвакуированных в первые пять месяцев 1917 года тоже ярко свидетельствуют о значительно большей возвращаемости офицеров, нежели солдат. Согласно этим данным, включающим в себя не только больных, но и раненых, возвращаемость эвакуированных для офицеров достигает 91 проц., в то время как для солдат она равняется всего 37 проц.

Несомненно, что в последнем случае на разницу в возвращаемости должно было оказать влияние различие в условиях эвакуации; офицерские чины эвакуировались гораздо легче, чем солдаты; в число первых попадают и легкораненые и легкобольные, в то время как среди солдат, эвакуированных во внутренние округа, находились, как правило, только тяжелораненые и тяжелобольные.

Но одним различием в условиях эвакуации нельзя всецело объяснить различие в проценте возвращаемости офицеров и солдат. Доказательством служит таблица возвращаемости больных по данным доктора Аврамова. В этой таблице приняты в расчет не только эвакуированные, но все больные, и все-таки разница остается большой.

Главной причиной этого различия является большее сознание своего долга перед Родиной в офицерской, нежели в солдатской массе. Русское офицерство втянуло в себя во время войны всю патристическую настроенную часть интеллигентной молодежи. Это более сознательное отношение к своему долгу перед Родиной у офицеров, нежели у солдат, отразилось также и в других уже констатированных нами явлениях: офицерство несло гораздо более кровавую жертву, чем солдаты, и в то же время гораздо труднее сдавалось в плен.

ДЕЗЕРТИРСТВО

Если мы говорили о том, что в наших руководящих верхах отсутствовало стремление уловить происходящие в течение войны со-

циальные процессы при помощи статистических методов, то это вовсе не означает того, что у нас отсутствовала отчетность. Напротив того, мы уверены, что ни в одной армии и ни в одном государстве низшие исполнительные органы не были так завалены составлением всякого рода отчетов, таблиц, анкет и т. п. Но дело в том, что вся эта огромная работа не представляла собою научно продуманного систематического целого. Эта работа создавалась совершенно случайно. Какому-нибудь из маленьких служащих в высшем управлении понадобилась справка; заручившись подписью своего начальника, он шлет предписание в подчиненные инстанции о представлении на будущее время этих сведений. Если этот служащий был ретивым, то он все усложнял и увеличивал свои требования, и в результате создавались таблицы, по размерам напоминавшие простыни. Чем иерархически ниже была инстанция, тем больше требовалось от нее отчетности. Эти требования по мере прохождения с верхов управления вниз напоминали собой снежный ком, катящийся с вершины горы и превращающийся при приближении к долине в лавину. Эта бюрократически создававшаяся отчетность имела очень мало общего со статистикой. Во-первых, не было никакого единства в требованиях, поэтому научная обработка их была более чем затруднительна; во-вторых, случайное возникновение ее различных частей приводило к ненужному повторению одних и тех же требований в донесениях в разные инстанции; в-третьих, отсутствие какой-либо руководящей идеи было настолько очевидно, а с другой стороны, требования были столь многочисленны, что низшие инстанции, заваленные громадной повседневной исполнительской работой, относились к статистической отчетности более чем формально и даваемых сведений не проверяли; в-четвертых, эти требования обнаруживали сами по себе такое отсутствие внимания реальной обстановки, что вызывали в низших инстанциях насмешливое отношение и иногда — сообщение вымышленных данных.

Поясним только что сказанное следующим примером из личного опыта. Штаб Юго-Западного фронта, во время главного командования этим фронтом генерала Брусилова, приказал, чтобы части войск к вечеру каждого дня доносили точное число понесенных за этот день потерь. Для полка, находившегося в бою, это было явно невозможно. А между тем в течение долгих месяцев каждый вечер шел поток чисто фиктивных донесений, из которых составлялись

сводки в каждом из штабов. Но самое интересное то, что, когда автору пришлось перед поездкой на межсоюзную конференцию в 1917 году запросить штаб Юго-Западного фронта о потерях армий этого фронта в 1916 и 1917 гг. с точностью до сотни тысяч, этот штаб донес в Ставку, что требуемых сведений не имеется. Громадная каждодневная работа частей войск и низших штабов, рожденная бюрократически, потонула в бюрократическом же болоте высшего штаба.

В этом потоке отчетности и в то же время ничегонезнания высших штабов проявилось то, что мы неоднократно указывали: подход к организации работы общегосударственного масштаба с кустарными приемами. В такой работе только наука может дать правильные методы — в рассматриваемом же нами случае требовались научно поставленные статистические методы.

Нам пришлось сделать это вступление, прежде чем приступить к освещению вопроса о дезертирах. Без этого введения осталась бы совершенно непонятной та неизвестность, в которой блуждало наше правительство в таком, казалось бы, имеющем краеугольное и жгучее значение вопросе.

В обмене мнениями министров на секретном заседании Совета министров 4(17) августа 1915 года по поводу вопроса о привлечении в ряды действующих войск ратников ополчения II разряда, мы могли прочесть заявление министра внутренних дел князя Щербатова о том, что „полиция не в силах справиться с массой уклоняющихся; люди прячутся по лесам и в несжатом хлебе“. Казалось бы, что министр внутренних дел больше, чем кто-либо другой, квалифицирован для того, чтобы иметь правильное представление в затронутом здесь вопросе о дезертирах. В унисон с министром внутренних дел говорят и остальные министры. Обер-прокурор Святейшего Синода А. Д. Самарин заявляет: „В тылу блуждает масса шинелей...“ Министр земледелия А. В. Кривошеин: „...Обилие разгуливающих земляков по городам, селам, железным дорогам и вообще по всему лицу земли Русской поражает мой обывательский глаз“.

В цитированной нами докладной записке, поданной в ноябре государю 28 членами Государственной думы и Государственного совета, входившими в состав „Особого совещания“ по обороне, указывается, что из общего итога нашего людского запаса нужно вычесть „два миллиона людей, состоящих из оставшихся в занятых неприятелем областях, эмигрантов и незаконно уклонившихся от несения военной службы“.

Член Государственной думы Б. А. Энгельгардт, бывший одним из самых деятельных участников этого совещания, пишет в своей монографии¹⁴:

„До осени 1915 года деревня еще справлялась со своей работой, заменяя ушедших на войну мужчин трудом женщин и детей, а главное потому, что на местах оставался еще неиспользованный запас военнообязанных, ратников II разряда — около 4½ миллиона. Пока деревня безропотно слала пополнение на фронт, но по все возраставшему дезертирству можно было догадываться, что среди крестьян зреет новое недовольство — недовольство войной. Я не считал и раньше, что некоторый патриотический подъем, который проявило население столицы в момент объявления войны, являлся показателем действительного отношения народных масс к войне. Наоборот, мои личные наблюдения приводили меня к заключению, что с самого начала войны русский мужик шел под знамена очень неохотно. Но в первые месяцы войны внутренний порядок в стране был еще настолько прочен, привычка населения к повиновению приказаниям слыше настолько сильна, что тогда массовых и хронических уклонений от исполнения своих воинских обязанностей не наблюдалось, если не считать сдач в плен, которые зависели, конечно, и от других причин. Возможно, что на действительно слишком частые случаи сдачи в плен влияла злобная пропаганда, на которую жаловался генерал Янушкевич в своем письме к генералу Поливанову. По его сведениям, новобранцев провожали наставлениями: не драться до крови, а скорее сдаваться, чтобы живым остаться“.

Мы не будем останавливаться здесь на оценке заявления Б. А. Энгельгардта об отсутствии патриотического порыва в крестьянской массе в минувшую войну; рассмотрению этого вопроса посвящаются последние главы настоящего труда.

Но в книге „Россия в мировой войне 1914—1918 г. (в цифрах)“, напечатанной отделом военной статистики советского Центрального статистического управления, помещена таблица под заглавием „Движение числа дезертиров с начала войны по 1 августа 1917 года (по данным Ставки)“.

На основании вышеупомянутых данных о дезертирстве можно составить следующую таблицу.

Периоды	Общее число	Среднее в месяц
С начала войны до Февральской революции	195 130	6 346
После Февральской революции:		
до 15 (28) мая 1917 года	85 921	34 270
с 15 (18) мая по 1 (14) июня	16 342	32 684
с 1 (14) июня по 15 (28) июня	11 213	22 426
с 15 (28) июня по 1 (14) июля	19 294	38 588
с 1 (14) июля по 15 (28) июля	23 432	46 864
с 15 (28) июля по 1 (14) августа	13 805	27 610
В с е г о	365 137	

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении только что приведенной таблицы, это громадное повышение уровня дезертирства с началом революции. До революции в среднем в месяц дезертировали 6300 человек: после революции — 30 900, т. е. в пять раз больше. Но вместе с тем эта таблица вовсе не подтверждает того колоссального дезертирства, о котором говорят министры и о котором пишет Энгельгардт.

Генерал В. И. Гурко, исполнявший осенью 1916 года должность начальника штаба Верховного главнокомандующего вместо заболевшего генерала М. В. Алексеева, отмечает в своих воспоминаниях¹⁵:

„Я должен упомянуть здесь, что в общественных и правительственных кругах упорно циркулируют слухи о том, что число дезертиров, прячущихся в деревнях, достигает громадной цифры — от одного до двух миллионов. Сопоставление числа призванных людей с наличным составом действующей армии показывает, что это число, во всяком случае, преувеличено. Конечно, число солдат, приезжающих из армии и живущих в стране или едущих по железным дорогам, бывает временами громадным; с 1915 года от 2 до 5 проц. штатного состава солдат отпускается в отпуск. Бывает время, когда в отпуске до 500 000. Если прибавить к этому выздоровевших раненых, которым разрешается поехать к себе в деревню до нового вступления в ряды, и прибавить также большое количество командированных в тыл за снабжением, то получится колоссальное число людей, живущих в тылу и разъезжающих по железным дорогам. Неудивительно поэтому, что родилась и распространяется легенда о миллионах дезертиров“.

¹⁴ Рукопись, тетрадь II, хранится в библиотеке Carnegie Endowment for International Peace.

¹⁵ *General Gourko. Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914—1917.* London. P. 223—224.

Попытаемся сделать указываемый генералом В. И. Гурко подсчет к 31 декабря 1916 года.

Общее число призванных на военную службу достигает к тому моменту	14 700 000
Это число призванных распределяется:	
убитые	1 200 000
невозвратившиеся раненые и больные	1 710 000
пленные	2 150 000
зарегистрированные дезертиры	180 000
налицо в действующей армии	6 900 000
в запасных войсках во внутренних военных округах	2 200 000
в управлениях, учреждениях и частях, подчиненных военному министру	350 000
	14 690 000

На основании только что сделанного расчета мы можем вместе с генералом Гурко утверждать, что слухи о 2 000 000 дезертиров из армии, распространившиеся в конце 1916 года в общественных и даже в правительственных кругах, являлись плодом пессимистического настроения, предшествовавшего революции. Этого пессимистического настроения не избежал и член Государственной думы Б. А. Энгельгардт, выдержку из монографии которого мы цитировали выше. Вместе со многими другими он придал неверную интерпретацию данным, сообщенным Военным министерством и помещенным в записке 28 членов „Особого совещания“. В этой записке упоминается о том, что из нашего людского запаса нужно вычесть 2 миллиона человек. Но эти два миллиона не представляли собой дезертиров из армии, а представляли лиц, „сошедших с учета“, ибо эти два миллиона составлялись из: военнообязанных, оставшихся в занятых неприятелем областях, из эмигрантов и из уклонившихся от призыва. При этом нужно иметь в виду, что самая цифра в два миллиона являлась весьма гадательной, так как основывалась не на точном учете, а на весьма неточных предположениях.

К концу войны численность незарегистрированных дезертиров достигает полутора миллионов. Если прибавить к этому числу еще 365 000 зарегистрированных дезертиров, мы получим, что к концу войны общий итог дезертиров доходит до 1 900 000. Но и эта колоссальная цифра все-таки не обнимает собою всего числа призванных на военную службу лиц, уклонившихся к концу войны от исполнения своего военного долга перед Ро-

дойной. По мере развития революции образовался путь к особому, прикрытому революционными лозунгами дезертирству. Это было избрание делегатами в различного вида солдатские комитеты и Советы. Этот путь начиная с июня 1917 года превратился в широкую торную дорогу, по которой уходили с фронта десятки и тысячи солдат. Учесть, сколько дезертировало этим путем, не представляется никакой возможности. Для того чтобы дать хотя бы некоторое представление об этих количествах, мы приведем выдержку из воспоминаний генерала Нокса¹⁶, относящуюся только к одному из пяти русских фронтов, а именно к Юго-Западному.

„Вот численность членов различного рода выборных организаций (комитетов, Советов и т. п.) Юго-Западного фронта, т. е. количество бойцов, занятых болтовней:

	Солдат	Офицеров	Чиновников и врачей
В армиях	63 690	7 055	1 162
В запасных войсках	1 769	228	19
В тыловых учреждениях	9 568	911	546
В с е г о:	75 027	8 194	1 727
Общий итог			84 948*

Многочисленный гарнизон Петрограда, состоявший из запасных частей гвардии, под предлогом „защиты революции“ выговаривает себе право не идти сражаться.

Мы будем близки к истине, если скажем, что к 1 ноября 1917 года число явных и скрытых дезертиров должно исчисляться цифрой более чем в 2 миллиона.

Таким образом, к концу войны на каждые три чина действующей армии приходилось не менее одного дезертира.

И это повальное дезертирство происходит после начала революции. По существу, это была стихийно начавшаяся демобилизация. Массы русского народа устали от войны и продолжать ее не хотели. Большевики это поняли и воспользовались как козырем, которым они и побили карту Керенского.

*Публикацию подготовил
И. А. АНФЕРТЬЕВ*

¹⁶ Major General Alfred Knox. With the Russian Army, 1914—1918. P. 699, 700.

(Продолжение следует)

Россия на Голгофе

(Из походного дневника 1914—1918 гг.)

СЕВАСТОПОЛЬ НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОД

Революция сразу стала разрушать армию, не сумевшую победить врага.

24 февраля
Севастополь

В Севастополе я был назначен начальником штаба дивизии, формировавшейся для операций, совместных с флотом, на берегах Черного моря.

Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава. Все это сознают, все об этом говорят и... на этом все стоит. Какая глупая пора болтунов у нас, в России. Если бы словами можно было сделать счастье народа, оно давно было бы сделано. Сказано все, что только можно было сказать, и ничего не сделано. Как ни плохи мы, военные, но мы свое дело делаем и кровью своей искупаем свои ошибки. Но они, люди политики, кажется, в жалкой болтовне не сдвинутся с места, а между тем мы на фронте победить не можем именно из-за гибельного влияния тыла. Разве они не



А. И. Верховский
Казань, 1920 г.

понимают, что революцию армия делать не может, иначе она разрушится как боевая сила и немцы задавят нас. Мы сами себя за волосы вытянуть не можем, нам должна помочь Россия изнутри.

1 марта
Севастополь

Сегодня за обедом начальнику штаба флота подали радио. Он привскочил на месте, но никому ничего не сказал. Вскоре комендант Севастополя собрал всех старших начальников и сообщил

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 10, 11, 12; 1993. № 1, 3.

весьма секретно, конфиденциально и т. д., что в Петрограде бунт, что войска отказались стрелять, что министры арестованы и власть перешла к временному комитету Государственной думы. Что делать нам? Выждать, чем это все кончится...

Вон он грянул, гром праведного гнева народного. Сопротивления, конечно, не будет, так как офицерство встречает переворот сочувственно, лишь бы только скорее прошло шатание, оно может повредить армии. Это Сцилла и Харибда¹. Без революции от внутренних трений, от задавленной инициативы, от невозможного подбора людей наше поражение было неизбежно, теперь другая опасность — революция — может расстроить саму армию.

Но зато сколько надежды, сколько добра может быть. Все, что стесняло, что сковывало свободное творчество, все стало свободно теперь. Все, чему мы учились и что было невозможно вследствие гнета внутренней политики на армию, все это теперь будет сметено и все это можно будет переделать поновому, так что победа будет скорой и мир, наконец, придет к истерзанному войной народу.

Наконец будет правда; наконец мы увидим окончание личного режима.

Мы увидим армию, которая сможет без внутренних тормозов делать свое великое дело защиты родной земли.

2 марта
Севастополь

Сегодня слухи о перевороте распространились по городу и проникли в полки нашей дивизии. Никто не понимает, что произошло, а главное — насколько это коснется нас. В штабе дивизи

ии перемен не вижу, но зато в полках солдаты стали говорить с офицерами просто вызывающим тоном. Многие прекратили отдавать честь. Сегодня вечером мне доложили, что ко мне хочет явиться делегат, избранный от команд штаба на общее собрание делегатов Севастополя в полуэкипаж. Я приказал его позвать; явился один из моих лучших солдат, Карга по фамилии, и изложил в строго корректной форме просьбу разрешить ему идти на собрание. Это меня озадачило. Ведь это собрание по нашим законам считалось преступным. Я ему об этом сказал. Но ответ меня покорило. „Мы знаем, что это незаконно по-старому, но в переживаемые дни многое изменяется, и, прося у вас разрешения, мы хотим в новых условиях сохранить законность и порядок“. Конечно, разрешение было дано... тем более, что не пустить уже было нельзя. Чувствовалось, что в этой области масса сразу ушла из рук. Это первое выступление наших раньше безмолвных подчиненных.

На улицах собираются митинги. Один из них, в несколько тысяч человек, потребовал коменданта свиты Его Величества адмирала Веселкина для переговоров. Адмирал поехал, не сняв, вероятно по недосмотру, вензелей государя с погон. Пришлось их снять по требованию толпы.

Новая жизнь начинается, но и опасность велика: вызвана к жизни стихия, слишком много горючего материала в нашей армии. Дисциплина вещь жесткая, особенно при нашей природной лени и темноте. Старые обиды вспомнятся. Все, что пережито, вся кровь, пролитая даром, все ошибки командования, все это теперь зачтется.

Недоверие солдатских масс к нам, офицерам, очень велико. Они видят в нас теперь своих политических врагов, от которых нужно ждать величайших опасностей для народа.

3 марта
Севастополь

Некоторые роты отказались идти в караул и на занятия. В солдатской массе идет брожение. Бродит, кипит темная масса.

Если мы, офицеры, останемся пассивными, то разрыв отношений офицера и солдата неизбежен. Они глядят на нас волками и в глазах вопрос: ну что же вы, офицеры, с нами или против нас?

Наш командующий флотом адмирал Колчак² поступил превосходно. Чувствуя нарастающее на кораблях и в полках волнение, он приказал прибыть к нему по два выборных делегата от корабля и полка. Долго и обстоятельно говорил с ними, просто и откровенно рассказал все, что произошло в Петрограде, и в заключение наметил свою главную цель: „Перед лицом врага сохранить боевую силу Черноморского флота“. Делегаты встретили его речь очень сочувственно. Они сами еще не знают толком, что должны делать и к чему стремиться. Речь адмирала сразу дала направление умам. Прощаясь, он разрешил делегатам собираться в здании полужкипажа для обсуждения своих нужд и о результатах ставить его в известность. Мы все здесь очень любим нашего адмирала. Это настоящий солдат, смелый и решительный, горячий, неотомимый боец, любимый своими командами. Этот шаг его сразу наметил основную линию поведения масс. Вместо борьбы они встретили доверие,

доброжелательность, встретили и разумное руководство. Вместо того чтобы нарастающая революционная энергия направлялась на борьбу с властью, она направится на подавление анархических сил, вырастающих из глубин темной недоверчивой массы.

5 марта
Севастополь

Сейчас уже стало ясно: масса поняла революцию как освобождение от труда, от исполнения долга, как немедленное прекращение войны. Отдыха, хлеба и зрелищ. Это психология разбитого народа.

Между тем сила армии в дисциплине, труде, точном исполнении своих обязанностей, беспрекословном движении навстречу смерти. Если позволить громко высказать такое понимание революции и найти ему идейное оправдание, то армия рассыплется сама и мы останемся беззащитными перед Германией. Между тем уже по первой вспышке видно, куда направляется главная волна революции. Освободиться от труда. Система дисциплины, дисциплинарные наказания, отдание чести — все это метод, чтобы приучить массу автоматически исполнять приказы. Без этого армия не существует. И вот именно сюда-то направился удар. Все, кто были строги и требовательны, у кого служба шла отчетливо, все они — „старый режим“.

Как ясно чувствуешь сейчас то, что в массах не было и нет любви к Родине, нет понимания опасности, грозящей стране. Поэтому-то все требования, направленные к поддержанию силы армии, лишения, налагаемые дисциплиной, кажутся тяжелыми. Ведь

только „своя ноша не тянет“. Но нет горячего, большого чувства к Родине, которая в опасности, и все не клеится. У дисциплины не стало оправдания, не стало души.

Как быстро начинается разочарование революцией. Всего прекрасного, что она несет, этого толпа не видит, а вот за то, что должно погубить армию, а за ней всю страну, она хватается ребячески.

Нужно делать что-нибудь, чтобы остановить это движение, взять его в руки, сохранить хоть то, что можно, от армии.

5 марта Севастополь, вечер

День кажется таким длинным, как будто живешь два дня, а не один. Солдаты, как и в 1905 году, не верят нам, офицерам.

Они верят гораздо больше летучим листкам, вышедшим бог знает откуда.

Не верят даже в то, что совершившийся переворот так же радостен нам, как и им.

Попробуем завтра устроить общий парад и молебен. Молебен об успехе в новой начинающейся государственной жизни. Парад, чтобы перед всеми войсками провозгласить многие лета отныне свободному русскому народу.

Быть может, это разорвет ту атмосферу недоверия, которая сгущается вокруг нас.

6 марта

Парад и молебен чрезвычайно кстати, прошли очень торжественно, при ярком свете уже горячего теперь весеннего солнца. Многолепие, крики „Ура“, толпы народа. Этот праздник действительно ответил настроению масс, так как чувствовался действительный подъем, настоящая радость.

Однако вечером мои друзья сообщили мне, что главная цель — разрушить недоверие к офицерству — достигнута не была. Характерно, что наши полки взяли на парад боевые патроны, на тот случай, если парад окажется ловушкой и их начнут расстреливать из пулеметов. Вот оно — истинное настроение масс.

7 марта Севастополь

Здесь уже совсем весна. Тепло, и море голубое блещет, искрится на солнце. Массы народа собираются на улицах и говорят, говорят...

Как бомба с ядовитыми газами упал к нам приказ номер первый³. Будь проклят человек, придумавший эту гадость.

Что сделал он армии, что сделал он России? Ведь теперь чернь получила язык, которым она может говорить.

Ведь что бы ни делала масса, она непременно хочет иметь идею или идейку, которая давала бы красивое обоснование ее поступкам. Теперь желание отделаться от суровых требований дисциплины, от исполнения тяжелого военного долга облечено для солдат в форму борьбы за „свободу“ со своими собственными офицерами.

За такую помощь господ в Берлине принесут свою искреннюю благодарность. Едва ли только за это поблагодарит Россия.

8 марта Севастополь

Несмотря на все, что до сих пор сделано командующим флотом и офицерством, чтобы вызвать наше сочувствие к совершившемуся перевороту, возбуждение в массах растет.

Матросы и солдаты говорят, что все это официальная сторона, а на самом деле в тайниках души офицеры против свободы и ждут только случая, чтобы снова подавить движение, как это было сделано в 1905 году. Люди не хотят понять, да при своем уровне развития и не могут понять, что позор и унижение поражений этой войны заставит все русское общество, офицерство в том числе, пережить столетие и перевоспитаться, и то, что было в 1905 году, психологически повториться не может. Тогда еще не была утрачена вера в ценность и смысл старого строя, теперь же все, хотя и поздно, прозрели и необходимость нового всем очевидна. Тем не менее связь офицера и солдата с первого дня революции разорвалась. Мы сразу оказались бессильными, безвластными, лишь с огромной ответственностью перед этим же народом за сохранение вооруженной силы, стоящей перед лицом грозного врага.

Что же делать, когда нельзя остановить движение? Нужно стать во главе и направить его так, чтобы ребенок-народ причинил себе возможно меньше зла. Нужно нам, офицерам, войти в союз с лучшей частью солдатской массы и направить движение так, чтобы победить нарастающее анархическое начало и сохранить силу наших войск и кораблей.

Мы можем, конечно, стоять в стороне. О, тогда революционное движение пойдет своим анархическим ходом. Но мы можем пойти и бороться, и, мне кажется, именно это мы и должны сделать. У солдат создается сейчас организация, мы должны войти в нее и, внося свое культурное влияние, добиться того, чтобы революция не погубила

армию.

Командующий флотом собрал общее собрание офицеров флота и гарнизона. И вот в нарядном зале морского собрания, где еще недавно моряки, придя с похода на Босфор, забывали мглу и седые волны неприветного моря в зимнюю пору, собрались офицеры подумать, что делать. Настроение было тревожное. Но не за себя, не за свою жизнь была тревога. Тревога была за боевую силу, вверенную нам Россией, которой грозила опасность, большая, чем от снарядов врага.

За стенами зала поднимался первый грозный вал революции. Масса глухо волновалась, и никто не мог поручиться за то, что случилось через час. Только что было получено известие о бунте на Балтийском флоте, о трагической гибели командующего флотом адмирала Непенина⁴ и 23 офицеров, убитых своими собственными матросами.

Собрание открылось речью адмирала Колчака, кратко изложившего обстановку и предложившего обдумать, что офицерам делать дальше. Впервые в зале офицерского собрания свободно звучала речь о политических вопросах. Горячий отклик, бурю аплодисментов вызывали заявления о том, что и мы, офицеры, радостно приветствуем победу идеалов свободы и правды над насилием и угнетением самодержавного строя, обрешшего нас на позор поражения. Радостно было поддержано заявление, что, несмотря на весь гнет бюрократического пресса, огонь, зажженный офицерами-декабристами, никогда не умирал в офицерском корпусе. Особенно горячо был встречен призыв не оставаться в такую минуту пассивными и ради спасения боеспособности ко-

раблей и полков присоединиться к движению, нараставшему в Севастополе. Для этого был срочно избран исполнительный комитет, которому поставили задачу войти в связь с возникшей матросско-солдатской организацией, вместе с ней приветствовать приехавшего в тот же вечер в Севастополь члена Государственной думы Тулякова и затем ехать в Петроград заявить Временному правительству, что Севастополь присоединяется к перевороту.

Пока шли выборы, в зал собрания доносился шум приближающейся толпы. Солдаты, матросы, рабочие шли, возбужденные слухами о „контрреволюционном“ собрании офицеров, шли спросить офицеров: с нами вы или против нас? Но у нас ответ был уже готов. Наша делегация вышла на балкон и сказала, для чего она выбрана. Настроение толпы было сразу сломлено. Злоба утихла, лучшие силы взяли верх, и толпа приветствовала своих офицеров.

В тот же вечер мы встретились на вокзале с представителями солдат и матросов, вышедших, как и мы, встретить петроградского гостя, посланного к нам, чтобы помочь устроиться в новых условиях жизни, а главное, я думаю, чтобы не повторить историю Балтийского флота.

Встреча с солдатскими делегатами меня очень поразила. Кто мог знать, кого они выберут, как выявится в этом первом самостоятельном шаге свободная воля народа? Я боялся встретить узких, озлобленных, непримиримых людей, с которыми никакое соглашение не будет возможно. И что же? Мы увидели людей, быть может простых, но шедших навстречу к нам с открытым

сердцем. Мы так же просто протянули им руки и сели рядом за один стол, обсудить, что делать.

После короткого обмена мнениями мы убедились в том, что цели наши не расходятся. Теперь война, враг грозит нам, значит, нужно бороться за сохранение силы нашей на суше и море, нужно все трения сгладить и пережить переворот, не проливая крови.

Мы вместе приветствовали нашего гостя, депутата Государственной думы, принесшего из центра те же заветы. Солнце взошло, когда мы разошлись, условившись о новой встрече. А наутро Севастополь, проснувшись, мог прочитывать составленное нами, совместно с депутатом думы, воззвание к флоту, гарнизону и рабочим. Оно знаменовало достигнутый союз, и рядом под ним стояли подписи офицеров, солдат и матросов. Воззвание говорило: „Братья, дело святой борьбы за свободу народа повелительно требует довести войну до победного конца. Благоприятный исход войны — залог светлого будущего свободных граждан, свободной России. Граждане, немедленно возвращайтесь к своим занятиям. Полки, приступите к усиленной работе по боевой подготовке, корабли, идите в море, и пусть враг знает, что новая жизнь влила в нас новую боевую силу“.

С этой минуты инициатива действий была захвачена культурными элементами. Исполнительный комитет солдат и матросов слился с нами под общим лозунгом: работать над сохранением боевой мощи армии и флота, над устройством жизни на новых началах свободы и справедливости.

Анархия с ее неизменными инстинктами отошла назад. Надолго ли?

Особенно меня поразило и порадовало то, что каждый раз, когда мы, офицеры, выступали в собраниях или перед толпой с наболевшим у нас призывом забыть все ради спасения пострадавшей Родины, ради победы над врагом, масса всегда восторженно приветствовала нас. Все это страшно подняло у меня веру в будущее. Если масса, как выбором людей, так и приветствием тех, а не других лозунгов откликается на хорошее, на здоровые начала, то есть надежда на спасение, то жив еще русский народ.

Перед нами открывается новая тернистая дорога. Далеко, далеко впереди светится мечта, видится Родина наша действительно свободной и счастливой. Далеко только до этой свободы, обеспеченной законами. Сколько черной ненависти, скопленной веками, сколько грязи и лени, раньше скованных дисциплиной, вырвалось теперь на свободу. И этот новый враг страшен особенно потому, что он облекается в красную мантию революции.

16 марта
Севастополь

Колчак дал мне прочитать письмо одного офицера Балтийского флота, очевидца гибели адмирала Непенина. Мир праху этого честного солдата, беззаветно любившего свою Родину.

Описание это особенно характерно, если сравнить с тем, что произошло у нас. Как только Непенин получил известие о перевороте в Петрограде, он немедленно послал телеграмму Родзянке о своем присоединении и поддержке нового правительства. Это было сделано так же, как у нас, с той только разницей, что он скрыл и одну, и другую телеграммы от команд. Он, так же как Ко-

лчак, вызвал к себе выборных от всех кораблей и говорил с ними, но, резкий и грубый по природе, он подошел к ним не со словом приветия, не с открытым сердцем. Когда же один из делегатов в разговоре о республике выдвинул требования о выдаче второй смены рабочего платья, Непенин ответил ему с явной иронией, не найдя в своем сердце снисхождения к простым людям и их темноте. Делегаты уехали неудовлетворенные. Если прибавить к этому, что на радиостанциях матросы-телеграфисты были сняты и заменены офицерами, не сообщавшими матросам о происходивших переговорах, тогда станет ясней вся нервозность команд. В их примитивном уме сейчас же сложилось убеждение, что офицеры что-то скрывают, значит, власть против народа. В такие минуты отсутствие веры массы в своих вождей решало дело. Через час после беседы делегатов с командующим флотом на линейных кораблях „Андрее“ и „Павле“ вспыхнуло восстание, и в темноте ночи вместо уставных огней загорелись красные огни революции. Когда об этом доложили Непенину, тот резко спросил: „Какой из дредноутов готов открыть огонь?“ Ему доложили, но после короткого раздумья он махнул рукой и ничего не сказал. На следующий день доблестный солдат, гордость и надежда флота, гроза Германии, погиб, расстрелянный безымянной кучкой матросов.

21 апреля
Севастополь

Центральный исполнительный комитет офицеров, солдат, матросов и рабочих, созданный нами в Севастополе в качестве буфера между массой и офицерством, работает необычайно

напряженно⁵. Масса кипит и волнуется, стремясь сбросить с себя всякую узду, но система организаций, в которых выборные из самой массы играют видную роль, сдерживает ее. И это единственное, что ее сдерживает. Если вынуть сейчас из жизни комитеты, мы сразу перейдем к убийству офицеров, к полной анархии и, следовательно, к полному разрушению нашей же вооруженной силы.

В комитетах как бы происходит перевоспитание масс. Когда озлобленные, недоверчивые люди приходят к нам с представителями от офицеров, они быстро становятся нашими друзьями и защитниками верных государственных идей перед массой. Тогда масса признает их недостаточно революционными, отзывает назад, упрекая, что они продались офицерам. К нам приходят новые, еще более озлобленные, проходят ту же школу и... возвращаются к массе с тем же призывом к порядку и самоограничению.

Но призывы к самоограничению — вздор, оно осуществляется не призывами, а установлением границ его вооруженной рукой.

Во всяком случае, благодаря этой работе вся севастопольская жизнь идет под знаменем любви к Родине, под знаменем борьбы за нее. Лучшие, чистые идеи самопожертвования теперь здесь несомненно популярны, несомненно господствуют.

Вести, приходящие с севера, говорят о другом. Там о Родине говорят мало. Там громко проповедуется всемирное братство трудящихся (интернационал?) и классовая борьба внутри. Но какое же может быть братство с немцами, ко-

торые на наших пленных пашут землю, откровенно мечтают о полном порабощении России? Ведь об интернационале можно говорить лишь тогда, когда есть нация, а у нас этой-то основы — любви к Родине нет. Поэтому проповедь интернационала грозит армии катастрофой. С другой стороны, разве время говорить о классовой борьбе теперь перед лицом врага?

Вот когда сказываются результаты того, что не было патриотизма не только в народе, но и в интеллигенции. Вместо того чтобы бросить сейчас на девственную почву сознания народа благородные семена любви к Родине, высокие идеалы, высокую любовь, за которую человек не жалеет жизнь свою отдать, массе бросают лозунги земного благополучия, гораздо более легкого.

Как же не понимают люди, что, увлекшись маленьким благополучием сегодняшнего дня, без высоких, душу возвышающих идеалов, они вскоре потеряют нечто большее, в том числе и личное благополучие. Будем бороться с этим, сколько сил хватит. У нас в Севастополе пропаганда эта не имеет успеха, ибо мы захватили почин в свои руки.

**29 апреля
Севастополь**

Сегодня был радостный день. Двухмесячная работа дала еще один серьезный результат. Севастополь и Черноморский флот выделяют делегацию в составе 26 офицеров и 171 матроса и солдата с целью проверки на местах состояния армии и ведения проповеди о необходимости перехода в наступление, для приближения окончания войны. Люди, которые едут, полны горячей любви к Родине, полны желания смыть тот

позор измены, который теперь навис над нами. Они полны решимости идти в атаку с первыми штурмующими линиями, чтобы своим примером зажечь энтузиазм и увлечь малодушных.

Из целого ряда речей, листовок^{*}, брошенных нами в матросскую и солдатскую среду, верные государственные идеи стали-таки достоянием масс.

Особенно сильное впечатление произвела речь командующего флотом адмирала Колчака по возвращении его из поездки в Петроград. Он рассказал нам, что на фронте полный развал, что наступать не хотят, хотят ждать, пока нашу протянутую руку немцы пожмут и наступит мир. Между тем немцы что-то не собираются пожимать протянутой руки. Мало того, оставив у нас на фронте братание вместо тяжелой артиллерии, увезли лучшие дивизии драться с французами и англичанами. На фронте идет политическая борьба. Лозунги мира без

* Вот образчик мыслей и стиля выпущенных листовок: Какой нам нужен мир? 12 апреля. В последние дни в Севастополе горячо обсуждается вопрос о том, на каких условиях мы можем заключить мир и, главное, нужен ли нам Босфор и Дарданеллы... Вспомним, как началась война. Разве мы хотели аннексии и контрибуции? Нет. После тяжелой японской войны мы хотели мира, но хотели быть хозяевами в своей стране, что же было? Во время нашей войны с Японией Германия заставила нас под угрозой войны заключить торговый договор, по которому мы уплачивали немцам миллиардную контрибуцию. За тот счет...они всю Восточную Пруссию перестроили каменными домами, провели шоссе, железные дороги, телеграфы и телефоны... Чьим трудом, чьим потом и кровью? Русским! Немцы без войны похоряли нас. Они, не стесняясь, писали, что русские и славяне — это навоз на германскую ниву... А на Босфоре и Дарданеллах немцы поставили своих офицеров, генерала Сандерса⁶, свои пушки, свой флот: „Гебен“ и „Бреслау“... Без шума и крику немцы заняли выход из русского Черного моря и надели удавку на шею России... Война началась от того, что: 1) немцы хотели нас поработить постепенно захватом земель, торговым договором, влиянием на всю нашу жизнь, внося всюду деспотизм и рабство; 2) немцы заставляли нас тратить одну треть всех народных денег на военные нужды; 3) немцы, захватив Босфор, надели нам удавку на шею... А потом какие же наши цели войны?.. Придет пора, вся Россия посмотрит на свой Черноморский флот и черноморскую дивизию и спросит: есть ли еще порох в пороховницах? — А. В.

аннексий и контрибуций понятны, как право кончить войну, и массы людей, бросив окопы, разъезжаются по домам⁶. Словом, те же свойства масс, что и у нас в Севастополе, производят те же результаты, но в несравненно более сильной степени, так как, видимо, борьба с ними ведется неверно. Нельзя сейчас, надев белые перчатки, стать в стороне, говоря, что в настоящей армии политической борьбе не место. А у нас она есть! Нужно либо идти бороться, либо согласиться на то, что армия развалится в течение месяца. Мы должны задержать разрушение армии до заключения общего мира.

Тот факт, что у нас офицеры стали во главе движения, позволил нам добиться гораздо лучшего порядка, чем во всей остальной России. Это говорят нам все приезжие, и это заставляет нас думать о себе больше, чем, быть может, мы стоим. Главное же, что здесь весь этот период времени основной целью была оборона Родины, необходимость жертвовать собой за нее, и все старались все делать во имя этого. Но именно старались: часто масса вырывалась из рук. Ведь и у нас формировавшаяся черноморская дивизия развалилась совершенно, и ничего нельзя было сделать, чтобы ее сохранить, и у нас команда миноносца „Жаркий“ выбросила своего блестящего, доблестного командира за то, что он слишком храбр...

Все же со всем этим общее настроение здесь хорошее, с общего одобрения едет черноморская делегация проповедовать правду, любовь к Родине, встряхнуть тех, кто воспользовался революцией для того, чтобы сбросить с себя всякое исполнение долга и обязанности. Бог в помощь им!

1 мая
Севастополь

Чудная южная весна, несомненно, накладывает здесь свой отпечаток на весь ход революции. Не может быть человек злым в этой окраске неба и моря. Вероятно, все дурное в Севастополе делается зимой.

Не все замечают, что, родившись из разрушения, наша революция готовит миру новое слово, слово весенней любви. Революция произошла во имя мира, во имя прекращения кровопролития и дала людям новую формулу, сильную, как заклинание: „Мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов“. Эта формула действительно решает все большие вопросы, разрешает все споры, и если принять ее за основу мирного договора, то война на свете прекратится надолго. Могут себе, однако, представить, сколько крови прольет человечество, пока оно додумается до этой простой вещи, что продолжать войну будет во много раз дороже, чем договориться на нашей бесхитростной формуле. Как за идею христианства, так и за нашу идею мира прольются еще потоки крови и горы трупов лягут на землю с призывом кончить бойню, открыть войну войне.

А все-таки сила этой идеи громадна, и, бог знает, не ей ли суждено нанести последний удар торжествующему милитаризму германцев.

5 мая
Севастополь

То, что я говорил о революции во время войны, конечно, сбывается. Мы определенно стоим на грани анархии. Все прежние успехи жизни сорваны, а новые создаются годами, если не деся-

тилетиями. В народе нет сознательности. Один матрос, служивший раньше в добровольном флоте и объездивший полсвета, определяет положение так: „А ведь народ, ровно полная бутылка, ничего не понимает, что с ним сделаешь“. И действительно, в народе нет сознательности. Раньше приказы исполнялись, за ними была сила. Теперь все рассуждают. Каждого нужно убедить. Вместо „командармов“ (телеграфное сокращение — командующий армией) у нас теперь „убеждармы“. Все разваливается, особенно тыловые гарнизоны, где агитация направилась на разрушение дисциплины и на проповедь мира, а командный состав, конечно, много слабее, чем на фронте. Стали вспыхивать бунты и погромы. Многие и в Севастополе считают, что революция здесь прошла неправильно, не то что у балтийцев. Какая же революция?

Много говорил с нашим любимым командующим. Он приходит в отчаяние. Мы пошли на большие компромиссы ради сохранения главных основ боевой силы, но не везде компромисс оправдывается. Требования растут с каждым днем. Особенно тяжелы отношения к командному составу. Все, кто был строг и требователен, выбрасываются командами и полками. Не политическая революция нам страшна, а страшно расстройство дисциплины, службы, труда. А в эту сторону именно и направлена борьба массы с офицерами.

Колчак считает, что все мы, борющиеся теперь за спасение армии, должны будем в один прекрасный день сдать свои позиции и уйти в сторону, а дальнейшие компромиссы поведут уже к полной гибели армии.

10 мая
Севастополь

Невиданное в истории явление: армия и флот с комитетами⁹, работающими и управляющими параллельно командному составу. Комитеты часто, очень часто стали даже захватывать права командиров. Фактически нельзя ни одной серьезной меры провести, не столкнувшись предварительно с комитетами. Вот в какую форму вылилась революция в армии.

Тяжелая драма разыгрывается сейчас у нас в армии. Произошел почти совершенный разрыв между офицерами и солдатами на почве политического недоверия к офицерам.

Но ведь политическое недоверие — чистый вздор. Офицерство, тяжело переживая позор поражения, также сочувственно встретило переворот, свергнувший причину неудачи. Царь в последние дни не имел сторонников даже среди великих князей. Но все же недоверие это есть, и оно разрывает офицерство и сознательную часть солдатской массы, и обе порознь они оказываются бессильными бороться с анархической темной массой.

Это нелепое недоверие и вызвало к жизни комитеты, встреченные страшным недоброжелательством командного состава. Боже мой, если бы могли выбирать. Раз такое недоверие есть, правильное всего просто взять и уйти. Пусть себе управляют сами. Но ведь мы воюем с Германией, идя на все жертвы, мы должны сохранить армию или хотя бы видимость ее, чтобы дотянуть до мира, добиться возможно лучших условий его.

Так или иначе, не останавливаясь на причинах, ясно, что командный состав

вел дело войны так, что за три года три фронта из пяти не знали ничего, кроме поражений и неудач. Только в Галиции и на Кавказе были победы, добытые страшной ценой человеческих гекатомб. Ведь мы действительно воевали без снарядов, пушек, ружей, всего самого необходимого. Действительно же в управлении войсками было допущено много, много ошибок. Ведь только на крови мы выдержали три года войны. Где же было создаться доверию? И вот когда „пушечное мясо“ заговорило, оно свое недоверие перенесло на весь офицерский состав, не разбирая, в чем виновато офицерство, само кровью своей спасавшее страну, и в чем виноват старый строй, погубивший страну. Масса думает примитивно. Сюда приплелась и злая память о якобы причиненных обидах и притеснениях, бывших на три четверти лишь требованием порядка в необычайно трудных условиях войны.

Армия забыла, ясно до очевидности, что мы ничего не можем сделать. Армии такого настроения либо распускаются, либо заливаются кровью. Распустить армию нельзя, так как заменить ее нечем, а залить кровью сил нет. Третьего выхода нет и оздоровления нет, мы должны дотянуть с этой армией до мира. Немногие понимают это. Нужно сейчас все сознательное объединить в общей борьбе с растущей анархией. Нужен союз офицеров с комитетами, как бы уродливо это ни звучало.

Другим путем мы не удержим массу в руках, армия потеряет всякий облик, и над междоусобной войной офицерства и комитетов Вильгельм¹⁰ с насмешкой протянет свою руку к сердцу России. И этот самый народ, который тянется

сейчас к свободе, сбрасывая с себя не только рабство, но и обязанности перед Родиной, т. е. перед самим собой, погибнет в когтях торжествующего германизма, с холодной жестокостью обрастающего славянство в навоз на германскую ниву. Как эту главную основную мысль не понимает не только масса, но даже некоторые лучшие люди? Народ, как ребенок, не чувствует, что он, ломая все ради свободы, кует сам себе новое рабство. А вожди его, вожди революции, вместо лозунгов любви к Родине и самопожертвования бросили в массу лозунги интернационала и классовой борьбы. В темной голове простолудина интернационал обратился в братание с немцами, а классовая борьба — в борьбу с единственным „буржуем“ под рукой — своим нищим, израненным, бесконечно любящим Родину офицером.

Просто кошмар какой-то! Это ли тот народ, который мы так любили, за счастье которого шли на смерть на войне?

Что делать? Что делать, чтобы выйти из этого положения? Но делать нужно, нужно найти в себе силы, нужно найти способы борьбы с анархией и сохранить армию.

С одной стороны, перед нами мечта, близкая к осуществлению. Мы стали свободны и действительно можем перестроить жизнь на началах любви и правды. Может, наконец, дать широкую свободу самостоятельности народа, который быстро восстановит все то, что было разрушено самодержавием и войной? Но, с другой стороны, грозная опасность перед нами со стороны нашей темноты, анархии в жизни. Рушится дисциплина жизни во всех ее об-

ластях, и низменные, черные элементы постепенно захватывают власть, прикрываясь красным знаменем революции.

А над всем этим нависла опасность глыбы, грозящая нас совершенно задавить. Это Германия, глядящая на нас теперь как на свою добычу, добычу сильного, отбитую в жестокой борьбе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду пример из греческой мифологии, когда две скалы — Сцилла и Харибда, сдвигающиеся при появлении между ними корабля, раздавливали его, и только знаменитым аргонавтам удалось, умело лавируя, пройти между ними.

² Колчак Александр Васильевич (1873—1920), адмирал. Окончил Морской кадетский корпус. Известность получил как полярный исследователь — специалист по океанографии и гидрологии. Своими научными работами внес большой вклад в освоение Арктики. В русско-японскую войну 1904—1905 гг. принимал участие в обороне Порт-Артура. После ее окончания стал одним из инициаторов возрождения русского военного флота. В это время он один из ведущих сотрудников Морского Генерального штаба. Как военный специалист — признанный знаток минного дела. В годы первой мировой войны последовательно занимал должности флаг-капитана в штабе Балтийского флота, командира минной дивизии, командующего морскими силами Рижского залива. С июня 1916 г. по июнь 1917 г. — командующий Черноморским флотом. С ноября 1918 г. военный и морской министр правительства Уфимской директории. В результате военного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске установил на территории Сибири и Дальнего Востока военную диктатуру, объявив себя „Верховным правителем Российского государства“. Расстрелян 7 февраля 1920 г. по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

³ Приказ № 1 от 1 (14) марта 1917 г. по Петроградскому гарнизону был издан Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов по требованию и при участии революционных солдат. Он предусматривал создание во всех воинских частях солдатских комитетов и избрание от солдат и матросов своих представителей в Советы, тем самым ставя их под политический контроль последних. Кроме того, им устанавливался демократический порядок во взаимоотношениях солдат и офицеров. В целом приказ № 1 ока-

зал громадное революционизирующее влияние на армию.

⁴ Непенин Андриан (Адриан) Иванович (1871—1917) — вице-адмирал. С июля 1916 г. командующий Балтийским флотом. Убит матросами в Кронштадте во время Февральской революции.

⁵ 5 марта 1917 г. на гарнизонном митинге в Севастополе был избран Временный военно-исполнительный комитет в составе 20 матросов и солдат. 7 марта в него вошли представители офицерства, и он получил название Объединенный центральный военно-исполнительный комитет. Большинство в этом органе принадлежало эсерам и меньшевикам.

⁶ Сандерс фон Лиман (1855—1929) — немецкий генерал. Глава германской военной миссии в Турции в 1913—1918 гг. Военная миссия Сандерса способствовала установлению военно-политического контроля Германии над Турцией в годы первой мировой войны.

⁷ „Гебен“ — новейший германский линейный крейсер, входивший в состав турецкого флота. „Бреслау“ — легкий крейсер.

⁸ Лозунг „Мир без аннексий и контрибуций“, выдвинутый большевиками, означал мир без присоединений, захвата территорий других государств и без выплаты финансовых сумм победителю. Этот лозунг нашел активную поддержку среди широких народных масс. На фронте и в тылу были широко распространены антивоенные настроения.

⁹ Имеются в виду солдатские (войсковые) коллективы, выполнявшие в русской армии функции Советов. Впервые возникли во время революции 1905—1907 гг., ликвидированы после ее поражения. Возродились в ходе Февральской революции. Повсеместное создание солдатских комитетов развернулось после издания 1 (14) марта 1917 г. приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Правящие круги и генералитет, видя невозможность остановить распространение солдатских комитетов, стремились подчинить их своему контролю. Ставка Верховного главнокомандующего распорядилась ввести в солдатские комитеты офицеров, „дабы взять ход событий в свои руки, руководить ими“. Приказом Главноверха генерала М. В. Алексева от 30 марта (12 апреля) 1917 г. введено „Временное по-

ложение об организации чинов действующей армии и флота“, устанавливающее обязательность создания солдатских комитетов во всех подразделениях, частях от роты до Ставки и закрепляющее за офицерами одну треть мест в солдатских комитетах.

„Временное положение“ ограничило сферу деятельности солдатских комитетов решением хозяйственных и бытовых вопросов, культурно-просветительной работой.

К маю 1917 г. число солдатских комитетов разных степеней на фронте приближалось к 50 тыс., в них состояло до 300 тыс. солдат и офицеров. Сложилась система солдатских организаций и в тылу. Активно шел процесс большевизации солдатских комитетов.

Солдатские комитеты сыграли важную роль в Октябрьской революции, на фронтах, в ликвидации мятежа Керенского — Краснова.

В 1918 г. солдатские комитеты прекратили свою деятельность.

¹⁰ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и король Пруссии (1888—1918). Выражал интересы реакционных, агрессивно настроенных кругов немецкой буржуазии и юнкерства. Был одним из инициаторов гонки вооружений, строительства мощного военно-морского флота, экспансии германского империализма на Балканах и в других странах, чем способствовал обострению империалистических противоречий, приведших к первой мировой войне. В 1914—1918 гг. Вильгельм II выступал за наиболее варварские методы ведения войны, противоречащие установленным нормам международного права. В начале 1918 г. стал организатором и вдохновителем интервенции германского империализма против Советской России. По Версальскому мирному договору 1919 г. Вильгельм II подлежал суду Международного трибунала как виновник первой мировой войны и военный преступник. Но правительство Нидерландов, куда он бежал после ноябрьской революции 1918 г. в Германии, отказало его выдать. Находясь в эмиграции, Вильгельм II опубликовал ряд книг.

*Примечания В. А. АВДЕЕВА
и М. Н. ОСИПОВОЙ*

(Продолжение следует)

Н. Г. КУЗНЕЦОВ

ПОВОРОТЫ

Из записок адмирала

КРУТЫЕ



Главнокомандующий ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов беседует с ветераном флота матросом-артиллеристом крейсера «Варяг» А. Д. Войцеховским. 1954 г.

В памяти осталось много горьких воспоминаний, как непонимание элементарных морских вопросов людьми, которым положено разбираться в них, приводило их к неправильным заключениям по нашим предложениям. Но при этом ничего не стоило какому-нибудь высокому армейскому товарищу, хотя он никогда даже не бывал на кораблях, высказать критическое замечание в адрес флота, особенно если это поощрялось высшим начальством. А подобных случаев было немало.

Как мне хотелось с первых дней моей службы в Москве и до последнего часа пребывания в должности наркома, главкома, министра ВМФ или первого заместителя министра обороны внести полную ясность во все

вопросы взаимоотношений и найти свое место в системе вооруженных сил, до мелочей уточнить задачи флота и его роль на случай войны! Мне этого сделать не удалось. Какую бы скромную роль я ни приписывал флоту в системе наших вооруженных сил, добиться не удалось, чтобы хотя бы где-то об этом было четко сказано и зафиксировано.

Если до войны для меня самого многое еще было неясно и я сам нечетко представлял роль каждого вида вооруженных сил, то после войны, после пережитых за это время неясностей и неопределенностей, а также из опыта иностранных вооруженных сил, полученного в ходе войны, я уже довольно четко представлял себе необходимость единства руководства вооруженными силами и особо четкой регламентации деятельности каждого

Продолжение. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 12; 1993. № 1-3.

вида вооруженных сил, каждого рода оружия и т. д.

Мы часто пользовались выражениями Советская Армия, Военно-Воздушные Силы, Военно-Морской Флот, потом появились Противовоздушные силы и другие более современные виды вооруженных сил, но нигде не было четко сформулировано, что же они из себя представляют, что под этими названиями следует понимать, каковы их задачи, каковы границы их прав и ответственности. Без этого всегда будет много лишних и ненужных споров, взаимных упреков и т. д. между различными видами вооруженных сил, споров совсем не нужных, вредных, напрасно расходующих время и энергию. А ведь, казалось, как просто самым высшим государственным органам раз и навсегда разобраться с этим и зафиксировать, сказав всем – быть посему, – и сосредоточить все усилия на общем для всех будущем противнике. Не противопоставление одного вида вооруженных сил другому, а совместные усилия должны быть направлены против будущего противника.

Есть немало исторических примеров, когда в одних странах, скажем, после первой мировой войны, много спорили, что важнее – сухопутные, морские силы или теперь главную роль будут играть военно-воздушные силы – авиация? Дальнейший опыт показал, что не противопоставление, а совместное согласованное использование всех видов вооруженных сил в различных соотношениях в зависимости от обстановки дает самые лучшие результаты. И те страны, которые раньше всего прекратили эти споры, а высшие государственные и военные органы которых раньше всего поставили все точки над «и», больше всего выиграли в деле усиления своей боееспособности.

Можно было бы привести также ряд и других понятий, правил и терминов, которые требовали уточнения вышестоящими органами и которыми могли бы все пользоваться, одинаково понимая их. Например, часто пользовались выражениями – господство на море, господство в воздухе и т. д., а что это означает, четких формулировок, утвержденных начальством, не было. Я говорю не было потому что, возможно,

теперь уже есть. Или, скажем, часто применялось выражение – Советская Армия и Военно-Морской Флот. Авиация, значит, тем самым, понималась в составе Советской Армии. А это неправильно, да и нигде не записано, что под Советской Армией нужно понимать сухопутные войска и авиацию. Что это требовало уточнения, подтверждается тем, что я нередко спрашивал некоторых крупных руководителей: что нужно понимать под словами Советская Армия, и всегда получал самые разноречивые ответы.

Без решений по основным вопросам оперативного порядка, взаимоотношений между видами вооруженных сил и без четкого определения задач каждому виду вооружения в системе всех вооруженных сил, конечно, нельзя было ожидать и добиться решений и по более мелким вопросам, но которые имеют не меньшее значение в деле готовности вооруженных сил. К подобным вопросам относился такой, как подчиненность флотов на местах. В каких случаях флоты следует подчинять округам и когда нецелесообразно это делать; какие приказания может отдавать округ флоту; каковы функции Наркомата ВМФ по отношению к флотам во время войны?

Нерешенность таких проблем доказывает, что оперативными вопросами занимались мало, иначе все они своевременно возникли бы и руководство вынуждено было бы их решить.

Меня всегда поражало, как много делалось распорядительным порядком и успех вместо тщательной подготовки и разработки того или иного вопроса. Только в ходе войны обстановка заставила лучше планировать и отводить время для подготовки той или иной операции. Однако и при этом бывали случаи, когда я оказывался в ситуации, что не имел возможности продумать заранее и дать своевременные указания, потому что получал приказание, например, через несколько дней подготовиться к оказанию помощи такому-то фронту, хотя это можно было сделать своевременно и флоты имели бы возможность подготовиться. Армейское командование находилось в более выгодном положении, так как все операции разрабатывались с ними от начала до конца. Излишняя же по-

дозрительность Сталина ограничивала круг людей, коим доверялась тайна. А от этого флот, участием которого в операциях не придавалось должного значения, особенно страдал. На моей обязанности лежало сглаживать возникавшие из-за этого шероховатости, что не всегда удавалось.

Нежелание Сталина советоваться и поддержка всяких его предложений со стороны его ближайших помощников ставили иногда меня в исключительно тяжелое положение. Так, помню, во время войны с финнами в зиму с 1939-го на 1940 год Сталин однажды вызвал меня и предложил использовать подлодки на подходах к Або¹ у самого порта. Когда я ему указал, что это почти невозможно, ибо нужно пройти большое расстояние узкими шхерами, и только тщательная подготовка отдельных лодок могла бы позволить пойти на подобный риск, то, видя его неодобрение моих высказываний, все его помощники «хором» набросились на меня с упреком, дескать, «что это за лодки у наших моряков, которые не могут плавать шхерами» (!) и т. д.

Больше того, однажды Сталин высказал мнение об использовании эсминцев на Волге. Когда же я доложил, что для них это невозможно, если даже они и будут туда как-нибудь переведены, то он, водя пальцем по сухопутной карте вверх и вниз по течению реки, ругал меня, а стоявший около него Маленков² поддерживал его, приговаривая, что я, очевидно, недостаточно разобрался в этом.

Сказанное мною выглядит странно для многих, ибо как будто я изображаю не совсем умными тех людей, которые заслуживают высокой оценки и их высокие качества не подлежат сомнению. Но в том-то и заключается нелепость, что умные люди уже начали заниматься флотскими вопросами, хоть и не нашли раньше возможности в деталях разобраться в них, так как, по-видимому, сделать это им не позволяла их занятость. В то же время они (особенно Сталин) уже не считали возможным для себя прислушиваться к малым людям вроде меня. Это уже был период, когда окружение Сталина не противоречило ему и, в лучшем случае, я, пытаясь спорить с ним, мог рассчитывать только на то, что все его приближенные не накинутся на меня, а будут молчать, позволяя мне доказывать свою правоту.

Когда культ личности после войны расцвел махровым цветом, то прихо-

дилось наблюдать, как любые факты становились совсем не фактами и тем более не являлись вещью упрямой. Всего один пример. У Сталина в кабинете зашел разговор о Дальнем Востоке, продовольствии там и качестве овощей. Я вспомнил, как в 1937 году, приехав во Владивосток, видел там крупные помидоры и другие овощи, выращенные китайцами. Но потом китайцев всех выселили, и мы некоторое время испытывали трудности. «Вот когда там были китайцы, то с этим было неплохо», – начал я. «А куда они (китайцы) девались?» – прервал меня Сталин. Ничего не подозревая, я ответил, что они были выселены. В этом я был твердо убежден, так как был там командующим. Буквально обложив меня нецензурными словами, Сталин сказал, что я ничего не понимаю и что выселяли оттуда только корейцев. Набрав опыта и массу полученных «шишек», я больше не возражал. Тем более это меня не касалось, и сунул-ся я напрасно. И все как будто согласились, что выселяли только корейцев. Рассказывать про то я никому из своих приближенных не стал, но сам подумал: «А что, если бы Сталин сказал, что и корейцев не выселяли, тоже, видимо, все бы согласилось?» Вот это уже был новый, еще более опасный этап культа личности.

В условиях культа Сталин со своей железной волей превратился в деспота. Но в деспотизме, который легко было рассмотреть в мирное время, в годы войны многое прикрывалось строгостью и требовательностью, характерными для военного времени. Больше того, в тяжелой военной обстановке строгость даже выглядела как положительное качество военачальника и приносила пользу. Так было и со Сталиным. Я склонен думать, что в военное время он относился к людям лучше, чем в мирные годы. Так, с военачальниками он установил неплохие и вежливые отношения, а после войны многие жаловались на его грубость. Подчас его грубое обращение с высокими военачальниками во время войны оправдывалось обстановкой и перекрывалось успехами, достигнутыми в конце войны. Но как только война кончилась, самовластие вновь стало выглядеть более отчетливо и было прочувствовано всеми. Что тут играло роль – ревность к славе или опасение за свое положение, – трудно сказать, но люди, которые много сделали для победы, помогая Сталину, подобно Жукову, Ко-

неву и другим, оказались у него в немилости. Говорят, политические деятели чувствительны к своим соперникам, когда дело касается их авторитета и власти. Это можно подтвердить и примером из деятельности Н. С. Хрущева. Он был другом Жукова, но стоило ему узнать, что Жуков иногда «наступает» на его авторитет, как он немедленно ополчился на него и дискредитировал...

Говоря об этом, некоторую аналогию мне хочется провести с Жуковым. Это был человек сильной воли. Его воля (заслоняя грубость) приносила пользу во время войны. Его боялись, его слушались, ему удавалось успешно проводить операции, и, конечно, обладая полководческим талантом, он много сделал как заместитель Верховного Главнокомандующего. Его поступки импонировали Сталину, а он в свою очередь использовал имя и авторитет Сталина.

Но вот кончилась война. Жуков, пережив личные неудачи, немного притих. Стоило же ему стать при Хрущеве министром и даже членом Политбюро³, как он проявил совсем ненужные для мирного времени черты характера – грубость и самовластие.

Но вернемся к Сталину. Его сложную натуру нельзя изображать однобоко. Неправильно утверждать, что он был неуч и управлял войной по глобусу, но нельзя не сказать и о его ошибках в военном деле, нежелании прислушаться к военачальникам при своей недостаточной компетенции. Я испытал это при решении флотских вопросов. Он мог наметить высадку десанта в Керчи, не обсудив предварительно о нужных средствах и сроках готовности. Кстати, так и Жуков не раз посылал в Ленинграде моряков в десант (в Петергофе и на Ладоге), и они напрасно несли жертвы. Чистой воды волюнтаризм, который непозволителен и во время войны.

Говоря о его властном характере и строгости, переходившей, как известно, границы правомерности, нельзя не отметить следующее: Сталин мог самокритично относиться к своим поступкам и признавать совершенные им промахи. Так, мне лично довелось в конце войны слышать из его уст об ошибочной оценке положения в канун войны. Широко известно, как на одном из приемов сразу после войны Сталин признал, в каком «отчаянном» положении оказалась страна в первые годы войны, и, отдавая должное выдержке народа, прямо

сказал, что в подобном случае он (народ) мог бы и «попросить» правительству уйти, как несправившееся.

Мне думается, ближайшие помощники Сталина могли бы значительно больше повлиять на его решения, скажем, перед войной, когда он вопреки фактам верил в более отдаленные сроки ее начала, а окружение вторило ему, опасаясь за личное положение. Создав себе культ, Сталин плотно закрыл двери для критики его, и тем самым те, которые были призваны помогать ему в правильных оценках положения и решениях, лишь усугубляли его промахи и ошибки. Самым разительным примером такого положения вещей я могу привести предвоенный период, когда все говорило за близкое начало войны. А когда я в середине июня 1941 года докладывал В.М. Молотову⁴ и А.И. Микояну⁵ о том, что немцы свертывают свое судоходство в наши порты, стараясь убедить их в опасности положения, то получил один ответ: немцы не так глупы, чтобы нападать на нас. Так думал Сталин, так вторили ему его ближайшие помощники.

Когда думаешь о культе личности Сталина и его последствиях, возникают многие вопросы. Да это и понятно. Сам факт культа и его вред не вызывают сомнения. Эта ненормальность была заметна, но все облакалось в форму «высокого авторитета», вроде даже полезного для дела. Много к тому же тогда было неизвестно. Но вот нарыв был вскрыт, и возникли другие вопросы. Как он (культ) мог появиться в наших советских условиях? На какой почве вырос и расцвел? Что или кто способствовал этому? Наконец, вырваны ли все его корни, и где гарантия, что подобное не повторится, во всяком случае в ближайшие десятилетия?

Мнение о Сталине у меня складывалось постепенно. Кое в чем, что касается его авторитета как крупного политического деятеля, я убеждался (отчего не отказываюсь и сейчас), кое-что относительно его методов руководства у меня вызывало сомнения. А кое в чем, как я со временем убедился, он поступал неправильно, решая единолично и, главное, во вред делу. Обо всем этом я рассказываю только с узких позиций флотского работника, осведомленного в вопросах, касающихся флота.

На XVIII съезде партии⁶ я наблюдал, как до боли в руках хлопали Сталину и изощрались в похвалах в его адрес. Я все принимал как должное и сам делал



Во время работы Потсдамской (Берлинской) конференции. 1945 г.

то же самое. Как ни странно, но его преступные ошибки с репрессиями создали ему еще больший авторитет. Вот так обманчива бывает обстановка, если на нее смотреть поверхностно.

„Товарищ Сталин» — так было принято называть Сталина как в кабинете, так и у него дома. Лишь Ворошилов и Молотов часто звали его по старой партийной кличке «Коба». Даже близко стоявшие к нему Жданов, Маленков и другие звали, как и мы, грешные, «товарищ Сталин».

Хотя я много раз виделся и разговаривал с ним в служебной и домашней обстановке, расстояние между нами всегда оставалось настолько большим, что мнение составлялось на известном расстоянии, от случая к случаю и, очевидно, без рассматривания каких-то штрихов. Да они и не нужны. Ведь это мое личное мнение, не претендующее на историческую объективность.

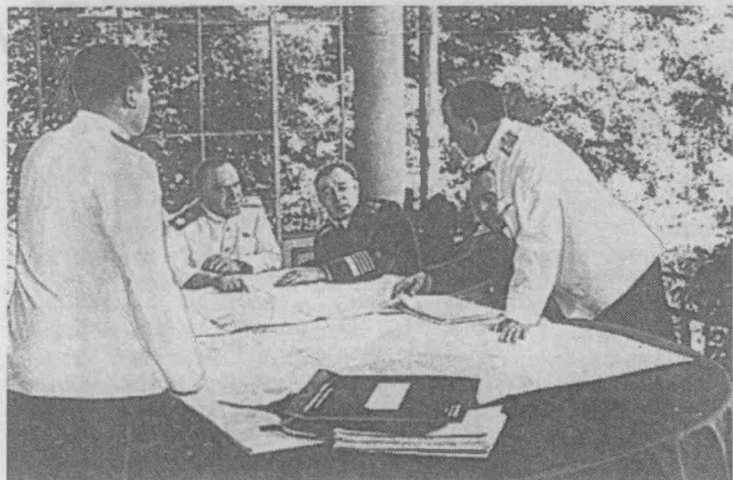
Я много думал, размышляя над такими связанными с репрессиями чертами Сталина, как суровость и деспотизм, и у меня сложилось мнение, что поводом для репрессий, возможно, и были какие-то факты, что я считаю неизбежным в период классовых битв на мировой арене. Враги не могли сидеть сложа руки. Но в борьбе с ними было так много сделано «перегибов», что справедливая часть возмездия потонула в море невинных жертв. Этого нельзя отрицать. Воля Сталина в данном случае обернулась ненужными жертвами. В ошибках при массовых арестах Сталин признавался и сам в дни XVIII съезда партии. Кое-что было

исправлено, но далеко не все, а многое уже было невозможно выправить...

Кажется, еще с молодых лет Сталин воспитал в себе непримиримость в борьбе с классовыми врагами. Уверенный в своей правоте, он расправлялся даже со своими вчерашними соратниками, не задумываясь над количеством «врагов народа» и не вникая в правильность поступков людей, коим поручалась борьба с ними.

Видеть во всех недостатках или неудачах руку врага превратилось у Сталина в идею фикс. Уже после войны, кажется, в 1946 году, на Дальнем Востоке погибла подводная лодка. Вышла на учения и не вернулась. Я находился в отпуске. Вернулся в Москву. Первым вопросом Сталина ко мне был: не увели ли лодку враги? Он даже высказал предположение, что наши люди «были усыплены». Это, конечно, исключалось, и, когда я со всей ответственностью заверил его, что лодка, очевидно, погибла при неудачном глубоководном погружении, а возможность попасть в руки врага я исключаю на сто процентов, это его успокоило. Надвигавшаяся гроза над многими командирами, причастными к этой катастрофе, прошла. Дальнейшее расследование шло спокойно, и даже в конце концов приказ о наказаниях было поручено подписать мне, не вынося решения правительства. Но стоило кому-либо «подлить масла в огонь» и убедить Сталина в вероятном действии вражеской руки, как все дело обернулось бы для многих в худшую сторону.

Отношение к людям у него было, как к шахматным фигурам и преимущественно пешкам. Он мог убрать любую фигуру с шахматной доски и поставить



Советские военные и военно-морские представители в дни работы Потсдамской (Берлинской) конференции.

Слева направо: генерал - лейтенант Н. В. Славин, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, адмирал С. Г. Кучеров, генерал армии А. И. Антонов. 1945 г.

ее вновь, если игра требовала этого. В таких случаях он не был даже злопамятен, и репрессия, пронесшаяся над человеком по его же приказу, не служила препятствием для полного доверия к нему в последующем. Известно, как Сталин в начале войны (и до нее) выдергивал из казематов отдельных людей (Ванников, Мерецков, Рокоссовский)⁷, вызывал их к себе, приказывал выпустить и потом так же твердо верил в их преданность, как верил до этого в их вражескую деятельность.

Всем неправомерным поступкам Сталина ведь есть какие-то объяснения. Они кроются в его характере (возможно, болезненном), фактах вражеской деятельности, вредном влиянии его окружения, и особенно влиятельных лиц, причастных к репрессиям.

Конечно, самым простым является свалить все только на «культ личности» Сталина и после смерти всю вину возложить на него одного. Но я был в свое время удивлен заявлением Ворошилова, что он «не верит в виновность И.К. Кожанова»⁸, как будто он не несет ответственности за его гибель.

Я считаю опасным стремление всю вину свалить на Сталина, и совсем не потому, что боюсь приписать ему что-либо лишнее. Опасность кроется в том, что, обвиняя одного Сталина, мы можем не обнаружить многих других ошибок и не принять меры к их недопущению в будущем.

Я начал с вины Сталина за репрессии потому, что это неоспоримо является самым большим злом его деятельности, объяснить которое смогут историки, сопоставив много фактов и приняв во внимание не только

волю Сталина, но и его болезнь. Все это будет сделано не для его обвинения или оправдания, что уже потеряло смысл, но для объяснения и объективного выявления причин.

Когда начались репрессии, я был в Испании. В мою бытность командующим Тихоокеанским флотом я застал их, когда они уже шли на убыль, видел реабилитацию многих командиров, а когда приступил к работе в Москве, то надвигавшаяся война заслонила на время все остальное. Признаться, я тоже первое время верил в наличие «врагов народа», хотя не сомневался в честности многих. Работая в Москве и встречаясь со Сталиным, я долгое время все еще ходил под сложившимся ранее впечатлением о его непогрешимости. Но не во всем я остался убежденным до конца.

И.В. Сталин – человек незаурядного ума. Это был образованный и начитанный человек. У него была сильная воля, которая под влиянием окружающей среды (а возможно, и болезни) иногда переходила в упрямство. Именно это, по-моему, сыграло отрицательную роль в вопросе, нападет ли на нас Германия и когда. Упрямство Сталина в отношении малой вероятности нападения на нас фашистской Германии, как ничто другое, требовало умелого и настойчивого, подчас рискованного разубеждения его в этом со стороны лиц, окружавших его и имевших на него влияние. Мне как-то не верится, что все его приближенные при наличии множества фактов не ожидали скорого нападения немцев на Советский Союз. Я не хочу умалять его вины в неудачном начале войны. «Победителей не судят» – гласит старая поговорка, но история не оправдывает

победителей и пользы ради отмечает их недостатки. Его ошибки полезно знать, чтобы они не повторялись... Но было бы неправильно, вспоминая военные годы, не сказать и о тех чертах в характере Сталина, которые оказались полезны в трудные дни осени 1941 года. Именно тогда требовалась железная воля руководителя, и ее Сталин проявил. Невозможно отрицать, что, пережив минуты моральной депрессии, когда он вынужден был признать свои просчеты относительно сроков возможного столкновения, когда убедился, что, несмотря на принятые меры (подобно сообщению ТАСС от 14 июня, мирное обхождение с самолетами-нарушителями и пр.), войну не удалось оттянуть хотя бы до зимы, Сталин перестроился и начал с поразительным упорством, любой ценой добиваться победы над врагом. Возможно, это присуще человеку с сильной волей. Можно говорить об ошибках и в ходе войны, но сказанного выше отрицать нельзя.

В доказательство этого приведу мнения, высказанные государственными деятелями или крупными войсковыми начальниками. «Казалось, невозможное становится возможным», – писал маршал Г. К. Жуков на страницах «Военно-исторического журнала», описывая разгром немцев под Москвой. Об этом же говорил мне и маршал А.М. Василевский, делясь, как в критические октябрьские и ноябрьские дни 1941 года Северо-Западное направление на подходах к столице оказывалось плохо защищенным, а все настоячивые просьбы и обращения к Сталину взять войска и артиллерию из резерва были напрасны. Сталин в те дни с удивительным упорством собирал резервы для контрнаступления и провел это в жизнь. Казалось, нереальная в тех условиях победа под Москвой стала возможной.

Нечто подобное позднее происходило и под Сталинградом, когда советские войска готовились окружить и разбить армию Ф. Паулюса⁹. Тогда решением Ставки и лично Верховного Главнокомандующего в течение нескольких месяцев буквально со всех концов страны подтягивались людские резервы и материальная часть, чтобы окружить и «загубить» (по выражению Сталина) немецкие войска. Как известно, обстановка была весьма сложная. Немцы угрожали еще наступлением в районе Курска, и легко можно было распылить силы. Но проведенное с известным оправданным риском и уди-

вительной настойчивостью решение об обеспечении сражения под Сталинградом не только определило исход этой великой битвы, но фактически предредило окончание в нашу пользу всей войны. Нужно прямо сказать, что при огромном, а иногда и решающем значении роли полководцев, проводивших планы операции в жизнь, зарождение идеи в Ставке и воля Верховного Главнокомандующего определили успех сражения.

Но железная воля – оружие обоюдоострое. Направленное на выполнение правильного и разумного решения, оно дает хорошие плоды; при ошибочной оценке положения (как было перед войной) эта воля, переходящая в упрямство, может принести огромный вред. Бывают такие положения, когда железная воля – самое сильное, а иногда, в критические дни войны, и единственное средство для достижения цели. Тогда она крайне необходима, но проявление ее повседневно без нужды неизбежно приводит к самовластию, а подчиненных вынуждает безынициативно и слепо выполнять приказы.

Применительно к Сталину – его воля играла положительную роль, когда цель была ясна и приказ остановить врага требовалось выполнять любой ценой. Но эта же воля, проявленная, когда нужно было проявить гибкость, а возможно, и кардинальную переоценку своих же собственных старых решений, приносила немалый вред...

Сталин был авторитетным политиком и дипломатом, в чем я мог убедиться, наблюдая за ним на Крымской¹⁰ и Потсдамской¹¹ конференциях. Он заставил уважать себя таких прожженных политиков, как У. Черчилль¹² и Ф. Рузвельт¹³... Работая над книгой и вспоминая конференции союзников, я, естественно, перечитал сборник документов «Тегеран, Ялта, Потсдам». Написанное в нем является материалом, записанным в те дни с исключительной точностью. Но еще важнее, как я вспоминаю, другое, а именно: что все сказанное на заседаниях не читалось по каким-либо заранее подготовленным документам, а являлось плодом живого обмена мнениями или даже временами – острой дискуссии. От глав правительств требовалось не только знание дел, но и умение убеждать своих собеседников вескими аргументами. Поэтому, читая документы этого сборника, я легко мысленно переносился в Ливадийский дворец в Крыму или во дворец Цецилиенгоф около Потсдама.

Однако еще значительно раньше, до войны, когда я еще лично не встречался со Сталиным, я знал, как не часто, но удивительно метко и кратко отвечал он иностранным журналистам, и его ответы становились хорошо известными не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Относились к его высказываниям, конечно, по-разному, но всегда с ними считались как наши друзья, так и недруги.

За годы Великой Отечественной войны по военным делам с Верховным Главнокомандующим чаще других встречался маршал Г.К. Жуков, и лучше едва ли кто может охарактеризовать его, а он назвал его «достойным Верховным Главнокомандующим». С этим мнением, насколько мне известно, согласны все военачальники, коим приходилось видеться и встречаться со Сталиным. Правда, следует оговориться, что, соглашаясь с такой оценкой Верховного, у всех возникал вопрос: почему им были допущены просчеты с началом возможного нападения на нас фашистской Германии и не были приняты все меры по повышению готовности. Но сейчас речь идет о поведении Сталина на конференциях и его умении отстаивать интересы государства.

Убедительным доказательством успешности переговоров являются принятые и зафиксированные решения. Это хорошо всем известно, и повторяться нет нужды. Осмелюсь только утверждать, что интересы Советского Союза защищались успешно как на Западе, так и на Востоке.

Попытаюсь вспомнить и пояснить стиль работы и поведение Сталина лишь на отдельных примерах, и прежде всего касавшихся Военно-Морского Флота и, стало быть, меня.

Перед началом Крымской конференции я ожидал, что высоких гостей встречать будет лично Сталин. Однако он, прибыв за два дня до начала конференции, оставался в Юсуповском дворце и на аэродром не выезжал. Рузвельта и Черчилля встречал В.М. Молотов.

Над этим я задумывался в те дни и теперь, когда пишутся эти строки. Пришел к выводу, что ничто другое, как желание обеспечить успех в переговорах, руководило Сталиным поступить так, а не иначе. Ведь позади оставались тяжелые для советского народа годы войны с фашистской Германией и упорное затягивание союзниками сроков открытия второго фронта. К началу конференции наши Вооруженные Силы уже вынесли всю тяжесть

борьбы и быстро продвигались вперед, чтобы по настоятельной просьбе Черчилля помочь попавшему в трудное положение в Арденнах Монтгомери¹⁴. Сталин имел основания занять заслуженную и достойную позицию при решении с Рузвельтом и Черчиллем весьма сложных и спорных вопросов. Возможно, были какие-то и другие причины, но я делюсь только своими размышлениями.

Как известно, перед конференциями Черчилль и Рузвельт обычно совещались и вырабатывали общую линию поведения. Сталину предстояло одному против двоих отстаивать свою точку зрения. Учитывая, что более ярим и старым противником Советского Союза был Черчилль, Сталин избрал тактику добиваться договоренности с одним из двух собеседников, чтобы потом легче приходиться к общему согласию. У меня сложилось впечатление, что Сталин симпатизировал Ф. Рузвельту, который, в свою очередь, уважал Сталина. Если Черчиллю на встречах двух западных союзников удавалось склонить Рузвельта на сторону англичан, то в ходе совещаний «большой тройки», как показывают документы, Черчилль вынужден был соглашаться с согласованными предложениями Сталина и Рузвельта.

Желанием Сталина прийти к единому мнению с американским президентом, где можно, уступить ему и добившись уступок с его стороны, я объясняю встречу Сталина и Рузвельта в нашем посольстве в Тегеране, предоставление Рузвельту кресла председательствующего на открытии Ялтинской конференции и Трумэну¹⁵ в Потсдаме. Этот тактический прием в дипломатии, по-моему, сыграл немаловажную роль в формулировках решений, принятых в Ялте и Потсдаме. Главными козырями у Сталина были, конечно, победы, одержанные нашими войсками к началу 1945 года на Западе, и готовность выступить против Японии, о чем настойчиво просили американцы. Только после войны некоторые фальсификаторы истории пытались объяснить отсутствие в этом необходимости, но факты вещь упрямая. Я вспоминаю, с каким удовлетворением слушал Сталин доклад генерала армии А. И. Антонова на первом же пленарном заседании в Ялте, и нелегко было представить, какую силу чувствовал за собой глава советской делегации, когда лишь только с 12 по 15 января на фронте от Немана и до Карпат протяженностью более

700 км наши войска продвигались в среднем на 25-30 км в сутки.

Сталин это умело использовал в спорах относительно будущего Германии или Польши. Обладая отличной памятью, он держал в голове много различных цифр и данных, которыми аргументировал свою точку зрения.

Спокойный и выдержанный, в форме Маршала Советского Союза, Сталин представлял здесь свою страну на дипломатическом поприще. Понимая, что имеет дело с представителями другого по классу лагеря, он старался не дать себя обмануть. Так, опытный политик Черчилль не всегда говорил искренне, и тогда Сталин вежливо, но определенно давал отпор. Когда однажды на одном из приемов в Юсуповском дворце Черчилль поднял тост и сказал, что он «возлагает свои надежды на президента США и на маршала Сталина, которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса и гнета», и тут же добавил, что считает жизнь маршала Сталина «драгоценным сокровищем» и что он, Черчилль, шагает по земле с большой смелостью, сознавая, что «находится в дружеских и близких отношениях с великим человеком, слава о котором прошла не только по всей России, но и по всему миру» (это было за год до известной фултонской речи Черчилля), то тогда Сталин счел нужным в своем ответе показать, что он не верит Черчиллю. «Я хочу выпить за наш союз. В борьбе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно, – продолжал Сталин, – и опытные дипломаты могут сказать: «А почему бы мне не обмануть моего союзника?» – но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак». Видимо, У. Черчилль понял прозрачный намек Сталина, что тот не всему сказанному верит и что пытаться рассчитывать на него как на простака дело бесполезное...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Або – шведское название финского города Турку на побережье Балтийского моря.

² Маленков Георгий Максимилианович (1902-1988) – советский партийный и государственный деятель. С 1937 г. возглавлял отдел руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП (б). С 1939 г. – секретарь ЦК ВКП(б).

³ Жуков Г. К. являлся министром обороны в 1955-1957 гг., кандидатом и членом Президиума ЦК КПСС в 1956-1957 гг.

⁴ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890-1986) – в 1930-1941 гг. Председатель СНК СССР, накануне Великой Отечественной войны – первый заместитель Председателя СНК.

⁵ Микоян Анастас Иванович (1895-1978) – накануне войны заместитель Председателя СНК СССР, руководил работой ряда наркоматов.

⁶ XVIII съезд ВКП(б) проходил с 10 по 21 марта 1939 г.

⁷ Ванников Борис Львович (1897-1962) – в 1939-1941 гг. нарком вооружения, в 1942 – 1946 гг. нарком боеприпасов. Генерал-полковник (1946). Трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954).

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897-1968) – с августа 1940 г. начальник Генерального штаба, с января 1941 г. – заместитель наркома обороны СССР. В годы Великой Отечественной войны командовал войсками ряда армий и фронтов. Маршал Советского Союза (1944 г.). Герой Советского Союза (1940).

Рокоссовский Константин Константинович (1896-1968) – советский военачальник, командовал войсками ряда фронтов. Маршал Советского Союза (1944 г.). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

⁸ Кожанов Иван Кузьмич (1897-1938) – флагман флота 2 ранга. В 1931 – 1937 гг. командующий Черноморским флотом. Репрессирован. Посмертно реабилитирован.

⁹ Паулюс Фридрих (1890-1957) – генерал-фельдмаршал германской армии, командовал 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом.

¹⁰ Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств трех союзных во второй мировой войне держав (СССР, США и Великобритании). Проходила в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 г.

¹¹ Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств главных держав – победительниц во второй мировой войне (СССР, США и Великобритании). Проходила в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 г.

¹² Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965) – премьер-министр Великобритании в 1940-1945, 1951-1955 гг.

¹³ Рузвельт Франклин Делано (1882-1945) – 32-й президент США (с 1933) от демократической партии.

¹⁴ Монтгомери Аламейнский Бернارد Лоу (1887-1976) – английский фельдмаршал. В 1944-1945 гг. командовал 21-й группой армий в Нормандии, Бельгии и Северной Германии.

¹⁵ Трумэн Гарри (1884-1972) – 33-й президент США (1945-1953).

*Публикация подготовлена
каандатом исторических наук
Р. В. КУЗНЕЦОВОЙ
при участии В. Н. КУЗНЕЦОВОЙ*

(Продолжение следует)

НА БОРЬБУ С „ЛИМИТРОФАМИ“

ориентировал
военно-морские силы СССР в 1928 году
начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский,
пытаясь свернуть судостроительную
флотскую программу с помощью цитаты
Фридриха Энгельса из „Анти-Дюринга“

Вторая половина 20-х годов нашего столетия... Флот возрождался вопреки тяжелейшим потерям в боевом и кадровом составе, нанесенным революцией и братоубийственной гражданской войной. В штабных и академических кабинетах, в среде военной интеллигенции, на страницах печати шел трудный поиск ответа на волновавший вопрос: какой флот нужен государству? Требовалось „подвести прочный фундамент под строительство военно-морских сил в перспективе будущего“*, четко определить их роль в обеспечении государственных интересов и задачи в возможной войне, где реальным противником могли выступить ведущие мировые державы. Прошли оживленные дискуссии на тему „Какой РСФСР нужен флот?“, вокруг теорий „владения морем“ и „малой войны на море“, разрабатывались различные проекты перспективных программ строительства флота.

Итоги этих многолетних поисков 8 мая 1928 года были вынесены на рассмотрение Реввоенсовета СССР. Председательствовал нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов. В зале заседаний высшего органа военного управления собра-

лось 38 человек — цвет армии и флота. Среди них члены РВС: начальник Политуправления РККА А. С. Бубнов, начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский, инспектор РККА С. С. Каменев, инспектор кавалерии С. М. Буденный, начальник ВВС П. И. Баранов, заместитель председателя РВС И. С. Уншлихт, начальник ВМС Р. А. Муклевич, командующий войсками Белорусского военного округа А. И. Егоров, представитель правительства А. М. Постников, а также приглашенные — командующие морскими силами Балтийского и Черного морей М. В. Викторов и В. М. Орлов, члены реввоенсоветов этих флотов Г. П. Киреев и Г. С. Окунев, командующие войсками Ленинградского, Московского и Украинского военных округов А. И. Корк, Б. М. Шапошников, И. Э. Якир, руководители и ответственные работники центрального аппарата А. А. Тошаков, П. Е. Дыбенко, Е. Н. Сергеев, Б. М. Фельдман и другие.

В представленной накануне записке Штаба РККА Тухачевский и начальник оперативного управления В. К. Триандафиллов изложили свои взгляды на роль флота. По их мнению, флот должен иметь оборонительные функции и вспомогательное значение в обеспечении действий армии, а основные ассиг-

* РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 501, л. 11.

нования военного бюджета необходимо направлять на развитие технических родов войск и авиации. В основе теоретических рассуждений Тухачевского и практических действий Штаба РККА лежал опыт первой мировой и гражданской войн, когда основная тяжесть вооруженной борьбы России приходилась на континентальные театры военных действий. Однако взгляды на флот как вспомогательный вид вооруженных сил были характерны для многих военных и политических руководителей той поры. Опыт мировой и отечественной истории не всегда получал адекватное отражение в решении неотложных задач строительства флота. Тогда, в майский день 1928 года, вступили в спор два видных военных теоретика — М. Н. Тухачевский и М. А. Петров. Итогом дискуссии явилось постановление РВС СССР, которым впервые в послереволюционное время четко определялись задачи флота: содействие сухопутным войскам на приморских направлениях; оборона берега и политико-экономических центров на побережье; действия на морских коммуникациях противника; самостоятельные действия на море. Исходя из того, что основой флота должны быть тяжелые артиллерийские корабли, постановление ориентировало на создание сбалансированного по

составу ВМФ, строительство легких надводных и подводных сил, морской авиации, береговой и минно-позиционной обороны. Несмотря на это в целом благоприятное для флота решение, уже в 1930 году М. А. Петров, Н. И. Игнатьев и А. А. Тошаков были арестованы по обвинению в принадлежности к „вредительской организации“, якобы действовавшей в Военно-Морских Силах, которая в течение ряда лет, выдвигая абсолютно нереальную идею „большого флота“, умышленно снижала боеспособность РККФ.

В основе таких обвинений, как выяснилось, лежали теоретические выводы молодых военно-морских ученых, так называемой „молодой школы“, упрекавших маститых морских теоретиков в попытках внедрения в практику якобы империалистической, буржуазной, антимарксистской „теории владения морем“.

Публикуемая с сокращениями стенограмма заседания РВС СССР дает возможность читателю увидеть сложный процесс творческого поиска перспектив будущего флота, понять, что „морской элемент“ не дорогая прихоть, а насущная необходимость обеспечения надежной безопасности государства вчера, сегодня и завтра.

СТЕНОГРАММА

заседания РВС СССР с командующими войсками МВО, УВО и БВО
и начальниками морских сил Балтийского и Черного морей
от 8 мая 1928 г.

Председатель (К. Е. Ворошилов). Заседание открыто. На сегодняшней повестке, по существу, у нас стоит один вопрос: „О роли, значении и задачах морского флота в системе Вооруженных Сил СССР“. Этот вопрос поставлен начальником Штаба РККА. Штаб считает, что республика тратит непомерно много средств на морские вооруженные силы, и полагает необходимым подвергнуть этот вопрос обсуждению в целях более планомерного и более целесообразного распределения ресурсов, отпускаемых государством на вооруженные силы.

Этот вопрос возник в связи с необходимостью решить в ближайшем будущем вопрос о модернизации наших судов.

Нам предстоит поэтому обсудить сначала общие положения о месте Морского Флота в системе Вооруженных Сил, а затем разрешить вопрос о том, что мы должны делать с нашими устаревшими и выходящими из строя линейными кораблями: ремонтировать их и если ремонтировать, то как, а если модернизировать их, то каким образом. Может быть, их нужно модернизировать только для того, чтобы под-

держивать в состоянии плавучих батарей. Вот примерно как этот вопрос здесь ставится.

У нас три докладчика: гг. Петров¹, Игнатьев² и Власьев³. Нельзя ли как-нибудь, товарищи моряки, объединить доклады с тем, чтобы было хотя бы два докладчика?..

Буденный. Я считаю, что надо заслушать всех трех докладчиков, а время докладов ограничить получасом.

Председатель. Сначала слово принадлежит тов. Тухачевскому.

Тухачевский. Вопрос о роли или, лучше сказать, о возможных средствах, которые можно расходовать на Морской Флот, ставится в продолжение последних 4 — 5 лет. Он ставится ежегодно и нервирует обе стороны: и сторонников и противников больших затрат на Морской Флот. Сейчас этот вопрос встал, как указал Климент Ефремович, в связи с вопросом модернизации линкоров и в связи с нашей мобязявкой. Тов. Рыков⁴ указал нам, что при намечании перспектив развития нашей техники мы не можем во всех отраслях техники идти равномерно. Нам нужно найти основные узловые, стержневые виды техники, на которых наша страна могла бы сосредоточить все свое внимание, все свои ресурсы. Вполне естественно, что вопрос о Морском Флоте является одним из составных вопросов общего вопроса подготовки страны к обороне. На Морской Флот по намеченной программе мы должны затратить 611 миллионов рублей; нужно сказать, что в пятилетке эта цифра, безусловно, преуменьшена. На самом деле практика, жизнь заставит затратить больше. Практика прошлого говорит, что выйдет не менее 800 миллионов, а может быть, и больше. Расходы на Морской Флот в составе нашего бюджета являются настолько существенными, что встает вопрос о том, не пора ли пересмотреть программу.

До сих пор развитие Морского Флота не шло по какой-либо определенной программе, вызываемой планом войны. Программы Морского Флота, выражаясь грубо, протаскивались через Реввоенсовет под разными предложениями. Сначала под предлогом, что корабль может служить только десять лет и через

десять лет металл устает, а значит (тов. Петров это красноречиво доказывал), необходимо через известный промежуток времени корабль выводить из строя. В комиссии тов. Уншлихта⁵ этот вопрос разбирался и была составлена большая программа судостроения. Тогда же пришли к выводу, что линкоры один за другим будут выходить из строя и нужно ставить вопрос о постройке новых⁶. Между тем сейчас Военно-морское управление ставит вопрос иначе, о том, что металл не только не устал, а наоборот, нужно только затратить большие средства на каждый корабль, например на „Фрунзе“ около 18 миллионов, и тогда они будут такими первоклассными кораблями, что смогут топить английские сверхдредноуты, хотя общие соображения говорят о том, что в десять минут „Куин Мэри“⁷ может потопить каждый наш дредноут. Наш Морской Флот является богатым наследством от царского флота. Но в наших условиях, по нашим ресурсам, с нашими планами войны это наследство не согласовано. Восстановление Морского Флота и развитие существующей большой морской программы происходит не в развитие плана войны, а в развитие, я бы сказал, морского патриотизма наших морских работников. Это я говорю к великой чести, большой энергии и т. д. этих работников, но это не значит, что развитие программы Морского Флота соответствует нашим планам.

Мы находимся в положении, прямо противоположном Японии и Англии. Морскими операциями даже самых мощных мировых империалистов нельзя нарушить ни нашей экономической, ни политической целостности. У нас нет такой внутренней коммуникации, которой могли бы угрожать морские флоты противника. Правда, нам может угрожать десант. Но, во всяком случае, не морская операция угрожает нашим тылам, а те сухопутные действия, которые будут развиваться в результате десанта.

Поэтому если к этому вопросу подойти с точки зрения задач обороны, то нужно сказать, что Морской Флот играет чисто вспомогательную роль при выполнении наших операций. Сухопутная армия

и Воздушный Флот — вот основные киты, на которых фактически зиждется наша оборона страны. Чем больше средств мы здесь сосредоточим, тем больше выиграет дело обороны. Как во всяком деле, так и в стратегическом вождении армии всегда является желание заткнуть все направления и быть сильнее на всех направлениях, но приходится рисковать некоторыми участками, чтобы на главном направлении достигнуть нужных целей. Принцип последовательности должен быть применен и в организации Вооруженных Сил. Можно равномерно распределить средства между всеми отраслями родов войск, но Морской Флот — такой вид Вооруженных Сил, который не может быть перебросен на любое направление, которое в данное время войны будет решающим...

Несомненно, в процессе войны будут различные комбинации. Несомненно, при успешном развитии для нас войны и революционного движения в Западной Европе можно себе представить такое положение, когда Морской Флот можно будет использовать с большим успехом, но пока об этом трудно говорить. В то же время наши ресурсы настолько ограничены, что не хватает на основное строительство, каковым являются, например, Вооруженные Силы, которые недостаточно сильны для выполнения задач нашего плана войны...

Я с большим интересом прочитал записку тов. Петрова, которая обстоятельно и серьезно составлена. Она показывает, что тов. Петров — незаурядный стратег. Тов. Петров приходит в оценке наших возможностей по Морскому Флоту к тем выводам, что мы можем действовать успешно только в том случае, если не придет никто из империалистов. Если не придут империалисты, то мы окажемся слишком сильными. Примерно, на Балтийском море наши противники имеют 10 миноносцев, 1 крейсер, 8 подводных лодок, причем эти силы не имеются еще налицо, часть их заказана, часть их поступает, из этого числа принадлежит к устаревшим судам 10 миноносцев и 1 крейсер. Против мы имеем 3 линкора, и ставится вопрос о постройке четвертого корабля; имеются устаревшие,

но все же крейсера и большое количество миноносцев, что, конечно, совершенно не соответствует нашей потребности. В то же время в случае борьбы с Англией наш линейный Балтийский флот будет стеснен в своих действиях. Нужно отметить, что при наличии английского флота наш флот будет заперт в узком заливе и не сможет сыграть большой роли. Он, конечно, оказал бы пользу, атаковав английские силы, но эта польза не соответствовала бы тому напряжению страны, которое нужно сделать для развития и поддержания этого флота. Я помню, еще три года тому назад, кажется, тов. Тошаков⁹ на маневрах Балтийского флота говорил, что линейные корабли являются настолько мощной силой, что смогут бороться с английскими дредноутами, а сейчас оказывается, что если их не модернизировать, то в течение десяти минут наш флот будет уничтожен. А через два года окажется, что модернизированные суда будут уничтожены опять-таки в течение десяти минут, если не принять новых мероприятий. Когда я на заседании СТО указал, что не только я являюсь пессимистом по этой части, но уже и Энгельс так же смотрел на это, то Ромуальд Адамович⁹ усомнился в этом вопросе. Я позволю прочесть коротенькую выдержку из „Анти-Дюринга“ (читает). По Энгельсу, линейный флот является основным видом вооруженных сил для морских государств, как для нас стрелковые войска, артиллерия, авиация и т. д. Но для сухопутных стран он не является обязательным и расходовать громадные средства на линейный флот является лишним и не соответствует ни возможностям, ни тем действиям, которые стоят перед ними. Между прочим, недавно германский военный министр Гренер, выступая в парламенте, заявил, что Вильгельм¹⁰ сделал крупную ошибку, что такие громадные средства истратил на морской флот, а не на сухопутную армию. Если бы 2 миллиарда марок, которые он истратил на морской флот, были обращены на сухопутные силы и воздушный флот, то результат бы получился совершенно иной. Такое же положение имеется и у нас.

Основной вопрос заключается в

том, как распределить имеющиеся ресурсы. Здесь нужно совершенно откровенно сказать, что линейными средствами мы бороться с крупными империалистическими державами не сможем. Тот вред, который мы можем оказать нашим линейным флотом, недостаточен, чтобы можно было тратить для этого такие большие средства. Морской Флот должен быть ограничен теми средствами, которыми мы сможем бороться с „лимитрофами“¹¹. Эта задача не настолько большая и не требует таких крупных средств.

Те оборонительные задачи, которые мы имеем, должны быть разрешены целым комплексом усилий. Эти задачи могут быть разрешены: 1) подвижной береговой артиллерией, потому что при разнообразии возможных наступательных действий противника стационарных артиллерийских средств мы не найдем, 2) соответствующим расположением запасных стрелковых частей и резервов Главного Командования, которые обеспечат фланги и смогут опрокинуть производящие десанты, 3) с помощью бомбовозной авиации, которая представляет колоссальную опасность для современных флотов, и, наконец, 4) самим Морским Флотом, рассчитанным в своем развитии на участие в общем комплексе береговой обороны. При тех затратах, которые мы делаем на Морской Флот, этого комплекса мы осуществить не в состоянии. Развитие авиации ничтожное. Развитие береговой обороны совершенно недостаточное¹². Это вопрос чрезвычайно сложный, его нужно согласовать и с промышленностью, с производственными возможностями, со сроками производства и т. д. Во всяком случае, установка эта является совершенно правильной линией. Если бы ограничить строительство Морского Флота 270 миллионами, мы могли бы выделить средства для развития мощной морской авиации — 300 тяжелых бомбовозов, 105 истребителей, 245 разведчиков — сверх того, что имеется по плану. Что сильнее: наши 3 дредноута или 3 бомбовоза в связи с той береговой артиллерией, которую мы сможем иметь, не говоря о зенитной и т. д. Несомненно, этот комплекс обо-

роны намного сильнее, намного больше сумеет обеспечить нашу оборону и вместе с тем эти расходы на авиацию, на подвижную артиллерию не могут явиться крупным убытком. Они могут быть сосредоточены на решающих фронтах войны и могут принять участие в борьбе с сухопутными силами. Даже вот такой вариант дает значительное преимущество вопросам обороны и обеспечивает сосредоточение основных сил на главных направлениях. Этот вопрос является чисто принципиальным. Тут надо получить окончательную установку: нужен ли нам линейный флот, который мы заведем, зная, что этот флот для борьбы с „лимитрофами“ слишком силен, а для борьбы с империалистическими странами слишком слаб, или подойти наиболее трезво и практически к вопросу и сосредоточить основные силы на решающих видах техники.

Петров. Михаил Николаевич совершенно правильно говорил, что вопрос о флоте тянется давно, но он тянется гораздо дольше, чем пять лет, он тянется на протяжении более 100 лет.

Флот несколько раз почти замирал, но каждый раз, по мере того как шло развитие экономики, он опять вставал. По „щучьему веленью“ он был воссоздан в 1834 году, а потом он вновь замер. Перед русско-японской войной были осуществлены весьма крупные судостроительные программы. После короткого периода замирения перед мировой войной русская судостроительная программа получила вновь большой масштаб и известную устойчивость.

Я это докладываю не для того, чтобы отсюда взять размах наших конкретных программ, я докладываю лишь о тех громадных возможностях, которые в России были, которые объективно остались и теперь, при Советском Союзе.

Мы будем иметь возможность создать флот, и это непременно будет, потому что мы создаем мощную технику и стремимся к экономическому развитию страны, которое потребует выхода на пути мировой торговли и т. д. Поэтому разрешите не так безнадежно смотреть на перспективы будущего нашего флота.

Из чего исходить, определяя за-

дачи флота? Конечно, основная установка вытекает из текущего плана войны, из тех предположений, которые ориентируют последний. Другая установка, которую мы не можем не учесть, это возможные изменения в международной конъюнктуре, которая не является стабильной, а потому и в постройке флота надо сделать допуск на ряд лет вперед. Затем мы не должны упускать из виду значение флота как фактора реальной поддержки морской политики Союза. Кроме того, мы не должны упускать из виду возможную роль флота для особых задач по поддержке очагов мировой революции.

Конечно, главные задачи решает сухопутная армия. Конечно, на флот ложатся задачи вспомогательные. Главный театр — это сухопутный, второстепенный — морской, и расхождений в этом вопросе нет.

Но есть расхождения в оценке той угрозы, которая возможна со стороны моря, в оценке роли и значения флота в общей конъюнктуре предстоящей войны.

Поэтому мало базироваться только на оперативных соображениях и недооценивать значение факторов политического порядка.

Позвольте привести в связи с этим ряд исторических справок. Крымская война была на сухом пути, но морское направление имело крупную роль. В войне 1877 — 1878 гг. пренебрегали морским направлением, и это пренебрежение тяжело сказалось в развитии кампании: когда армия дошла до Константинополя и Босфора, пришлось признать, что нет средств организовать защиту от английского флота. Здесь воочию сказалось значение флота.

Может быть, командование было право в том, что оно обратило главное внимание на сухопутные силы, но оно было не право в том, что недостаточно оценило морское направление.

Правда, в мировую войну до семнадцатого года на Балтийском и Черном морях наш флот не имел крупных операций по обороне берегов. Но нельзя не принять во внимание, что у противника в то время не было свободных ресурсов и, как только эти свободные ресурсы появились в июле семнадцатого года,

так сейчас же мы получили Моонзундскую десантную операцию¹³.

К опыту мировой войны нам нужно подходить очень осторожно. Тогда у Германии не было ресурсов, а у будущих наших врагов они могут быть.

То же самое и на западе. Война началась на сухопутных фронтах. На морях не было генеральных сражений. Но по мере того, как накапливались английские формирования и были обеспечены формирования американские, сейчас же выявлялись морские направления. Как известно, общая переоценка морских направлений вызвала ряд операций со стороны Салоник, отсюда родилась и Дарданелльская операция¹⁴.

Михаил Николаевич рассматривает море лишь как арену приложения технических средств, но не как стратегическое направление. Можем ли мы недооценивать значения морских направлений, если предположить, что империализм будет наступать со стороны моря? Я не ставлю сейчас вопроса, флотом или армией будем их защищать, но морские направления имеются, и они не могут быть нами не учтены.

Беря за основную установку, что морские театры имеют у нас второстепенное значение, разрешите доложить, что обеспечение этих второстепенных направлений имеет существенное значение для общего развертывания наших сил и нельзя смотреть на них как на пустое место.

Конечно, теперь у нас политика не та и стремления не те, что были раньше, но географический фон остался тот же.

Проблема каждого моря является крупной политической проблемой и в нашем современном преломлении, и мы должны признать огромное значение этих морских направлений как в политическом, так и в экономическом отношениях.

Сейчас Одесса пустует, Ленинград пустует. Но никто не думает, что так будет и дальше. По мере оживления морской торговли у нас иначе станет вопрос о побережьях.

Как не придавать значения Черноморскому побережью? Как можно на него смотреть как на пространство, которое можно свободно, в порядке маневра, оставить против-

нику и предоставить возможность ему здесь укрепиться?

Если проблему Балтийского моря связать с ее историческими предпосылками, учесть борьбу, которая велась здесь в течение 400 лет при участии Англии, и взять, наконец, последний период этой борьбы, то мы вправе увязать настоящее положение на Балтийском море с его прошлыми предпосылками: при Петре Англия три раза приводила сюда флот, поддерживая Швецию, противодействуя выдвигению России к морю. В наполеоновскую, в Крымскую войны политика ее на Балтике оставалась, по существу, той же. Сначала отсюда дуло большой угрозой со стороны России, затем — со стороны Германии. Задача утвердить влияние Англии на Балтике была для нее постоянной задачей.

Морская проблема не может быть сведена только к одним стратегическим маневрам. Морское направление не может быть сведено к понятию „арены приложения тех или других видов техники“, ибо этому противоречит история и так быть не должно.

Основное условие, с которым мы подходим к проблеме войны на море, — это превосходство сил на стороне противника. Но соотношение сил не может быть измерено простым противопоставлением наличного состава флотов, как об этом я говорил в прошлом своем докладе. Нельзя нашим кораблям противопоставлять весь английский флот, не считаясь с другими задачами последнего, с его тылом.

Из опыта мировой войны мы видим, что над английским флотом довлеют крупные тыловые задачи. На карте обозначено развертывание сил английского флота, и здесь видно давление тылов на английскую стратегию (показывает на карту, указывая пункты сосредоточения английского флота, очаги конфликтов английской политики).

Я докладываю о том, что для Англии проблема войны с нами, поскольку она связана с введением в войну линейного флота, нарушает равновесие мирового развертывания ее морских сил и проблему морской экспедиции против нас обращает в проблему войны.

Англия весьма чутка к положению

у себя в тылу. Кто знаком с историей мировой войны, в частности с крейсерскими операциями, тот знает, что Англия считала мрачными для себя днями не столько те дни, когда немцы обрушились на французский фронт и судьба Парижа была в опасности, она считала тяжелыми днями те моменты, когда эти нити (показывает на карте) натягивались германскими крейсерами¹⁰.

Давление тыла, повторяю, играло крупную роль, это давление остается и по сей день.

Мы не собираемся давать генеральных сражений английскому флоту. В основе наших предположений лежит принцип „малой войны“. Этот генеральный бой не является ни стволем нашей стратегии, ни основой наших рассуждений.

В период, переживаемый нами, в период предстоящих десяти лет мы должны ставить морскую нашу проблему в иную плоскость, нежели она ставилась ранее: мы можем говорить о развитии Черноморского и Балтийского флотов совокупно, как об общей проблеме.

До мировой войны вход в Черное море (Парижский трактат, Лондонская конвенция¹¹) нам формально и фактически был закрыт. Здесь был забор, и столь прочный, что во время русско-японской войны Черноморский флот наш не мог принять в ней участия.

Теперь имеется два новых стратегических фактора:

Во-первых, право свободного прохода через проливы (Голос: „В теории“). Разрешите доложить, что мы фактически имеем это право. Нет никаких сомнений, что в этом году мы можем вывести наши корабли... Я могу подробнее осветить вопрос о проливах.

До 1871 года было положение, запрещающее вообще проход всем военным судам. При существующем же положении дается право свободного прохода в проливы и каждая держава имеет право ввести в Черное море корабль, водоизмещение которого не превышает водоизмещения кораблей любой черноморской державы. Таким образом, теоретически мы имеем это право. Практически же вопрос стоит так, что и в общей политической конъюнктуре мы находим моменты

нам благоприятные, прежде всего в том, что все английские империалистические предположения о войне с нами направлены к усилению вражеских сил в Черном море, и эти предположения диктуют определенную политику свободного ввода туда боевых судов. Каждый наш ввод кораблей туда может быть понят как благоприятный прецедент для дальнейшего расширения прохода в черноморские проливы.

Председатель. А что мы выигрываем, что вместо одного или двух наших линкоров введем туда пять? Англия пока не вводила свои корабли, куда наших нет. А если наши будут, то и их появятся, и у них будет превосходство.

Петров. Мы во время войны никого не введем, нам нужно войти в мирное время. Предположения, что нам в Гибралтаре могут быть затруднения, неверны. Если создать прецедент остановки иностранного судна в Гибралтаре, то какую проблему это затрагивает? Танжерский вопрос¹⁷, испанская, итальянская, французская политика — все основывается на этом прецеденте. Мы имеем опыт во время войны прорыва „Гебена“ и „Бреслау“ в Босфор¹⁸. Они шли почти под конвоем английских кораблей, и их не остановили.

Другое обстоятельство — Волго-Донской канал, который дает возможность перебрасывать силы из одного моря в другое во время самой войны. Строя легкие силы, мы можем состав легких сил координировать при возможности переброски из одного моря в другое.

Теперь о непосредственной проблеме: как мы предполагаем использовать флот, каковы наши задачи, вытекающие из плана войны?

Армия имеет главные задачи, а нашей задачей является обеспечение для Балтийского флота северного фланга со стороны моря? Мы нисколько не претендуем на большое место и подчиняемся тем директивам, которые будут исходить от армии.

Типичными задачами флота являются: оборона берегов, противодействие противнику, крейсерские операции и т. д. ... Нам нужно поставить минные заграждения, подлодки, береговую оборону, нужно развернуть мощную разведку и т. д.

Кроме того, нам нужен резерв командования, то боевое ядро, которое в армейской войне сообщает гибкость и дает возможность ведения маневренной войны.

Нам нужно это боевое ядро для решения всех совокупных задач, так как это создает гибкость. Этим основным ядром являются линейные корабли, обеспечивающие операции малой войны.

Здесь говорят о москитном флоте. Куда он нас ведет? Не на создание боевого ядра, а на частные мелкие операции.

Обращаюсь к последнему вопросу о возможностях нашего развертывания на Балтийском море. Здесь указано (показывает на схему), каким образом можно использовать Балтийский флот...

Если армия наступает, мы прикрываемся минами, развертываем подводные лодки, поддерживая всю систему обороны линейными кораблями.

Другую картину мы видим на Черном море, где угрозы иного характера, где нам предстоит опасность ударов на Украину, на Крым, на Кавказ, на Кубань в Азовском море. Все эти направления надо считать одинаково угрожаемыми. Задача обороны побережья стояла как важнейшая...

Говорят — авиация. Но авиация может решить задачу защиты берегов только в том случае, если бы она несла удар соответствующей силы, если бы была жизненной во всех условиях обстановки. Мы сейчас объективно не имеем решительно никаких условий, чтобы решать оборону только средствами авиации.

Нам необходимо гармоническое сочетание всех средств, и иначе быть не может. Нельзя решать задачу только одной артиллерией. Авиация имеет огромное значение, береговая оборона также имеет огромное значение, его же имеют и флот, и развертывание армий. Но лишь гармоническое сочетание даст возможность обороны.

РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 755, лл. 1 — 17.

Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петров Михаил Александрович (1885 — 1938) — один из ведущих военно-морских теоретиков. Закончил Морской кадетский

корпус (1905), Офицерский артиллерийский класс (1909), военно-морской отдел (командный факультет) Николаевской морской академии (1912) и дополнительный штабной класс академии (1913). Служил на Балтийском море, участвовал в первой мировой войне. Капитан 1 ранга. В 1917 г. начальник оперативной части штаба Балтийского флота, весной 1918 г. начальник штаба Балтийского флота. Участвовал в разработке и осуществлении плана вывода кораблей из портов Эстонии и Финляндии в Петроград и Кронштадт (Ледовый поход 1918 г.). Возглавлял оперативное управление Штаба Морских Сил республики в 1920 — 1921 гг. С августа 1921 по апрель 1923 г. начальник Военно-морской академии РККФ, под его руководством произведена реорганизация системы высшего специального образования на флоте, академия восстановила былой престиж центра научной мысли. Затем профессор на кафедре морской тактики, начальник военно-морского отдела, старший руководитель дисциплин оперативно-тактического цикла. Одновременно с августа 1927 г. начальник учебно-строевого управления Управления Военно-Морских Сил РККА. Автор ряда фундаментальных научных работ, один из ведущих разработчиков проектов воссоздания и строительства флота, Боевого устава Морских Сил РККА (БУМС-30). Арестован в октябре 1930 г. и осужден по сфабрикованному обвинению.

² Игнатъев Николай Иванович (1880 — ?). Окончил Морской кадетский корпус (1899) и Офицерский артиллерийский класс (1905). Служил на Тихом океане и Балтийском флоте, участвовал в русско-японской и первой мировой войнах, преподавал в Учебно-артиллерийском отряде и Николаевской морской академии, с 1915 г. флагманский артиллерист штаба Балтийского флота. Капитан 1 ранга. В 1917 — 1918 гг. начальник Главного управления кораблестроения, в 1919 — 1922 гг. управляющий делами Наркомата по морским делам, помощник командующего Морскими Силами республики по технической-хозяйственной части, начальник технического управления. Затем в распоряжении ВСНХ, старший руководитель кафедры морской тактики Академии воздушного флота. С 1926 г. председатель научно-технического комитета ВМС РККА. Арестован в октябре 1930 г. и осужден по сфабрикованному обвинению. Умер в заключении.

³ Власьев Николай Иосифович (1878 — 1937) — морской инженер-технолог. Окончил Петербургский технологический институт. В РККА с 1922 г. С 1926 г. начальник технического управления Управления Военно-Морских Сил РККА. Уволен в резерв в марте 1930 г.

⁴ Рыков Алексей Иванович (1881 — 1938) — председатель Совнаркома и Совета Труда и Обороны СССР. Возглавлял Особую правительственную комиссию, которая рассматривала различные варианты разрабатывавшихся в 1924 — 1926 гг. кораблестроительных программ.

⁵ Комиссия тов. Уншлихта — имеется в виду Морская комиссия Реввоенсовета СССР под руководством заместителя председателя РВС И. С. Уншлихта. Создана 7 декабря 1925 г. с целью выработки практических рекомендаций из опыта осенних маневров на Балтийском и Черном морях, разрешения вопроса о задачах и месте флота в системе Вооруженных Сил, подготовки варианта кораблестроительной программы и определения размеров ассигнований на Военно-Морские Силы в 1925/26 бюджетном году. Комиссия рассмотрела три варианта 3 — 5-летних программ кораблестроения и судоремонта (Штаба РККА, Штаба РККФ и мобилизационно-планового управления начальника снабжения РККА). Ввиду возникших разногласий среди представителей ряда центральных военных органов комиссия так и не выполнила до конца своих задач, ограничившись представлением Реввоенсовету рекомендаций общего характера (См.: РГВА, ф. 4, оп. 2, д. 180, лл. 5 — 33; ф. 29, оп. 75, д. 332, лл. 66 — 76 об. и др.).

⁶ В состав морских сил Балтийского моря входили построенные в 1914 г. линкоры „Марат“, „Октябрьская революция“ и „Парижская коммуна“. Линкор „Фрунзе“, получивший серьезные повреждения при пожаре 1920 г. в строй не вводился. Корабли водоизмещением 23 тыс. т., мощностью машин 42 тыс. л.с. и скоростью хода 23 узла имели на вооружении 12 305-мм, 16 120-мм и 2 75-мм орудия, 4 торпедных аппарата.

⁷ Линейный крейсер „Куин Мэри“ погиб в Ютландском сражении в 1916 г. М. Н. Тухачевский, очевидно, имел в виду линкор типа „Куин Элизабет“ постройки 1915 — 1916 гг. (31 тыс. т, скорость хода 24 узла, 8 381-мм, 12 152-мм и 8 102-мм орудий).

⁸ Тошаков Аркадий Александрович (1887 — ?). С 1925 г. начальник оперативного управления Штаба РККФ, в 1926 — 1927 гг. начальник учебно-строевого управления Управления Военно-Морских Сил РККА, затем начальник штаба морских сил Балтийского моря. Арестован и осужден по сфабрикованному обвинению в октябре 1930 г. Умер в заключении.

⁹ Муклевич Ромуальд Адамович (1890 — 1938) — начальник ВМС РККА и член РВС СССР в 1926 — 1931 гг.

¹⁰ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859 — 1941) — император Германии и король Пруссии в 1888 — 1918 гг.

¹¹ „Лимитрофы“ (от позднелат. *limitrophus* — пограничный) — так назывались сопредельные с СССР европейские страны (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и др.).

¹² В 1928 г. на Балтийском море имелось всего 3 торпедоносца, 21 разведчик, 4 истребителя и 3 корабельных самолета, в береговой обороне — 91 орудие калибра 75 — 305 мм и 22 зенитные пушки; на Черном море — 29 разведчиков, 17 истребителей, 2 корабельных самолета, 76 120 — 305-мм береговых орудий и 24 зенитные пушки.

¹³ Моонзундская операция (операция

„Альбион“) осуществлялась германским флотом 29 сентября — 6 октября 1917 г. с целью уничтожения группировки русского Балтийского флота в Рижском заливе, захвата островов Моонзундского архипелага и установления своего господства на морском театре. Противник сосредоточил 10 линкоров, линейный крейсер, 9 легких крейсеров, 68 эсминцев и миноносцев, 6 подводных лодок, 4 заградителя, 90 тральщиков, 5 сторожевых кораблей, авиатранспорт, до 110 транспортных судов, 102 самолета и 6 дирижаблей, 25-тысячную десантную войсковую группу против русских морских сил Рижского залива (2 устаревших линкора и 3 крейсера, 36 эсминцев и миноносцев, 3 канлодки, 5 заградителей, 3 подводные лодки, 17 тральщиков, 9 сторожевых судов), 30 самолетов, 20 береговых и зенитных батарей, 12 тыс. солдат и офицеров гарнизона островов. Морские бои произошли на Кассарском плесе, в Ирбенском и Моонзундском проливах, активно действовала береговая артиллерия. Германский флот потерял потопленными 12 эсминцев и миноносцев, 6 тральщиков, повреждения получили 3 линкора и 13 эсминцев; у русских в бою погиб эсминец „Гром“, а тяжело поврежденные линкор „Слава“ и 4 вспомогательных судна были затоплены для заграждения фарватеров. Противник, используя численное превосходство и деморализацию русских сухопутных частей, овладел архипелагом, но от дальнейшего прорыва в Финский залив отказался. Русские морские силы, поставив минные заграждения и закрыв фарватеры, перешли в Финский залив.

¹⁴ Дарданелльская операция проводилась 19 февраля 1915 г. — 9 января 1916 г. вооруженными силами Антанты с целью овладения проливами Босфор и Дарданеллы, захвата Стамбула (Константинополя), чтобы принудить Турцию к выходу из мировой войны, в которой она была на стороне Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. Сосредоточив в Эгейском море крупную корабельную группировку (17 линкоров, 5 крейсеров, 16 эсминцев, 7 подводных лодок и авиатранспорт), союзное англо-французское командование первоначально пыталось достигнуть цели операции исключительно силами флота. Однако прорваться в Мраморное море, форсировав минные заграждения и уничтожив огнем корабельной артиллерии береговые батареи и форты противника, не удалось из-за огневого противодействия турецкой обороны (199 орудий, в том числе 175 калибра 150 — 355 мм). В дальнейшем союзники предприняли совместные действия армии и флота, высадив свыше 218 тыс. солдат и офицеров на Галлипольском полуострове для наступления на Стамбул и обеспечения прорыва с морского направления. Однако, понеся тяжелые потери, союзные войска отступили и эвакуировались в Грецию. Почти за 11 месяцев боевых действий союзники потеряли 6 линкоров, более 146 тыс. человек убитыми и ранеными; турки —

один линкор и 186 тыс. человек. Неудача операции была обусловлена ошибками союзного командования, недооценкой возможностей противника, невозможностью овладения морскими укрепленными районами исключительно силами флота, отсутствием взаимодействия с русскими войсками Кавказского фронта и Черноморским флотом, умелым применением германо-турецким командованием береговой артиллерии и минного оружия. Опыт Дарданелльской операции в последующем способствовал пересмотру многих положений военно-морского искусства, развитию взглядов на использование флота против береговых укреплений и на приморских направлениях.

¹⁵ Имеются в виду океанско-морские коммуникации, связывавшие Англию с колониями и доминионами.

¹⁶ Парижский мирный договор 18 марта 1856 г. между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией подвел итоги Крымской войны 1853 — 1856 гг. Черное море объявлялось нейтральной зоной, России и Турции запрещалось иметь здесь военно-морские силы и арсеналы, за исключением строго определенного числа легких кораблей для сторожевой службы.

Лондонская конвенция о проливах была заключена 13 марта 1871 г. между Россией, Турцией, Германией, Австро-Венгрией, Италией, Великобританией и Францией. По условиям соглашения Турции предоставлялось право в мирное время открывать проливы для прохода военных кораблей „дружественных и союзных стран“. Фактически это облегчало доступ в Черное море иностранным флотам, ограничивая в то же время межтеатровый маневр силам Российского флота и ущемляя интересы нашей страны — одной из ведущих черноморских держав.

¹⁷ Танжерский вопрос — вопрос о статусе занимавшего важное стратегическое положение в Гибралтарском проливе марокканского города Танжера и прилегающей к нему территории. Возник еще в начале XX века между Великобританией, Францией и Испанией. 18 декабря 1923 г. эти страны подписали конвенцию сроком на 12 лет, согласно которой Танжер объявлялся международной демилитаризованной нейтральной зоной, фактически переходившей под управление Международного контрольного комитета.

¹⁸ Германские линейный крейсер „Гебен“ и легкий крейсер „Бреслау“ в 1914 г. находились в Средиземном море. С началом первой мировой войны корабли прорвались в Дарданеллы и 16 августа 1914 г. фиктивно были проданы ВМС Турции (на них остались немецкие экипажи).

*Публикацию подготовил
старший мичман запаса
Н. Ю. БЕРЕЗОВСКИЙ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник*

ГЕНЕРАЛ ЕПИШЕВ: НА ПАРТИЙНО- ПОЛИТИЧЕСКОМ ОЛИМПЕ

Новое руководство

Придя к власти, новое руководство во главе с Л. И. Брежневым стремилось заручиться поддержкой военных и в этих целях отказалось от сокращения военного бюджета. „Правда“ писала, что партия и правительство решили „укреплять экономическую и оборонную мощь страны на основе развития тяжелой индустрии“¹. Однако военачальники не удовлетворились этим, они желали получить большую самостоятельность в своих действиях, ослабить партийное руководство. Буквально через несколько недель после свержения Хрущева министр обороны Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский вновь назначил на пост начальника Генштаба Маршала Советского Союза М. В. Захарова. Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов погиб в авиационной катастрофе, которая также унесла и жизнь старого друга А. А. Епишева Н. Р. Миронова².

Захаров был сторонником профессио-

нализации армии и слыл защитником тех военных, кто считал, что излишнее вмешательство партии в дела армии часто идет вразрез с ее интересами. Однако новое руководство партии не желало ослаблять свой контроль над Вооруженными Силами и приняло превентивные меры. Одной из таких мер и стало избрание Епишева в члены ЦК КПСС, что сравняло его по партийному статусу с министром обороны. Епишев укрепил свой авторитет в партийных верхах, когда еще раз подтвердил, что усиление руководства партии военным строительством, повышение влияния партийных организаций на весь личный состав „являются важнейшим условием дальнейшего укрепления Вооруженных Сил“³.

Позицию Епишева не разделяли военные, которые после ухода Хрущева не получили ожидаемой самостоятельности. Их недовольство возросло после того, как Епишев, действуя по прямому указанию М. А. Суслова, запретил военнослужащим и военным организациям подписываться на некоторые либеральные журналы, в частности на „Новый мир“⁴.

Проводя политику КПСС в Вооруженных Силах, Епишев не мог не отстаивать перед партийным руководством интересы армии и даже вступал в противоречие с теми партийными лидерами — А. Н. Косыгиным, Н. В. Подгорным, — кто склонялся к „потребительскому уклону“ в тяжелой промышленности и постоянно требовал обоснования необходимости больших военных расходов. Укрепляя руководящую роль партии в армии, Епишев тем не менее оказывался рьяным союзником военных в вопросах удовлетворения экономических нужд армии.

На XXIII съезде КПСС ряд военачальников поставили под сомнение необходимость нормализации отношений с Западом. Епишев поддержал их и с трибуны съезда заявил, что политика США во Вьетнаме „ухудшает международную обстановку“. По его словам, Вашингтон „в слепой ненависти к людям, строящим социализм“, угрожает

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1993. № 3.

„военным нападением нашей стране и странам социализма“. Он оказался единственным, кто сказал, что в ответ на пиратские акции США „тысячи наших людей, военнослужащих выражают готовность отправиться во Вьетнам добровольцами, сражаться за свободу многострадающего вьетнамского народа“⁴⁵.

Это выступление Епишева по сути дела отражало опасения военно-промышленных кругов насчет реального сокращения военных расходов, на которое могло пойти партийное руководство из-за приверженности курсу разрядки напряженности в мире. Кроме того, данное заявление Епишев мог сделать и сл слов своего куратора Суслова, который перед этим дал понять, что объективная реальность — внешний мир — диктует необходимость „держать оборону страны на самом высоком уровне, постоянно совершенствуя ее“⁴⁶.

Однако в своей речи Епишев сделал акцент не столько на военную угрозу СССР со стороны США, сколько на идеологическое наступление, которое те якобы развернули против социалистического сообщества в целях его морального разложения. И в дальнейшем Епишев, как и Суслов, делает на это основной упор. Чтобы предупредить идеологические диверсии, он предлагает воспитывать людей, особенно молодых, в духе готовности в любой момент дать отпор нападкам апологетов империализма. Поддержав таким образом военных, Епишев, однако, возражает тем, в частности маршалу Малиновскому, кто считает, что только „командир несет единоличную ответственность за боеготовность, организованность, морально-политическое состояние вверенного ему воинского коллектива“⁴⁷. Политорганы отвечают за это не меньше, считал Епишев: „Поднять качество работы всех звеньев воинского организма на уровень современных требований партии и задач, поставленных перед Вооруженными Силами, — важнейший партийный долг армейских и флотских коммунистов“⁴⁸.

Маршал Советского Союза А. А. Гречко и вторжение в Чехословакию

После смерти в 1967 году Р. Я. Малиновского министром обороны был назначен Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Это назначение имело принци-

пиально важное значение в сфере взаимоотношений партийного и военного руководства. Официально и новый министр и его окружение не ставили под сомнение руководящую роль партии. Руководство КПСС со своей стороны демонстрировало, что не намерено сокращать военные ассигнования и обещало впредь консультироваться с военными в вопросах использования военной силы за рубежом. В результате военные вынуждены были солидаризироваться с политической линией партии. Без особой охоты, но они пошли на военное вторжение в Чехословакию в августе 1968 года.

Положение Епишева как начальника Главного политического управления мало в чем изменилось с приходом Гречко. С ним у Епишева сложились нормальные рабочие отношения, хотя он и повторял тезисы о руководящей роли партии, о ее роли в разработке военной доктрины, развитии экономической и технологической базы обороны и т. д. Его голос, очевидно, имел немаловажное значение в реализации планов военного вторжения в Чехословакию. Известно, что Епишев был одним из активных сторонников вторжения. Весной 1968 года он неоднократно выезжал в Чехословакию. Так, во время одной из поездок в начале мая 1968 года он многих удивил, когда сказал чехословацким военнослужащим, что „советская армия готова выполнить свой долг, если чехословацкие коммунисты попросят помощи в деле защиты завоеваний социализма“⁴⁹. Подобного рода энтузиазм практически не проявлялся со стороны других военных руководителей, полагавших, что введение войск в ЧССР осложнит отношения между государствами — участниками Варшавского Договора.

Епишев выступал за активную военную политику в странах „третьего мира“, неоднократно высказываясь в пользу поддержки там революций. По его словам, „коммунисты каждой страны считают своим интернациональным долгом оказывать всестороннюю помощь мировому революционному движению“⁵⁰. Подобная точка зрения высказывалась также А. А. Гречко, М. А. Сусловым и Л. И. Брежневым.

С другой стороны, Епишев старался не говорить о разрядке напряженности с Западом. Ему была ближе позиция Суслова, Андропова⁵¹ и Гречко, которая

состояла в том, что, несмотря на разрядку, СССР должен проявлять бдительность как на идеологическом, так и на военном фронте. В апреле 1969 года в одной из своих статей Епишев обвинил правящие круги империалистических государств в том, что они лихорадочно готовятся к новой мировой войне¹². Не изменил он своих взглядов и позднее, и напоминал, что угроза военного нападения со стороны империалистического лагеря заставляет Советское государство изыскивать средства на оборону, поддерживать высокую боевую готовность армии и флота, оснащая их самым современным оружием¹³.

Несомненным достижением Епишева явилось признание армейской верхушкой руководящей роли партии. Единство армии и партии, кредит доверия к последней плюс в общем-то беспроблемные взаимоотношения Епишева с Гречко позволили руководству КПСС приобщить армию к принятию политических решений. В 1973 году министр обороны маршал Гречко стал членом Политбюро ЦК КПСС.

Епишев не был сторонником политики разрядки, что охлаждало его отношения с „пламенным борцом за мир“ Брежневым, но еще больше сближало с „серым кардиналом“ Суловым, а также с Андроповым и Гречко. Тем не менее он умело лавировал во внутренних кремлевских противоборствах, о чем свидетельствовало его очередное переизбрание в члены ЦК КПСС на XXIV съезде партии в 1971 году.

Приход к руководству Министерством обороны Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова

Весной 1976 года произошли события, которые нарушили статус-кво во взаимоотношениях армии и партии. После смерти маршала Гречко министром обороны в апреле стал член Политбюро ЦК КПСС Д. Ф. Устинов, долгие годы курировавший оборонную промышленность. Брежневу удалось вывести из состава Политбюро первого секретаря Компартии Украины П. Е. Шелеста и председателя ВЦСПС А. Н. Шелепина и тем самым усилить свое влияние в этом высшем органе власти накануне XXV съезда КПСС в феврале 1976 года. В мае Брежневу было присвоено звание Маршала Советского Союза (с 1964 года он был Председателем Совета обороны

страны). Таким образом, Брежнев усиливал свой личный контроль над Вооруженными Силами во взаимодействии с Устиновым, которому в июле 1976 года тоже было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Для Епишева назначение Устинова было благоприятно: в годы войны он некоторое время служил под его началом. Кроме того, Устинов был близок к Брежневу, Сулову и Андропову, что означало для Епишева еще одну прямую поддержку наверху.

Взгляды на армию у Брежнева и Устинова во многом совпадали. Политика руководящей роли партии в армии, которую проводил Епишев, отвечала интересам как первого, так и второго. И теперь в начальнике Главного политического управления профессиональные военные, чью самостоятельность ограничивает партийное руководство, видят едва ли не противника. В течение последующих лет Епишев без особого успеха пытается насадить в армии культ Брежнева, призывает, чтобы военнослужащие „глубоко осознали те положения, которые высказал в связи с проблемой эффективности и качества товарищ Л. И. Брежнев“, ибо они „указывают нам пути достижения новых рубежей в боевом совершенствовании армии и флота“¹⁴.

Поддерживая Брежнева, которого называет „неутомимым борцом за мир и международное сотрудничество“, Епишев начинает отходить от своих традиционных взглядов на проблему разрядки и сохранения огромных военных расходов. Вскоре он поддержал брежневский тезис об увеличении капиталовложений в потребительский сектор экономики „для наиболее полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей людей“ и подчеркнул важность укрепления мира¹⁵. Помня о том, какие усилия затрачивает партия для достижения выгодного соглашения с США об ограничении вооружений, Епишев отметил, что партия — решительный противник „как разделения мира на противостоящие военные блоки, так и гонки вооружений“¹⁶.

Подобные высказывания совпадали со взглядами Устинова, которым противостояло, в частности, мнение начальника Генштаба Маршала Советского Союза Н. В. Огаркова, выступавшего против сокращения расходов на армию. По словам Устинова, „Запад вынужден

П. И. Ефимов, первый заместитель начальника Главного политического управления, А. А. Епишев, В. Ярузельский в Центральном Доме Советской Армии имени М. В. Фрунзе (с лева направо).



был признан в качестве единственно разумной основы отношений с социалистическими государствами принципы мирного сосуществования... определяющей тенденцией мирового развития стала разрядка напряженности¹⁷.

Хотя Епишев и примирился с политикой разрядки, он тем не менее продолжал „делать реверансы“ в сторону военных и предупреждать, что „агрессивная природа империализма — причина, которая вынуждает победивший рабочий класс, социалистическое государство создавать армию, воспитывать ее и оснащать всем необходимым...“¹⁸. Одновременно он всячески отстаивал руководящую роль партии в армии и на флоте. Во многом благодаря его стараниям военные были вынуждены принять „принцип единства военного и политического руководства“, который приобрел новое значение в связи с „деятельностью Совета обороны СССР, возглавляемого Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Маршалом Советского Союза товарищем Л. И. Брежневым“. Видимо, за активную поддержку последнего Епишев в 1978 году был отмечен самой высокой наградой — званием Героя Советского Союза.

Вторжение в Афганистан

Примерно с середины 70-х годов руководители СССР стали проявлять меньшую активность в использовании своей армии для содействия революциям в странах „третьего мира“. Это было следствием, с одной стороны, разрядки, а с другой — необходимости экономить ресурсы. Маршал Устинов охарактеризовал интернациональный долг как „защиту мирового социализма“¹⁹. Поддерживая министра, Епишев писал, что „наши Вооруженные Силы — живое воплощение социалистического интернационализма. Их боевая мощь служит

интересам социализма и коммунизма, общественного прогресса и мира“, что они выполняют „свой долг по защите революционных завоеваний социализма“²⁰.

Очевидно, такие высказывания легли в основу некоего идеологического обоснования необходимости вторжения в Афганистан, где, как ошибочно считали в Кремле, социализм победил и его завоевания оказались под угрозой. И здесь Епишев сыграл такую же роль, как и накануне вторжения в Чехословакию. Он ездил и в Афганистан, изучал эффективность идеологической работы в его армии²¹. Незадолго до вторжения, в ноябре 1979 года, Епишев заявил, что советским войскам „надо быть начеку“ в условиях, „когда империалистическая реакция раскручивает маховик гонки вооружений“, и „поддержать новые внешнеполитические инициативы нашего государства“ дальнейшим „повышением боевой готовности, усилением бдительности“²².

Некоторые полагают, что Епишев участвовал в принятии решения о посылке советских войск в Афганистан. Этот факт не подтвержден. Считается, что решение было принято узким кругом высших руководителей — Л. И. Брежневым, Ю. В. Андроповым, Д. Ф. Устиновым, М. А. Суловым, А. А. Громыко и А. Н. Косыгиным. Однако Епишев активно поддержал вторжение и отметил, что внешнеполитический курс СССР „сочетает последовательное миролюбие с твердым отпором агрессии“²³.

Во время польского кризиса, когда советское руководство всерьез подумало о том, чтобы сокрушить руководи-

мую „Солидарностью“ оппозицию силой оружия, Епишев вновь выступил в свойственной ему роли. Советские лидеры выражали беспокойство по поводу падения обороноспособности Войска Польского и направили в страну группу, в которую вошел и Епишев. Он посетил Польшу в конце августа 1981 года, побывал в воинских частях и вел переговоры с Председателем Совета Министров ПНР генералом армии В. Ярузельским²⁴.

Последние годы Брежнева

Последние годы правления Брежнева характеризовались ростом внутренних дебатов по вопросам экономического развития страны. По свидетельству очевидцев, Брежнев склонялся к увеличению капиталовложений в легкую промышленность. М. А. Сулов, В. В. Щербицкий, А. П. Кириленко, А. А. Громько считали, что приоритет должен отдаваться тяжелой индустрии²⁵. При аргументации они ссылались на США, где при президенте Р. Рейгане стали уделять особое внимание военно-промышленному комплексу и наращиванию военных расходов. Маршал Советского Союза Н. В. Огарков больше других критиковал разрядку. Почти прямо он не соглашался с идеей Брежнева, что „экономической стратегии, направленной на неуклонное улучшение благосостояния народа“, нет другой альтернативы.

Опасения Огаркова и представителей тяжелой индустрии еще более возросли, когда в своей речи на октябрьском (1980 г.) пленуме ЦК Брежнев заявил, что „тяжелая индустрия должна вносить большой вклад в производство товаров потребления“. Выступая на XXVI съезде партии, он умолчал об увеличении капиталовложений в оборонную промышленность, ограничившись общей фразой, что „партия и правительство никогда не упускали из виду укрепление оборонного потенциала страны“. Съезд одобрил новый пятилетний план, согласно которому главное внимание уделялось росту производства товаров народного потребления. Военные расходы по официальной статистике остались на прежнем уровне. Наблюдатели отмечали, что съезд практически обошел молчанием вопросы их увеличения²⁶. Военные ассигнования оказались явно ниже того, на что рассчитывал военно-промышленный ком-

плекс. Устинов, в целом поддерживавший экономическую политику Брежнева, очевидно, тоже был недоволен, поскольку накануне съезда он проводил мысль о резком обострении обстановки и о том, что партия и правительство „постоянно держат в центре внимания вопросы обеспечения надежной безопасности Советского Союза, его союзников и друзей“²⁷.

Маршал Огарков, продолжая активно отстаивать свою позицию, в июле 1981 года выступил со статьей, в которой писал, что США „проводят открытый курс на достижение военного превосходства над СССР и другими странами социалистического содружества“. По его словам, это выражается прежде всего в том, что идет значительное увеличение „и без того раздутых военных бюджетов“. Следовательно, делал он вывод, партия и Советское правительство „вынуждены неослабно внимание уделять дальнейшему укреплению обороноспособности страны, поддержанию боевой готовности Советских Вооруженных Сил на должном уровне“²⁸. Епишев поддержал представителей военно-промышленных кругов. В речи, посвященной 35-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, он предостерег, что „воинственные силы империализма... усиливают военные приготовления“ и за последние годы „более чем вдвое увеличили военные расходы“. В то же время он поддерживает и позицию Брежнева, заявляя, что армия имеет все необходимое, чтобы противостоять милитаризму и реакции. Компромисс Епишева заключался в следующем: боеспособность армии можно повысить за счет усиления политической и моральной подготовки Вооруженных Сил, поскольку борьба на международной арене по своей сути больше становится не военной, а идеологической „в виде враждебных атак на сознание советских людей“²⁹.

В определенной степени Епишев продолжал поддерживать позицию Брежнева в области разрядки напряженности. В обращении к делегатам партконференции Забайкальского военного округа он отметил, что благодаря „неустанной и плодотворной деятельности всей партии... во главе с товарищем Л. И. Брежневым возрос экономический и оборонный потенциал страны“, а мирное сосуществование назвал „нашим великим завоеванием“³⁰. В военной среде

Епишев все больше становился проводником гражданских, брежневских взглядов, порой высказывая мысли, противоположные взглядам маршалов.

Так, маршал Огарков считал, что, поскольку агрессивная сущность империализма осталась неизменной, „уроки минувшей войны и сегодняшнее положение в мире требуют неуклонного повышения боевой готовности Советских Вооруженных Сил“³¹. Епишев же говорил, что мы тратим на оборону столько, сколько абсолютно необходимо, а наши Вооруженные Силы „располагают всем необходимым для надежной защиты Родины, завоеваний социализма“³².

Он также старался убедить военных, что рост производства товаров народного потребления — главное в экономическом развитии страны, а основная задача партии — улучшение благосостояния советских людей. По его мнению, легкая промышленность должна развиваться опережающими темпами, а тяжелая — повысить свою роль в производстве промышленных изделий для населения. В очередной раз отметив ведущую роль парторганизаций в Вооруженных Силах, руководитель Главного политического управления призвал коммунистов армии обеспечить монолитное единство вокруг ленинского ЦК партии и Политбюро под руководством товарища Л. И. Брежнева, полную поддержку внутренней и внешней политике партии.

В своем выступлении на VI Всесоюзном совещании секретарей первичных партийных организаций в мае 1982 года маршал Устинов высоко оценил „титаническую работу“ Брежнева „по укреплению экономического и оборонного могущества нашей Родины, упрочению ее международных позиций и авторитета, сохранению мира на земле“. Но в то же время заметил, что „политические организации должны постоянно заботиться об укреплении единоточаия, поддерживать требовательных командиров, заботиться об их авторитете“³³. Епишев на этом же совещании призвал армейские парторганизации „активно влиять на все стороны жизни и деятельности подразделений, частей и кораблей“, настойчиво обеспечивать „ведущую роль коммунистов в воинских коллективах“³⁴. Незадолго до смерти Брежнева он еще раз подчеркнул, что армейские коммунисты должны быть на переднем крае борьбы за выполнение политики пар-

тии. Таким образом, ратуя за возрастные роли партийных организаций в Вооруженных Силах, почти полностью подерживая позиции Брежнева, он тем самым все больше противопоставлял себя профессиональным военным, военному руководству. По некоторым сведениям, примерно в это время Брежнев призвал маршала Огаркова к порядку за то, что тот подвергает сомнениям линию партии в вопросах, касающихся расходов на оборону³⁵.

С приходом Ю. В. Андропова

Смерть Сулова в январе и Брежнева в ноябре 1982 года стали для Епишева большой личной утратой. Однако на его служебном положении это отразилось мало: с Ю. В. Андроповым у Епишева давно сложились тесные рабочие отношения. А во главе КГБ стал его старый товарищ генерал армии В. В. Федорчук. Устинов тоже тесно взаимодействовал с Андроповым, но его отношения с начальником Генштаба Огарковым стали более натянутыми.

В одном из своих первых выступлений в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС Андропов заверил, что „партия будет и впредь делать все необходимое для... укрепления экономической и оборонной мощи страны... поддерживать высокую бдительность, готовность дать сокрушительный отпор любой попытке агрессии“³⁶. Тем самым он решил успокоить военных, и особенно маршала Огаркова, у которого чувствовались алармистские настроения. В то же время Андропов на пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 года указал на важность потребительского сектора, высказался за разрядку и намечаемое соглашение об ограничении гонки вооружений: „Мы за поиски здоровой, приемлемой для сторон основы решения самых сложных проблем и прежде всего, конечно, проблем обуздания гонки вооружений...“³⁷.

Андропов выступал за еще более жесткий партийный контроль над армией, и Епишеву при этом отводилась важная роль. В декабре 1982 года Епишев, выражая армейскую поддержку новому Генеральному секретарю, вновь напомнил, что именно партия является организатором, вдохновителем и руководителем советского народа и его Вооруженных Сил. Одновременно он заверил генералитет, что партия и правительство постоянно за-



На встрече начальников Главных политических управлений армий стран-участниц Варшавского Договора в Москве (1962 г.).

Слева направо: Борбанди (Венгрия), В. Прхлик (Чехословакия), В. Ярузельский (Польша), А. А. Гречко, В. Фернер (ГДР), А. А. Епишев, Н. Чернев (Болгария).

ботятся о безопасности страны и дают „все необходимое армии и флоту“³⁸.

Несомненно, Епишев верил в то, что советская оборона находится на „должном“ уровне, и все попытки „добиться военного превосходства над СССР тщетны“. По его словам, Вооруженные Силы СССР „оснащаются современной техникой, оружием, позволяющими успешно решать задачи любой сложности по обеспечению безопасности Родины“. Тем самым он как бы уговаривал военное руководство не требовать наращивания военных расходов, а поднимать уровень боевой подготовки, чтобы он „обеспечивал максимально эффективное использование возможностей оружия и техники“³⁹.

Не поддерживая генералитет в отношении наращивания военных расходов, Епишев разделял их беспокойство по поводу роста военной мощи США и особенно развертывания американских ракет средней дальности в Европе. Наибольший акцент на „новой угрозе со стороны Запада“ он сделал, когда наряду с другими советскими руководителями оправдывал уничтожение корейского авиалайнера в сентябре 1983 года. Епишев обвинил Вашингтон в том, что тот „прибегает к шантажу, угрозам и запугиванию“, а правящие круги США и их идеологи стремятся убедить людей в неизбежности ядерной войны⁴⁰. Но даже в этих условиях в отличие от других военачальников он не стал призывать увеличивать военный бюджет, а сконцентрировал внимание на том, что необходимо всеми возможными способами „повысить политическую бдительность советских людей и поднять военно-патриотическое воспитание молодежи“.

У власти — Черненко

В феврале 1984 года к власти в партии и стране пришел протеже Л. И. Брежнева К. У. Черненко. Еще до этого Черненко часто говорил о важности роста производства потребительских товаров и не выражал милитаристских настроений. В апреле 1982 года он предлагал больше внимания уделять нуждам трудящихся, материальному и моральному стимулированию людей, высказывался в пользу разрядки и прекращения гонки вооружений⁴¹. Став во главе партии, Черненко дал понять военным, чтобы они не рассчитывали на дополнительные ассигнования. В феврале на траурном митинге во время похорон Ю. В. Андропова он заявил, что „оборона наша крепка“⁴². Примечательно, что военная печать дала сравнительно небольшую информацию об избрании Черненко Генеральным секретарем. В целом военные относились к нему негативно, и трения между партийной и военной властью усилились. Кульминации же они достигли в сентябре 1984 года, когда Черненко снял Маршала Советского Союза Огаркова с поста начальника Генштаба.

В этот период Епишев и Устинов в противовес профессиональным военным заняли сторону Черненко. На Всеармейском совещании комсомольс-

ких работников в мае 1984 года оба сделали упор на том, как важна руководящая роль партии в войсках. Устинов отметил, что Черненко проявляет „постоянную огромную заботу о Вооруженных Силах“⁴³. Епишев в свою очередь назвал Черненко „выдающимся руководителем Коммунистической партии и Советского государства“⁴⁴. Уже после смещения маршала Огаркова, вместо которого назначили более умеренного Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева, он опять подтвердил неизменность принципа партийного руководства армией на основе единоначалия. Епишев активно поддержал престарелого советского лидера, когда тот не поддался давлению ряда членов Политбюро и не назначил на место скончавшегося Д. Ф. Устинова влиятельного ленинградского партийного босса Г. В. Романова или маршала Н. В. Огаркова⁴⁵. Хотя Огарков и был снят с поста начальника Генштаба, тем не менее он продолжал пользоваться поддержкой влиятельных лиц в Кремле и публично выражать их интересы.

Незадолго до смерти Черненко Епишев отмечал, что „требования военной мощи страны и боеготовности Советских Вооруженных Сил неизмеримо выросли“⁴⁶. В то же время КПСС продолжает сочетать в своей военной политике „миролюбие и готовность к решительному отпору агрессору“⁴⁸.

С Горбачевым...

Хотя некоторые считают, что Епишев лично был против выдвижения кандидатуры М. С. Горбачева на пост Генерального секретаря⁴⁷ и даже предпочитал ему Г. В. Романова, он молча согласился с выбором и даже стал поддерживать линию нового Генсека в области обороны. В ноябре 1985 года Горбачев на четвертой сессии Верховного Совета СССР заявил об адекватности оборонного бюджета, высказался в пользу разрядки напряженности против гонки вооружений и сделал акцент на необходимости оздоровления экономики⁴⁸.

Такая позиция не отвечала интересам военного руководства. К тому же недавно назначенный министром обороны Маршал Советского Союза С. Л. Соколов, член Политбюро, хотя и недостаточно влиятельный, выражал иные взгляды. В апреле 1985 года он предупредил „о растущей военной угрозе со стороны США и их союзников

по НАТО“, которая „требует укреплять обороноспособность нашей Родины...“⁴⁹. В мае на встрече партийного актива Министерства обороны СССР по обсуждению итогов апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС Соколов заявил, что „требования учить тому, что нужно на войне, должны лечь в основу всей деятельности коммунистов Министерства обороны. В этом деле с нашей стороны должна быть проявлена исключительная принципиальность“⁵⁰. Министр высказался также за дальнейшее укрепление „мощи и боевой готовности армии и флота“, но при этом обошел молчанием все экономические идеи, о которых говорил на пленуме Горбачев.

Епишев на заседании актива в основном говорил о тех сложностях, с которыми приходится сталкиваться парторганизациям при проведении в армии политической линии партии и призвал политработников шире овладеть боевым мастерством. Это было последнее публичное выступление Епишева. Через несколько дней 30 мая он принял участие в работе Всеармейского совещания политработников ВВС. А 17 июля 1985 года было объявлено об его отставке с должности начальника Главного политического управления и замене генерал-полковником А. Д. Лизичевым, ранее руководившим политработой в Группе советских войск в Германии.

Некоторые западные ученые считают, что Епишева вынудили уйти в отставку⁵¹. Но логичнее предположить, что он ушел сам. В начале июня Епишев серьезно заболел, а с 30 мая не появлялся на публике. С этого момента его временно замещал адмирал флота А. И. Сорокин. Возможно, из-за болезни Епишев почувствовал, что не сможет более выполнять свои обязанности руководителя Главного политического управления и попросил освободить его. Но скорее всего рано или поздно Горбачев все равно бы уволил Епишева, поскольку стремился окружать себя более или менее молодыми людьми, способными поддерживать его идеи перестройки. Возглавивший Главное политическое управление 57-летний генерал Лизичев имел большой опыт политработы в армии, и одно время он был помощником Епишева по комсомольской работе, а в 1980 — 1982 гг. — его заместителем, начальником управления пропаганды и агитации.

Высокая квалификация и возраст Лизичева привлекли Горбачева. И осо-

бенно Лизичев был нужен в начальный период, когда партия должна была держать армию под твердым контролем. Военная печать не сразу объявила об этом назначении и таким образом, возможно, выразила свое отношение к новому руководителю Главного политического управления.

Генерал армии А. А. Епишев, сделавший очень многое для укрепления контроля партии над армией и ее влияния в ней, скончался через два месяца после отставки, 15 сентября 1985 года, и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. При нем Главное политическое управление достигло своего могущества, с его уходом оно постепенно утратило свое значение.

¹ Правда. 1964. 10 дек.

² С 1959 г. Н. Р. Миронов — зав. отделом ЦК КПСС.

³ Партийная жизнь. 1965. № 7. С. 25.

⁴ *Gelman H. The Brezhnev Politburo and the Decline of Detente.* New York, 1984. P. 242. Ян Сейна, ссылаясь на личную беседу с Епишевым, вспоминает, что руководство партии решило в тот период покончить с очернением Сталина, поскольку растущая критика в его адрес могла подорвать доверие армии к партии.

⁵ Цит. по: *Kintner W., Harriet S. The Nuclear Revolution in Soviet Military Affairs.* Norman, Okla., 1968. P. 296. Выступление А. А. Епишева было поддержано Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским.

⁶ Правда. 1965. 5 июня.

⁷ Красная звезда. 1965. 24 сент.

⁸ Коммунист Вооруженных Сил. 1966. № 6. С. 24.

⁹ *Litygarni Listy.* 1968. Май 9. Правда, А. А. Епишев позднее опроверг тот факт, что он высказывался подобным образом.

¹⁰ Коммунист. 1972. № 7. С. 67.

¹¹ Ю. В. Андропов — с 1967 г. председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

¹² Коммунист. 1969. № 6. С. 68.

¹³ См.: Сов. воен. обозрение. 1974. № 2. С. 5.

¹⁴ Коммунист Вооруженных Сил. 1977. № 2. С. 17 — 18.

¹⁵ Там же. 1977. № 18. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Правда. 1980. 14 февр.

¹⁸ Коммунист Вооруженных Сил. 1978. № 4. С. 12.

¹⁹ Правда. 1979. 23 февр.

²⁰ Коммунист. 1979. № 2. С. 63.

²¹ *Балакирев В.* На страже апрельской революции // Красная звезда. 1979. 25 апр.

²² Комс. правда. 1979. 23 нояб.

²³ Красная звезда. 1980. 22 февр.

²⁴ *Ploss S. Moscow and the Polish Crisis: An Interpretation of Soviet Policies and Intentions.* Boulder, Colo, 1986. P. 117 — 118.

²⁵ См.: *Gelman H.* Op. cit. P. 174 — 178.

²⁶ *Problems of Communism.* 1982. January/February. P. 24.

²⁷ Красная звезда. 1981. 7 янв.

²⁸ Коммунист. 1981. № 10. С. 82, 85.

²⁹ Красная звезда. 1980. 4 окт.

³⁰ Там же. 25 дек.

³¹ Там же. 1981. 9 мая.

³² Коммунист Вооруженных Сил. 1981. № 7. С. 10.

³³ Там же. 1982. № 11. С. 7, 13.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ См.: *Azrael J. The Civilian Leadership and the Military High Command, R-3521-AF.* Santa Monica, Ca: June 1987. P. 6 — 10.

³⁶ Правда. 1982. 16 нояб.

³⁷ Коммунист Вооруженных Сил. 1982. № 23. С. 4 — 5, 10.

³⁸ Там же. С. 20.

³⁹ Красная звезда. 1983. 9 мая.

⁴⁰ Известия. 1983. 11 окт.

⁴¹ Коммунист. 1982. № 6. С. 29 — 34.

⁴² Правда. 1984. 15 февр.

⁴³ Коммунист Вооруженных Сил. 1984. № 12. С. 13.

⁴⁴ Там же. С. 24.

⁴⁵ *Doder D. Shadows and Whispers: Power Politics Inside the Kremlin from Brezhnev to Gorbachov.* New York, 1986. P. 247.

⁴⁶ Воен.-истор. журнал 1985. № 3. С. 22.

⁴⁷ *Avtorkhanov A. Ot Andropova k Gorbachovu.* Paris, 1986. P. 285.

⁴⁸ Коммунист. 1985. № 17. С. 48.

⁴⁹ Там же. № 6. С. 67.

⁵⁰ Красная звезда. 1985. 25 мая.

⁵¹ См.: *Doder D.* Op. cit. P. 299.

Александр СУЛЛА

Перевод А. В. ФРОЛОВА,
кандидата исторических наук

Фото предоставлены
А. Н. РАТНИКОВЫМ

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ „ВАЛЬКИРИЯ“

Перевод с немецкого

Собственноручные показания
военнопленного
майора германской армии
Куна Иоахима
от 22 сентября 1944 года

Об удачном осуществлении покушения требовалось немедленно сообщить в Берлин и одновременно прервать все виды связи ставки фюрера. Одновременно надо было выключить связь основных штабов СС, полиции и правительства. Эти мероприятия, подготовленные Фельгиббелем, несомненно, представляли бы серьезные трудности и потерю времени для гитлеровских властей.

Генерал Фельгиббель и Штауффенберг разработали план занятия радиостанций и немедленного их включения.

Руководство операцией по захвату главных ставок взял на себя генерал артиллерии Линдемман.

В мою задачу входило — довести до сведения центра в Берлине об удаче покушения и явиться в распоряжение фельдмаршала фон Вицлебена, который к этому времени должен был прибыть в ставку.

В связи с этим я в декабре 1943 года представился фон Вицлебену на его квартире в окрестностях Коттбуса, с которым мы договорились о деталях его прибытия в ставку.

Фельдмаршал произвел на меня глу-



Справка

Кун (Кюн) Иоахим, 1913 года рождения, уроженец г. Берлина, начальник оперативного отдела 28-й егерской дивизии немецкой армии, в августе 1944 года взят в плен советскими войсками.

30 августа 1951 года арестован органами МГБ СССР и 17 октября 1951 года Особым совещанием при МГБ СССР „за подготовку и ведение агрессивной войны против Советского Союза“ приговорен к 25 годам тюремного заключения.

В 1957 году на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 года был досрочно освобожден из мест заключения и возвращен на родину.

бокое впечатление. Прощаясь со мной, он сказал: „Я надеюсь, что будет все сделано для ускорения переворота, так как дальше ждать нельзя“.

Такова в общих чертах подготовка переворота, насколько мне было о ней известно.

Следует упомянуть об одном событии, чуть было не стоившим провала всей организации.

Я неоднократно указывал генералу Штифу, что хранение взрывчатого вещества в его кабинете исключительно опасно и его необходимо спрятать в другом месте. Наконец он передал мне взрывчатое вещество и взрыватели. Там было несколько килограммов, по его словам, очень эффек-

Окончание. См. Воен.-истор. журнал. 1993. № 3.

тивного взрывчатого вещества и несколько жидких взрывателей со сроком действия в 6 — 30 минут.

Все это я упаковал в бумагу и вместе с референтом организационного отдела генштаба обер-лейтенантом фон Гафгеном, одним из наиболее надежных заговорщиков, закопал в кустарнике в расположении главной ставки. На следующий день мы проверили надежность маскировки и остались ею вполне удовлетворены.

Вернувшись после краткой командировки, я был вызван генералом Фельдгибелем, который сообщил мне, что тайная полевая полиция обнаружила взрывчатое вещество.

Никогда в жизни я не испытывал такого страха, как в тот момент. Мы видели два варианта выхода из создавшегося положения. Можно было попытаться объяснить наличие взрывчатого вещества необходимостью опытов в организационном отделе или же — правда, это был более опасный путь — вообще замять все дело. Я решил на последний вариант, так как вспомнил, что сотрудник контрразведки майор Шрадер сочувствовал заговору.

Из разговора со Шрадером мне стало известно, что после того, как мы закопали взрывчатку, на этом месте оказался сотрудник полиции, которому удалось обнаружить тайник. Он немедленно использовал розыскных собак. Но безрезультатно.

Майор Шрадер согласился нам помочь, и принятые им меры предотвратили раскрытие заговора и передачу дела в службу безопасности. Таким образом мы были спасены.

Чтобы мои показания были полноценными, необходимо остановиться на членах заговора и лицах, сочувствовавших нашему движению.

По моему мнению, Штауффенберг и Тресков были на голову выше всех других заговорщиков. Значение этих лиц видно из моих показаний.

Что касается других офицеров, участников события 20 июля, то они пали жертвами Гитлера и в настоящий мо-

мент нет необходимости характеризовать их.

Перехожу к лицам, которые, по моим данным, избежали гитлеровского террора и могут иметь значение в будущем.

Фельдмаршал фон Браухич. Из разговора с заговорщиком обер-лейтенантом фон Гафгеном — племянником фон Браухича — мне известно, что последний не участвовал в заговоре.

Я лично предполагаю, что постоянно проживавший в доме Браухича фон Гафген информировал фельдмаршала о предстоящем перевороте.

Фельдмаршал фон Клюге (командующий армейской группой „Д“ — центр) в течение нескольких лет совершенно ясно понимал, что руководство Гитлера неотвратимо ведет страну к поражению, поэтому он полностью стал на сторону организации, готовившей переворот, и был целиком посвящен в ее замыслы.

Об этом мне известно от генералов фон Трескова и Штифа, а также Штауффенберга на основании их личных разговоров о Клюге. Это подтвердилось также в результате двухчасовой беседы, которую я имел с фельдмаршалом в октябре или ноябре 1943 года в городе Минске.

Я вылетал к нему по поручению Штауффенберга, чтобы лично договориться о переброске воинских частей в Восточную Пруссию для осуществления переворота. Однако в связи с сложившейся обстановкой это не могло быть выполнено.

Фельдмаршал сказал, что он считает время, выбранное для переворота (октябрь — ноябрь 1943 года), неблагоприятным, так как незадолго до этого имел место переход Бадольо на сторону союзников. Все же, продолжал Клюге, устранение Гитлера само по себе может в настоящее время коренным образом изменить весь ход событий.

Клюге не мог решиться отвести с фронта свою армейскую группу для сохранения сил и нарушить тем самым приказ Гитлера. Однако на случай приезда Гитлера в ставку группы „Центр“ он был готов отдать приказ об его аресте.

Для этой цели, как мне сказал Клюге, в его распоряжении имелся кавалерийский полк под командованием полковника Безелагера. Большинство офицеров этого полка были вовлечены а заговор, и перед ними стояла задача в случае прилета Гитлера арестовать его на аэродроме.

Клюге также сообщил мне, что можно рассчитывать на поддержку находившейся в то время на пополнении в Вильно 18-й артиллерийской дивизии, где начальником штаба был его сын.

Фельдмаршал фон Манштейн — бывший командующий армейской группой „Юг“. Его способности как полководца не требуют доказательств. Как я неоднократно убеждался в беседах с различными лицами, Манштейн особенно пользуется доверием германского народа. Это подтвердили мне также генералы фон Тресков, Штапф и другие.

Фельдмаршал Манштейн в настоящее время является наиболее популярной личностью в Германии, и его выдвижение на руководящий пост встретило бы одобрение широких масс.

О политических установках фельдмаршала и его способностях стать государственным деятелем я судить не могу.

Генерал Тресков сообщил мне о многочасовой беседе, которую он имел с Манштейном в ноябре — декабре 1943 года. Тресков установил, что Манштейн разделяет полностью его политические и военные взгляды. Однако он не был готов взять на себя инициативу в деле переворота. В конце беседы Манштейн дал Трескову слово, что в случае переворота он не пойдет в подчинение к Гимmlеру или Герингу, а будет следовать за генерал-полковником Бекем.

Фельдмаршал фон Вейхс — командующий армейской группой „Ф“ (Балканы). Со слов генералов Штифа, Линдемана и Штауффенберга мне известно, что фон Вейхс сочувствует заговору.

Припоминаю разговор, который я имел с генералом Линдеманом в октябре 1943 года у него на квартире в ставке.

Линдеман сказал: „Как я недавно выяснил во время посещения фельдмаршала фон Вейхса, он целиком на нашей стороне“.

Фельдмаршал фон Кюхлер — бывший командующий армейской группой

„Север“. О нем я также имею сведения от генерала артиллерии Линдемана. Возвратившись из командировки в штаб Северной армейской группировки, Линдеман сообщил мне, что фельдмаршал фон Кюхлер не согласился проявить инициативу в свержении Гитлера, однако вместе со своим начальником штаба генералом Кинцелем обещал полностью нас поддержать в случае успеха покушения. Таким образом, продолжал Линдеман, лояльность Северной армейской группировки нам обеспечена.

Генерал-полковник Цейтцлер — бывший начальник генерального штаба. С самого начала, как только Цейтцлер приступил к работе в качестве начальника генштаба, он перестал быть поклонником Гитлера и перешел в лагерь его противников.

Как мне рассказывал генерал Штиф, между Гитлером и Цейтцлером возникли серьезные разногласия относительно роспуска авиаполевых дивизий, а также по вопросу формирования новых дивизий без укомплектования старых и т. д.

В результате беседы с Штауффенбергом в мае 1944 года в Берлине мы пришли к решению, если будет возможно, Цейтцлера ввести в организацию. Имело ли это место в действительности, мне неизвестно.

Правда, за это говорит тот факт, что Цейтцлер примерно 10 июля 1944 года во время обычного доклада фюреру упал в обморок и с того времени ввиду болезни был заменен Гудерианом. Это, возможно, было сделано для того, чтобы Цейтцлер не присутствовал при покушении. Я хочу указать, однако, на сомнительность этой версии.

По словам адъютанта Цейтцлера подполковника генштаба Смента, Цейтцлер заявил: „Мне известно, что вокруг генерала Фельгиббеля сконцентрирована сильная оппозиция против Гитлера, и даже с большими целями. Однако вмешиваться в это дело я не буду, так как иначе всему генштабу грозит опасность развала“.

Генерал от инфантерии Веллер — командующий 8-й армией. Считается в кругах генштаба одним из наиболее способных военачальников.

3 июня 1944 года, во время моей последней встречи со Штауффенбергом в

Берлине, мы обсуждали вопрос о кандидате на пост начальника генштаба, и Штауффенберг сказал, что Веллер является одной из наиболее подходящих кандидатур.

В ноябре 1943 года генерал Штиф, вернувшись из штаба 8-й армии, куда он ездил в командировку, рассказал мне следующее: „Я совершенно открыто беседовал с генералом Веллером и его начальником штаба — генералом Шпейделем о нашем плане. Оба заверили меня, что как только прибудет известие о том, что фюрер умер, они немедленно перейдут в подчинение генерал-полковника Бека. Что касается возможного сопротивления отдельных эсэсовских частей, то Веллер ничуть не сомневался в том, что он сумеет их быстро разгромить“.

Генерал-полковник Гальдер — бывший начальник генерального штаба, неутомимый работник, один из самых умных и трудоспособных офицеров генштаба. Явный противник Гитлера, но не склонная к борьбе натура. Насколько мне известно, не посвящен в замыслы организации.

Боле конкретными сведениями о нем располагал мой начальник полковник генштаба Мюллер-Гиллебранд. По его словам, Гальдер допускал антигитлеровские высказывания в узком кругу близких ему лиц. Какие-либо конкретные разговоры мне неизвестны.

Штауффенберг неоднократно выезжал на фронт по поручению Гальдера, например в 1942 году для доклада об удачном окружении советских войск в районе Лозовой.

Гальдер говорил Штауффенбергу о причинах, побудивших Гитлера настаивать на его отставке. Они сводились к тому, что Гитлер и Гальдер имели много личных противоречий, и поэтому тесное сотрудничество между ними было невозможно. Детали этих обстоятельств мне неизвестны.

Генерал от инфантерии Хойзингер — начальник оперативного отдела генерального штаба. В настоящее время является наиболее опытным специалистом верховного командования сухопутных сил в вопросах оперативного планирования. Он убежденный противник Гитлера. Это подтверждается данными, которые я имел о нем от графа Кильмансегга, а также от Штифа

и Штауффенберга. Последний заявил мне, что он разговаривал с Хойзингером о предстоящем перевороте.

По словам Штауффенберга, Хойзингер убежден в необходимости переворота, однако согласен активно действовать только после выступления заговорщиков. Эта беседа имела место в ноябре или декабре 1943 года в ставке верховного командования сухопутных сил.

Имперский министр фон Нейрат. В отношении его могу лишь привести одно высказывание Штауффенберга в феврале 1944 года: „Нейрат ясно представляет, куда ведет современный курс германской политики, и думает так же, как мы“.

Герцог фон Ратибор. Известен мне по личным беседам. Я неоднократно встречался с ним в апреле — мае 1944 года на курорте Бад Кудова, где тот находился на отдыхе.

Он очень осторожен в своих высказываниях, так как целый ряд его родственников находится в концлагерях. Когда мы с ним говорили о позиции СС, Ратибор выразил возмущение тем, что армия понемногу вытесняется войсками СС.

Ратибор прямо спросил меня: „Что может спасти фронт от развала?“ Я воздержался от ясного ответа, так как не знал об его отношении к заговорщической организации.

Герцог фон Ратибор также резко осуждал гитлеровскую систему управления оккупированными странами. Что касается войны с Россией, он заявил, что всегда являлся сторонником политики Бисмарка и считает войну с Россией преступлением.

Генерал от инфантерии Штапф. Фигура крупного масштаба. Особенно в тактической и оперативной области. Обладая многочисленными духовными интересами, а также благодаря занимаемым им должностям он приобрел широкий политический и экономический кругозор. В настоящее время начальник „хозяйственного штаба Востока“. Генерал Штапф убежденный противник Гитлера, но не посвящен в детали организации.

Я знаком с генералом Штапфом уже в течение 10 лет. Во время последней нашей беседы, состоявшейся весной 1944 года, Штапф выразил надежду на успех предпологавшегося переворота. В разговорах со мной и другими близ-

кими ему людьми Штапф подчеркивал неизбежность переворота. В качестве начальника „хозяйственного штаба Восток“ Штапф имеет доступ непосредственно к Герингу.

В январе 1944 года Штауффенберг сообщил мне, что организация рассматривает генерала Штапфа в качестве кандидата на пост министра железных дорог.

Генерал от кавалерии Кестринг — бывший военный атташе в России. Организационный отдел генштаба был связан с генералом Кестрингом по работе, так как последний командовал так называемыми добровольческими формированиями. На этой основе мы с ним познакомились. Он открыто говорил со мной и резко осуждал положение, сложившееся в Германии.

Кестринг утверждал, что отсутствие ясных политических целей неизбежно приводит добровольческие формирования к разложению и его работа, таким образом, теряет всякий смысл.

Зная о политических настроениях Кестринга, фюрер его не принимал, несмотря на то что тот известен как один из лучших знатоков России.

Кестринг постоянно защищал и защищает точку зрения сотруничества с Россией и поэтому является противником политики Гитлера.

Советник посольства Герварт фон Биттенфельд. Работал в Москве в германском посольстве совместно с послом Шуленбургом. Он явно дружелюбно настроен в отношении России и имеет многочисленные связи в Германии и за границей.

Герварт постоянно сопровождает генерала Кестринга и тесно с ним связан, как и с послом фон Шуленбургом.

Герварт фон Биттенфельд был посвящен мною в замыслы организации и обещал активное содействие.

В конце своих показаний я хочу сказать несколько слов о связях заговорщиков с военно-воздушными силами. В этом плане характерно высказывание Штауффенберга в ноябре 1943 года во время беседы со мной и генералом Ольбрихтом.

Штауффенберг выразил уверенность в том, что в случае переворота командование военно-воздушных сил будет вести себя пассивно. Он указал, что в руководстве авиации заметно большое недовольство Герингом. Эти сведения

Штауффенберг имел от участника заговора — инспектора ночной истребительной авиации полковника Фалька.

Мне доподлинно известно, что кроме Фалька еще ряд руководящих лиц из командования ВВС примкнут к заговору, но конкретных имен я не могу назвать, так как не располагаю данными.

Доказательством острых противоречий в командовании ВВС и имеющих там разногласий с Герингом служит самоубийство начальника штаба ВВС генерал-полковника Ешоннека. О том, что Ешоннек покончил жизнь самоубийством, а не умер, как об этом было объявлено официально, мне известно от генерала Фельгиббеля. По его словам, Ешоннек не мог больше отвечать за ошибки, совершенные высшим руководством.

В последнее время в верховном командовании вооруженных сил ходили упорные слухи об усилившихся разногласиях между Гитлером и Герингом.

Мне известно, что Геринг гораздо реже бывает на докладе у Гитлера и что они больше не обращаются друг к другу на „ты“.

Можно посчитать за чудо, что деятельность заговорщиков, особенно активная за последний год, не была вскрыта органами безопасности. Причина этого заключалась в том, что круг лиц, посвященных в заговор, был подобран с максимальной тщательностью. Сказались и антигитлеровские настроения почти всего генерального штаба и большей части высшего офицерского корпуса.

Ряд крупных офицеров службы безопасности неоднократно предпринимал попытки проникнуть в круги, где можно было предполагать наличие оппозиционной организации. Со слов генерала Фельгиббеля мне известно, что один высший чиновник службы безопасности в разговоре с генералом Фалькенгаузенем намекал на то, что дальше Германия существовать так не может и необходимо что-то предпринять.

Генералу Фельгиббелю был известен еще ряд подобных примеров.

Мои показания будут не завершены, если я не остановлюсь вкратце на причинах неудачи нашей организации.

Хочу упомянуть о длительной беседе, которую я имел 3 июня 1944 года со Штауффенбергом на его квартире в Бер-

лине. Я заявил ему тогда, что во время болезни имел достаточно времени для анализа недостатков нашей организации и пришел к следующим выводам:

1. Для осуществления покушения требуется найти быстро действующее средство и лицо, которое согласно собой пожертвовать.

Генерал Штиф, по моему мнению, был неподходящим кандидатом, так как в его словах я почувствовал колебания. Поэтому надо найти нового человека.

2. После того, как Модель и Шернер стали командующими армейскими группами, необходимо немедленно найти высокопоставленное лицо, которое смогло бы повлиять на руководимые ими войска. По моему мнению, это мог быть только начальник генерального штаба, т. е. Цейтцлер.

3. Размах организации недостаточен. Необходимо в какой-то степени включать в подготовку массы народа.

Штауффенберг был полностью согласен с тем, что выдвинутые мною проблемы жизненно важны для заговора, и сказал, что центр неоднократно обсуждал эти вопросы. При этом было решено найти новое лицо для осуществления покушения.

Что касается Цейтцлера, то Штауффенберг намеревался поговорить с ним откровенно. Я это отсоветовал и предложил поговорить с Цейтцлером в завуалированной форме, чтобы дать тому возможность к отступлению, а не ставить его перед дилеммой, так как Цейтцлер мог решить сохранить верность Гитлеру и донести на нас.

Этот вопрос в нашей беседе остался открытым.

Что касается третьего пункта — расширения организации, то Штауффенберг сказал, что это обсуждалось Бекон, Ольбрихтом и им в последнее время особенно часто и в принципе центр с этим согласился, но ничего конкретного в смысле привлечения широких масс еще сделано не было.

Штауффенберг подчеркнул, что опасность провала всего заговора заставляет пока воздержаться от подготовки масс. В этой беседе Штауффенберг выразил твердое решение максимально активизировать подготовку к покушению, так как необходимо быстрее заключение мира.

Мы попрощались, и больше мне не было суждено его увидеть.

Подробностей о покушении 20 июля я сообщить не могу, так как был в это время на фронте.

Что же могло привести к неудаче 20 июля? Говорят, что причины следующие: неполноценность использованного при покушении средства, недостаточность мобилизационных мероприятий по концентрации запасных частей и отсутствие революционной подготовки народа.

Я придерживаюсь другого мнения. Основой всех наших планов и наших действий было то, что мы считали, что только переворот сверху, а не революция снизу может свергнуть национал-социализм и привести к быстрому заключению мира.

Система контроля, шпионажа и прочих контрразведывательных мероприятий развита в Германии в таком масштабе, что только полностью законспирированный внезапный переворот может иметь успех.

Первой и единственной предпосылкой успеха была и есть смерть Гитлера.

Мы полагали, что технически покушение нами достаточно подготовлено, однако, не имея опыта, мы не были в состоянии исключить случайности.

Я говорил выше, что в принципе являюсь противником террористических актов, так же как и другие участники заговора. Однако в данных конкретных условиях мы не видели другой возможности, чтобы превратить революционную волю народа в действительность.

Мы могли ошибаться. Мы были офицерами и не имели опыта подобного рода. Однако одно обстоятельство я хочу подчеркнуть особенно: мы действовали из лучших побуждений и наша цель соответствовала желаниям большей части германского народа.

КУН

Публикация В. К. ВИНОГРАДОВА,
В. П. ГУСАЧЕНКО

ИСТОРИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Тогда, в силу необходимости, Потемкин переменял тактику по отношению к упорным представителям казачьих запорожских вольностей. Он попробовал приблизить к себе наиболее видных запорожских старшин, оставшихся на месте, то есть не бежавших в Турцию и не сосланных правительством в крепости и монастыри. Всем им были предложены армейские чины и жалованья без непременного условия поступить на службу. Частная собственность также сохранена была за ними, а некоторым пожалованы были даже земли. Эти завлекающие приемы дали более осязаемые результаты. Некоторые из бывших запорожских старшин сами поступили на гражданскую службу. Были даже случаи поступления в Полтавский и Херсонский пикинерные полки.

Но запорожские старшины нужны были Потемкину не для этих целей. Он задумал сгруппировать около них казачество... Но восстановить оказалось труднее, чем разрушить. Часть запорожцев, может быть, самая деятельная и необходимая, ушла в Турцию, а часть, укрывшись в укромных местах своей родины и Малороссии, без особой охоты шла на зов всеильного временщика.

Более успешно пошло формирование запорожцев лишь тогда, когда особенно жгуче обнаружилась в них нужда. Через 12 лет после разрушения Запорожской Сичи в 1787 году вспыхнула война русских с турками. Потемкин, стоявший во главе русских войск, был, конечно, плохой полководец, но он понимал необходимость в тогдашней войне и при тогдашних условиях казака-запорожца. И вот этому баловню даже между екатерининскими вельможами суждено было сыграть важную, но несомненно двойственную или, точнее, двусмысленную роль в судьбах одного из казачеств.

Окончание. См.: Воен.-истор. журнал. 1992. № 8, 9, 10.

Печатается по: Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар. 1910.

В русских войсках не оказалось той части армии, которая могла бы заменить запорожцев. Последние не только умело вели передовую разведочную службу, что исполняли в ту же войну и донцы; но, главное, знали до мельчайших тонкостей места, на которых разыгралась война, а еще более противника — турок.

Весьма возможно, что лично князь Потемкин руководствовался помимо этих соображений еще и заботами о своем положении или, пожалуй, вернее, своим непомерным тщеславием. Самолюбию властного временщика льстила роль восстановителя казачества. В свое время Потемкин с удовольствием записался в казацкую общину и не без тщеславия носил запорожскую кличку Грицка Нечосы. И вот обстоятельству сложились так, что Грицку Нечосе волею судьбы предстояло сыграть роль батьки его прежних сичевых товарищей. Надо полагать, что такие умные люди, как Антон Головатый, Сидор Белый и другие, во главе желающих восстановления запорожского казачества сумели подойти к Потемкину и подействовать на него именно в указанном направлении. Роль батьки-благодетеля могла только усугубить рвение Потемкина в восстановлении запорожского казачества. Таким образом, на общем фоне государственной необходимости выступила фигура баловня-вельможи в роли благодетеля казаков. Едва ли сам Потемкин понимал роль, так как его поступки скорее свидетельствовали о его капризах, причудах и порывчатости, чем о тонком разумении политических условий того времени. Несомненно, однако, одно, что благодаря Потемкину умные вожаки рассеянных запорожцев сумели провести план организации хотя и далекой от своего первообраза — Запорожской Сичи, но, во всяком случае, объединенной и сплоченной казачьей общины.

На самом деле цели правительства, которые осуществлял князь Потемкин, и

стремления казачества, выразителями которых были Антон Головатый, Сидор Белый, Захарий Чепига и их единомышленники, существенно отличались. Правительству нужны были в данный момент только войны, специальная часть армии, а казакам — организация войска на правах самоуправляющейся общины. Но главная цель — образование из разрозненных сичевиков казачества — была одна и та же и у Потемкина, и у бывших запорожцев.

В 1787 году во время путешествия Екатерины II по Новороссии и [ввиду] предстоящей войны с Турцией Антон Головатый, Сидор Белый и другие казачьи старшины, можно полагать, при несомненном участии самого Потемкина, поднесли в Кременчуге адрес Государыне, в котором выразили свое желание по-прежнему служить на военном поле казаками.

В первом своем обращении к казакам от 20 августа 1787 года Потемкин имел в виду образовать лишь „военные команды волонтеров“ из казаков, „служивших в бывшей Сичи Запорожской“. Потемкин обещал охотникам жалованье, провиант и фураж только на время службы, а особо отличившимся — особые награды. Все это было лишь частичным применением общих существовавших в русской армии порядков. В следующем, помеченном 12 октября 1787 года, документе, касающемся желания капитана Захария Чепига собирать волонтеров, разрешается уже „набирать охотников из свободных людей“. Организация поставлена шире — распространялась не только на бывших запорожцев, но и на свободных вообще людей. Наконец, 31 января 1788 года „высокопозелительный“ генерал-фельдмаршал князь Потемкин, объявляя казакам о „благоволении“ Екатерины за службу, сообщает, что Государыня изъявила согласие на пожалование казакам земли в Керченском куте или на Тамани по его, фельдмаршальскому, усмотрению, и изъявляет со своей стороны желание помочь казакам, „стараясь о благе сего войска“.

Таким образом, на протяжении всего пяти с лишним месяцев, с 20 августа 1787 года по 31 января 1788 года, „волонтерские команды“ сами собой и силой господствующих обстоятельств превратились в казачье войско.

Документ о пожаловании земли войску был препровожден кошевому атаману Белому знаменитым полководцем Суворовым, который 27 февраля 1788 года доставил вместе с документом „знамя войсковое белое, малые для куреней, которых, по умножению людей, прибавлять будет вперед, булаву атамана кошевого и другие перначи“.

Эти чисто внешние признаки старинного сичевого устройства были очень важны для вновь образованного войска как наглядные знаки желательной для казаков организации.

Таким образом, силой все тех же обстоятельств и указаний, почерпнутых из жизни, „волонтерские команды“, превращенные в войско, сложились в чисто военных целях по образцу разрушенной Сичи. По крайней мере, формальные признаки, характерные в этом отношении для вновь образованного войска и несуществовавшей Сичи, были одни и те же.

Тем не менее все это были лишь одни формы, вызванные к жизни военными обстоятельствами, но им недоставало души — той широкой автономии, которой пользовалась Запорожская Сичь. Урок же с Запорожской Сичью был еще налицо, а намерения правительства очень определенные в смысле подавления всяких автономных стремлений. Потемкин по своему положению и почти неограниченным полномочиям воплощал в своей особе принцип сильной централистской власти в ущерб областным автономным стремлениям.

Подтверждением тому, что положение вновь образованного казачества было непрочным и сложившиеся порядки далеки от идеалов казака, служило нежелание запорожцев, бежавших в Турцию, присоединиться к вновь образованному войску. Напрасно сам Потемкин посылал в их коши, находившийся в Турции, воззвания, обещающая прощение и защиту вернувшимся на родину запорожцам. Запорожцам нужны были не прощение и защита, а полноправная и самостоятельная община. Ни к чему не привели и особые поручения, возложенные на генерал-поручика Павла Потемкина, о привлечении бежавших в Турцию запорожцев в русские войска. По распоряжению этого генерала кошевой атаман вновь образовавшегося войска Чепига вошел в непосредственные сношения с турецкими запорожцами. Последние при встрече с Чепигой заявили, что сами они без ведома войска и их кошевого атамана не могут принять предложение князя Потемкина о возвращении на родину, отослали княжеское воззвание в свой коши, а Чепигу попросили во избежание могущих быть неприятных столкновений не встречаться более с ними. Чепига, однако, не терял надежды воздействовать на своих прежних по Запорожской Сичи товарищей; он нашел потом возможность войти в сношения с войсковым есаулом коша турецких запорожцев, но все эти старания и переговоры не привели к желательным результатам. Запорожцы со своим кошем и автономным самоу-

правлением, которым они, очевидно, более всего дорожили, остались в Турции. Агитация русского правительства и кошевого Чепиги повела лишь к тому, что нашлась значительная часть перебежчиков, которые поодиночке и небольшими группами бросили свой кош в Турции и явились во вновь образованное войско.

При таких условиях и в таком виде вступило в действующую армию вновь образованное из запорожских казаков войско.

Собственно в военном отношении казаки-охотники вполне оправдали расчеты правительства на их боевую пригодность в предстоящей войне России с Турцией. В продолжение всей войны казаки вели себя и действовали с неустанной энергией, храбростью, отвагой, умением и почти всегда с поразительными успехами.

Но главная заслуга их состояла в разведочной и в известной мере в направляющей, так сказать, деятельности. Казаки были превосходно знакомы с местностью, вели армию по удобным дорогам и местам, способствовали своевременному доставлению в назначенные пункты провианта и боевых припасов и давали лучшие сведения о расположении неприятельских войск. Не раз они снимали пикеты турок, брали их в плен почти под стенами сильных крепостей, например, под Килией, захватывали целые стада рогатого скота и лошадей и своей неустанной тревогой держали в непрерывном напряженном состоянии турецкую армию...

В 1791 году был заключен мир с Турцией... Но прежде, чем это произошло, 5 октября 1791 года неожиданно для всех умер великий гетман князь Потемкин-Таврический.

Война подсказала русскому правительству нужду в казаках, а народ и старые сичевики продиктовали ему тот путь, которым шло формирование нового казачьего войска. Гордый и самовластный Потемкин не избежал в этом отношении роли школьника, которому диктовал свои требования народ и которые, разумеется, он коверкал и портил при своей бесконтрольности и княжеских замашках.

В самом деле, несмотря на могущество все сильного Потемкина, положение черноморцев за Бугом отличалось крайней неопределенностью. Не было ни надлежаще устроенного управления, ни заранее введенных порядков, ни обеспечения населения землями. Черноморцы были во всем стеснены, и это стеснение прежде всего отражалось на формировании войска.

Запорожский Кош указывал на то обстоятельство, что чинимые местными властями насилия не только разоряли население, но и

мешали Кошу исполнять волю Государыни о формировании войска.

Затем не было ни надлежащего управления, ни таких представителей его, которые могли бы защитить население от издевательств и насилий. Среди низших властей царили самые грубые нравы.

Тяжелые экономические условия и имущественная необеспеченность казачьего населения, естественно, порождали преступления. Из официальных документов видно, что в то время широко были распространены убийства, грабежи и воровство. В декабре 1789 года генерал Кречетников писал Головатому, что обнаружен был грабеж черноморских казаков. У трех погонщиков, доставлявших казенный провиант, грабители отбили 6 волов и отняли 7 рублей денег.

Грабежи были настолько распространены, что власти считали необходимым возложить ответственность за них на целые общества. В июле 1789 года все куренные атаманы войска дали подписку Кошу в том, что если обнаружена будет утайка грабителей и воров, то они добровольно подвергают себя штрафу и телесному наказанию.

В оправдание казачества можно указать на то обстоятельство, что исторически сложившиеся отношения к соседям — татарам, туркам и полякам — тесно были связаны с военными грабежами и реквизициями. Казаки, как и их противники, находили в порядке вещей увод пленников и захват скота и имущества у побежденной стороны. На этой почве развилось, между прочим, и гайдамачество.

Еще больше оправданий находят более крупные случаи правонарушений на почве массовых движений населения. Такой именно характер носят так называемые казачьи бунты. Так, полковник Малый и Порохня в октябре 1789 года доносили кошевому Чепиге, что в их полках казаки взбунтовались и что самый бунт выразился в отобрании двух прапоров у наряженного отряда. При этом бунтовщики объявили, что без получения жалованья и провианта они служить не будут и что артиллеристы побросают пушки. Нужда, очевидно, была так велика, что полковники не предприняли никаких мер для усмирения бунта, а только просили кошевого о том, чтобы им безвинно не пострадать.

Под влиянием таких условий неудовлетворительно складывалась не только казачья жизнь, но и хозяйство. Казаки были настолько бедны, что не могли надлежащим образом нести военную службу. В декабре 1788 года полковник Мокий Гулик доносил Головатому, что в его команде не было провианта, дров и сена, так что люди голодали,

варить пищу нечем было и лошади страшно исхудали. Гулик опасался, что вся команда его разойдется. Такое положение усугублялось еще тем обстоятельством, что правительство не вовремя выдавало жалованье и фураж.

Так складывалась жизнь у черноморцев за Бугом после смерти их покровителя Потемкина.

Смерть Потемкина черноморцы считали крупной и невозвратимой ничем потерей. Потеря эта была тем чувствительнее, что князь, по-видимому, принимал к сердцу интересы черноморцев все ближе и ближе по мере того, как теснее становились его связи с возобновленным им казачеством. Несколько утрированный титул „великого гетмана“ заставлял его, однако, чувствовать свою близость к казакам... Потемкин отличался щедростью и широкими замашками, что, конечно, прекрасно знали бывшие сичевики и на что, несомненно, рассчитывали при систематическом осуществлении возобновления казачества в духе запорожской организации.

Волонтеры уже сумели превратиться в войско, провести в это войско куренное устройство, оставить за собой фактически право не только внутреннего самоуправления, но и самостоятельной организации военных частей войска, и хотя кошевые атаманы утверждались, но ведь это было уже тогда и у донских казаков. Оставалось совершить самое важное — укрепить за собой определенную казачью территорию. И в этом отношении Потемкин успел уже пообещать и отчасти осуществить план широкого обеспечения казаков землей, но именно в этот важный момент он умер. Было от чего приходиться в смущение и жаловаться на судьбу черноморцам.

Со смертью Потемкина черноморцы в самом деле очутились в критическом положении. Разгром Запорожской Сичи был еще у всех на памяти. Подавлением казачьей свободы как пугалом пользовались все — и военные чины, и гражданские власти, и нарождающаяся каста помещиков.

Тогда казаки сразу переменяли фронт и образ действий. Они решили искать землю в Петербурге.

Исторические материалы свидетельствуют, что в выработке плана похода черноморцев в Петербург за землями принимало участие все войско...

Казаки, видимо, сразу же решили отказаться от земель за Бугом и идти на Тамань, то есть в нынешнюю Черноморию или северо-западную часть Кубанской области.

В высшей степени интересными являются те документы, которыми была снабжена пе-

тербургская депутация. В них выражены были желания войска и, надо полагать, сгруппированы положения, выработанные на Войсковой Раде. Оба документа — прошение на имя Екатерины II и инструкция Головатому со старшинами — помечены одним и тем же 29 февраля 1792 года. Депутация была отправлена в Петербург в начале года.

И прошение черноморцев, и инструкция их депутатам били в одну и ту же точку — получение земли на Кубани в возможно большем количестве.

На четвертом месяце пребывания своего в Петербурге Головатый с депутацией успели осуществить основную часть просьбы войска. Двумя грамотами от 30 июня и июля 1792 года были удовлетворены важнейшие требования казаков.

В вечное владение правительство пожаловало войску Тамань или, как сказано в грамоте, „остров Фанагорию, со всей землею, лежащей на правой стороне реки Кубани, от устья ее к Усть-Лабинскому редуту, так, чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же — Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли“. Таким образом, размеры „окрестностей“ Тамани были урезаны, по крайней мере наполовину, сравнительно с планами черноморцев. От устья Лабы до Овечьего брода вверх по Кубани посланный для осмотра земель войсковой есаул Мокий Гулик насчитал 198 верст, и на всем этом протяжении, к востоку вверх по Кубани и к северу от нее по направлению к реке Бе, земли не вошли в окрестности Тамани.

По второму пункту губернатору Таврическому, в ведение которого поступило войско, поручено было отыскать и доставить старшинам и казакам Черноморского войска законно принадлежавшее им имущество, а также истребовать для причисления к войску тех старшин и казаков, служивших в Запорожье, которые по разрушении Сичи удерживались в разных местах помещиками.

Были удовлетворены, в большинстве случаев полностью, почти все требования войска, изложенные в прошении и инструкции депутатам. Одного, однако, они совсем не получили, о чем боялись просить, но что, быть может, рассчитывали взять путем недомолвок в предъявленных ими требованиях. Черноморцам не дали полного казачьей самоуправления, казачьей свободы. [И все же] жизнь на Кубани, на обособленной, изолированной территории, не могла не улыбаться казаку. И казаки спешили бросить полунасиженные места за Бугом и двинуться на Кубань.

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ БОЯ В РУССКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В предлагаемой вниманию читателей обзорной статье в хронологической последовательности характеризуются четыре периода в проведении психологических исследований боя (до 1917 г., 1917 — 1930 гг., 1941 — 1945 гг., 1946 — 1992 гг.), сделаны выводы о специфических требованиях боевой обстановки к солдатам и командирам, о важности учета этих требований при построении системы воспитания и обучения войск, определении их боевой эффективности, преодолении некоторых недостатков в современном военно-психологическом и военно-педагогическом знании.

В России до 1917 года было опубликовано немало работ об управлении поведением воинов в бою, о деятельности и свойствах человека как бойца, о его психическом состоянии во время сражения, о его чувствах — страхе, панике и т. д.¹

Одним из известных авторов по военной психологии является А. Зыков. Учитывая опыт войн, он исследовал в своих трудах ассоциативную психологию*, которая сложные явления сознания объясняла связями субъективных идей и представлений. Следуя за психологом Цигеном, считавшим, что „наши поступки составляют необходимое следствие ассоциации идей“ и что поступок имеет место, если идея, его сопровождавшая, несет положительный тон ощущений², А. Зыков решает вопрос о причине геройского поведения солдата. Такой причиной, по его мнению, является иррадиация** чувственного

тона идеи исполняемого долга (положительный тон — приятное ощущение) на страдание и даже смерть (отрицательный тон — неприятное ощущение). Таким путем смерть получает положительный тон, и именно поэтому героизм возможен в условиях смертельной опасности.

А. Зыков указывал, что для разрушения положительного тона идеи бегства с поля боя возможны два способа:

1) логический (позади наступающих поставить батарею с приказанием стрелять по отступающим — войска поймут, что отступлением жизни не спасешь);

2) метафизический (надо убедить человека в том, что вне зависимости от того, „идет ли он вперед или назад, смерть постигнет его в день и час, назначенный судьбою“³).

Второй способ, по А. Зыкову, обеспечивает религиозная обработка солдат.

Более глубокий труд по психологии боя появился в России спустя 10 лет — в 1907 году. Это была книга подполковника генштаба Н. Головина⁴. В ней он критикует средневековую схоластику, подчеркивает значение методологии и высказывает мысль о том, что исследование боя — основная часть науки о войне.

Н. Головин исходит из того, что „века не изменили основ эмоциональной

* Ассоциативная психология — различные по своей научно-идейной сущности психологические направления, использующие понятие ассоциации в качестве главного объяснительного принципа.

Ассоциация (от лат. *associatio* — соединяю, связываю) — отражение в сознании взаимосвязей предметов и явлений действительности в форме закономерной связи нервно-психических явлений.

** Иррадиация нервных процессов (от лат. *irradiatio* — испускаю лучи) — распространение нервных процессов (возбудительного или тормозного) из пункта первичного возникновения по другим участкам центральной нервной системы.

природы человека⁴⁵, что крупнейшее влияние на деятельность индивидуума продолжает оказывать страх. Он парализует ум и волю, приводит к упадку энергии, переносит мотивы деятельности в область инстинктов. „Страх, — писал Н. Головин, — есть одна из самых сильных эмоций...“⁴⁶.

Для успешных действий в бою солдат должен внутренним усилием во что бы то ни стало удержать в своем сознании идею победить противника. „Отсюда понятно, — писал Головин, — какое огромное значение имеет воля для деятельности человека в бою и отчего непреходящим свойством героя является не столько ум, сколько воля“⁴⁷. Преодолеть проявления инстинкта самосохранения помогают чувства патриотизма, мощи, а также деятельность. „...Единственным и верным средством для отвлечения внимания бойца от инстинкта самосохранения будет деятельность бойца“⁴⁸, — отмечал Головин, подчеркивая, что именно пассивность бойца приводит к сосредоточению его сознания на инстинкте самосохранения. Н. Головин указывал и на противоречивость психического состояния бойца: „Психическое состояние человека в бою — это борьба двух противоположных стремлений („победить“ и „уклониться от опасности“)⁴⁹.

По линии Н. Головина шел и А. Дмитриевский, который также считал, что страх — главный враг солдата¹⁰. Страх — это голос инстинкта самосохранения (тела), страх враждебным силам души — уму и воле, которые могут победить его.

Примерно на таких же позициях по вопросам психологии боя стоял К. Дружинин. Проведенное им в 1910 году исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904 — 1905 гг. (работа опубликована в Петербурге) раскрывало особенности переживаний воинов в бою. Человек, его боевой дух — это главное в бою, считал Дружинин. Особенно важны такие качества, как патриотизм, чувство долга, храбрость, бодрость, дисциплинированность, находчивость. Дружинин отмечал также психологические особенности поведения воинов в наступлении и обороне, считая, что психическая стойкость людей ниже в обороне.

Аналогично оценивал значение боевого духа В. Заглухинский в статье

„Психика бойцов во время сражения“¹¹. Он подчеркивал, что „душевное состояние людей имело, имеет и будет иметь первенствующее значение не только в вопросах войны, но и во всех остальных проявлениях жизни вообще“¹². Внутренняя природа людей, согласно Заглухинскому, осталась неизменной. Душевное состояние воина в бою — это и доблесть, и боязнь опасности. На психику войск влияют многие факторы: гражданские устои и настроение общества, характер войны, твердость народной веры, обаяние отдельных личностей. Характеризуя психологические плюсы наступления и минусы обороны, он делает вывод: национальным особенностям русских более соответствует открытый бой, стремление идти вперед, вера в будущее Родины — значит, наступление.

Отметим, что большинство дореволюционных русских военных психологов применяли к анализу поведения войсковой массы в бою положения европейских социальных психологов¹³. Примером могут служить работы А. Рязанова. Разделяя взгляды Лебона, он писал, что человек, попавший в толпу, теряет часть своей индивидуальности, что толпа не может жить без вожака, войско же представляет собой одухотворенную толпу, склонную к массовым движениям¹⁴. „Во время боя импульсивность и экспансивность армии увеличивается, в особенности в самый решительный его момент — во время атаки и штыкового удара. Страх перед неприятелем всегда готов перейти в панический ужас и охватить всю массу солдат, минутой ранее дравшихся героями“¹⁵. В этой связи Рязанов критиковал тех, кто отрицал коллективную психологию, и подчеркивал, что индивидуальной психологии недостаточно для объяснения поведения людей в бою.

Следует выделить работы Г. Шумкова, в которых нашли отражение многие психические явления, возникающие в бою. Особенно интересовало Г. Шумкова чувство тревоги бойцов. Он посвятил этому специальную работу „Чувство тревоги как доминирующая эмоция в период ожидания боя“¹⁶. Он подчеркивал: люди, перенесшие тревожное ожидание боя, иногда даже не вступившие в него, чувствуют себя утомленными. В момент ожидания организм мобилизует все силы человека.

Организм воина, не знающего особенности боя и в связи с этим испытывающего чувство страха, сильно истощается. Если же у солдата уже есть опыт, то его мысли о грядущем больше соответствуют реальному ходу событий, в результате психологическое состояние такого бойца намного стабильнее.

Затрагивая вопрос психологии масс, Г. Шумков подчеркивал, что исследование такого рода должно базироваться на данных индивидуальной психологии. Надо изучать личность воина, а не „душу толпы“. „Отдельной от индивидуальной психологии массы нет“¹⁷, — утверждал Шумков. Не будь чувства тревоги, люди не теряли бы свои, присущие им особенности и не объединялись бы психологически.

Г. Шумков пытался изучать психику бойцов во время атаки¹⁸, под артиллерийским обстрелом¹⁹. Ряд статей он посвятил воинам, особо отличившимся в русско-японской войне.

Представляет интерес изучение Г. Шумковым „душевных ран войны“, главными причинами которых он считал утомление и психические потрясения²⁰.

Все это свидетельствует о том, что дореволюционные авторы пытались во всеоружии, с учетом достижений различных наук, подойти к проблеме психологии боя. Они использовали труды виднейших в то время отечественных и западноевропейских военных деятелей, философов, историков и психологов, учитывали опыт войн. Правда, некоторые из них не были свободны от механического применения положений и данных, почерпнутых из современных им течений психологической науки (например, А. Зыков, А. Рязанов). Хотя работы таких авторов содержали поучительный военно-исторический материал, они не вносили сколько-нибудь заметного вклада в теоретическое развитие психологических аспектов боя.

Период после 1917 года характеризовался довольно широким кругом исследований по вопросам военной психологии и психологии боя. В печати обсуждались задачи военной психологии, ее место в военной доктрине, отдельные труды посвящались поведению в бою, профотбору, борьбе со страхом. Большое внимание уделялось изучению военно-социальной психологии и преломлению психологии в тактике боя.

Некоторые авторы этого периода выступали в печати и до 1917 года. Одним из таких ученых был П. Измestьев²¹.

В „Очерках по военной психологии“ он подчеркивает решающую роль человека в бою. Чем совершеннее техника, тем большее значение приобретает, по его мнению, моральный фактор. Обстановка боя действует на инстинкт самосохранения, вызывая страх. От страха расширяется зрачок, боец плохо видит, стреляет, не прикладывая приклада к плечу.

Могут быть пассивные и активные реакции на опасность. Панику Измestьев рассматривает как явление коллективного страха, доходящего до ужаса. Паника возникает чаще ночью, особенно под влиянием внезапности, которая сильно действует на воображение людей.

Измestьев отмечает психологические преимущества наступления. Наступающий создает обстановку, которую должен разгадать обороняющийся, т. е. потерявший инициативу и свободу действий.

Каковы мотивы боевых действий? Это чувство любви к Родине, чувство долга, привычка к повиновению, желание отличиться перед товарищами своей отвагой и мужеством, опасение прослыть трусом, боязнь наказания за проявленную трусость, пример начальника, подражание соседу и т. д. Ведут бойца вперед его личная воля и желание победить.

В 1920 году Н. Бондарев провел экспериментально-психологическое исследование боевых впечатлений солдат²². Задача экспериментов состояла в определении степени эмоциональности лиц, ранее участвовавших в боях, т. е. в отыскании у них эмоционально окрашенных комплексных представлений о боевой жизни.

Исследование Бондарева базировалось на положениях ассоциативной психологии и ставило целью рассмотреть воздействие боевой обстановки главным образом на эмоции человека.

В 1921 году в военно-научном журнале „Военная наука и революция“ (кн. 2) была помещена статья Н. Какурина „Военная психология масс“. В этой статье подчеркивалось, что воспитание должно подавить инстинкт самосохранения, который является наиболее сильным чувством на войне. Главное внимание в статье уделяется психологии толпы и панике. Толпу Каку-

рин понимает абстрактно и характеризует ее аналогично тому, как это делали западноевропейские психологи. Для личности в толпе характерны потеря индивидуальности, преобладание бессознательного. Человек становится восприимчив к внушению и склонен заражаться чувствами других людей. Толпа импульсивна, раздражительна, повинуется больше инстинкту, чем разуму, она не способна наблюдать, доверчива. Армия превращается в толпу в случае паники, которая означает разрушение внутренней спайки войск. Какурин считает, что необстрелянные войска могут поддаться панике задолго до боя, что в начале большой войны случаи паники наиболее вероятны и часты, а по мере втягивания войск в боевые действия беспричинная паника встречается все реже. Остаточное влияние паники на людей противоречиво: одно подразделение может и во второй раз пережить панику, а другое, пишет Какурин, после паники сражается доблестно. Заслуживает внимания одна деталь в статье: автор указывает на роль подсознания в возникновении паники. Солдаты заметили, что командир не выставил непосредственного охранения вокруг села, но забыли об этом. И когда послышалась стрельба, это подсознательное впечатление сработало вспышкой эмоции страха, возникла паника.

В 20-е годы обсуждался вопрос о задачах и „лице“ военной психологии, ее отношении к общей психологии. В связи с этим вставал вопрос и об изучении боя. Так, А. Незнамов писал о том, что военная психология слаба, не дает результатов, стремится решить сразу все вопросы с помощью общей психологии, но последняя не может прямо применяться в военном деле. Надо видеть не вообще человека, а бойца, начальника, и прежде всего в бою²³.

Другой автор — А. Васильев утверждал, что „сущность военной психологии — объяснение и истолкование состояния сознания военного человека в разных отраслях полевой службы и вообще боевой деятельности войск“²⁴. Он считал, что военная психология должна изучать переживания военного человека, которые чрезвычайно специфичны. Васильев отмечал роль подражания, личного примера. Колѳбания, сомнения исчезают, если удается отыскать а памяти пример,

связанный с привычным способом действий.

В 20-е годы большую исследовательскую работу по психофизиологическому изучению бойцов проводил Ю. Фролов. Он считал, что бой не только требует физического напряжения, но и вызывает рефлексы борьбы и победы, а также ряд тормозных реакций, которые подавляют многие нормальные функции. Борьба этих основных рефлексов в нервной системе участников боя и результат их взаимодействия определяют все поведение их в сражении. Поэтому Ю. Фролов утверждал, что „путь к изучению функций человека-бойца, рассматриваемого в обстановке боя, лежит не через психологию, а через физиологию“²⁵.

Вопросы психологии боя были затронуты в работах М. Короля. Он писал, что в бою „мы имеем дело больше с биологической стороной человека, чем с его социальной стороной“²⁶. В мирное же время — наоборот. В бою необходимы прочные навыки, причем не только двигательные, но и навыки сознательного гражданина. Поэтому недостаточно одной сознательности и политического воздействия, чтобы вдохновить массы идти в бой.

Особого внимания с точки зрения психологического изучения боя заслуживают работы А. Таланкина. Он писал: „Вся система подготовки бойца в мирное время должна учитывать и опираться на знание поведения бойца в боевой обстановке“²⁷. А. Таланкин подчеркивал значение психологии боя: „Понять психику бойца означало всегда — нащупать пути и средства сохранения и укрепления боеспособности части даже в ожесточеннейшие моменты боя“²⁸.

Так же широко подходил к задачам психологии боя В. Рубцов. В своих статьях он анализировал работы авторов, которые пытались рассмотреть соотношение социальных, биологических и психологических факторов в поведении бойцов на войне²⁹. Теоретической основой для разработки военной психологии и приложения психологии к военному делу они считали марксистское учение об армии и войне.

Таким образом, исследование проблем психологии боя в 20-е годы было противоречивым. Оно было затруднено также усиливающейся критикой

военной психологии со стороны представителей партийно-политической работы³⁰.

Все же этот период является поучительным, поскольку помогает в необходимой современной перестройке военной психологии, преодолении односторонности в понимании личности военнослужащего, воинского коллектива, свидетельствует о непризнании достижений западной военной психологии.

После 1930 года военная психология практически не развивалась. Последним значительным трудом этого периода была книга Г. Хаханьяна „Основы военной психологии“, вышедшая в 1929 году. И только в январе 1941 года, подводя итоги совещания и сборов высшего командного состава, нарком обороны СССР особо выделил роль военной психологии в воспитании кадров и укреплении морального состояния войск. После совещания были разработаны некоторые мероприятия по ускоренному развитию военной психологии, но реализовать их помешала начавшаяся война. Перед советскими психологами встали новые задачи: помочь командирам успешнее побуждать воинов к смелым и отважным боевым действиям, преодолевать неуверенность, страх, укреплять дисциплину, боевой дух, воспитывать мужество, презрение к смерти.

Изучая бой, большинство советских психологов во многом преувеличивали роль социальной обусловленности личности, коллектива, единства сознания и деятельности, упрощенно понимали психику как отражение действительности, функцию мозга.

М. Феофанов попытался проанализировать особую форму боевой деятельности — акт мужества. Он отмечал сознательность мужественного поступка, а также подчеркивал роль в нем мыслительных процессов и воли, выделял особую роль самообладания в акте мужества: „Лишь при наличии твердого самообладания в условиях угрожающей опасности возможны ясная и точная ориентировка в обстановке, необходимая настойчивость...“³¹.

И. Каиров в своей статье разбирает стадии развития переживаний в мужественном поступке и показывает такие его основы, как сильная воля, твердые убеждения, сознание своей правоты, чувство собственного достоинства³².

Психологическому изучению страха и паники посвящена диссертация Г. Фортунатова (1942). В ней охарактеризованы различные ступени страха, выявлены противодействующие страху силы, показаны виды бесстрашия. В исследовании доказывается, что бесстрашие означает не отсутствие страха, а его успешное преодоление.

Н. Коновалов в статье „Роль эмоций в боевом действии, воинская доблесть“ („Советская педагогика“, 1943, № 7), написанной на основе изучения опыта боевых действий советских воинов, отмечал, что главное в бою — это знания, рассудительность, но важную роль в нем играют и эмоции. Одни эмоции, например печаль, тревога, тоска, являются тягостными, угнетающими, вызывают увеличенный расход нервной энергии, другие — радостное возбуждение, веселье, — наоборот, означают общий подъем, являющиеся стеническими, усиливают готовность к действию. Такая эмоция, как ярость, увеличивает силу и энергию человека. Сильное эмоциональное возбуждение в критический момент помогает человеку мобилизовать все свои силы. Н. Коновалов обращал внимание также на то, что эмоции — составная часть личности, они подвержены влиянию сознания и разума. Поведение человека определяется не столько его эмоциями, сколько социальными установками, его сознанием, социальной и моральной направленностью. Эмоции в бою могут быть стихийной силой, действующей в союзе с инстинктом, или же великой моральной силой, с помощью которой достигаются высокие цели — защита своего народа и своего Отечества. Эмоциональный подъем, выразительно и точно называемый „духом народа“, „духом армии“, является, по Н. Коновалову, длительным состоянием, на основе которого формируется ценнейшее качество армии — доблесть.

Н. Левитов попытался психологически конкретизировать положение о презрении к смерти. В статье, опубликованной в „Красной звезде“ 30 августа 1941 года, он писал: „Презрение к смерти — это та сила бесстрашия, при которой инстинкт самосохранения уступает место готовности к самопожертвованию. Основание такого самопожертвования — патриотизм, подчинение себя, всей своей жизни высшим интересам родной страны“. В другой

своей статье — „Воля и характер бойца“ („Военный вестник“, 1944, № 1) — Н. Левитов на основе выявления психологических особенностей волевого действия в сложной обстановке показал, как методами убеждения, упражнения, примера, поощрения воспитывать у воинов смелость, стойкость, мужество, дисциплинированность.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны было уделено значительное внимание психологическому познанию боя, выявлению условий преодоления страха и паники. Этим, к сожалению, занимались в подавляющем числе случаев гражданские психологи.

Закономерным для военной психологии является усиление внимания к ней после больших войн. Так было в Европе, так было и в России.

В послевоенные годы в многочисленных публикациях и диссертациях в связи с решением общих проблем военной психологии и в прямой постановке исследуются различные психологические аспекты боевых действий. Например, в кандидатских диссертациях в известной мере показаны внешние и внутренние условия поведения воинов в бою, природа смелости, причины страха, пути его предупреждения и преодоления³³. Однако и в этих работах оценка связей биологического и социального в личности противоречива. А. Петров, например, пишет, что смелость является врожденной чертой человека и коренится в импульсивности, прорастающей из особенностей темперамента.

В книге „Солдат и война“ (М.: Воениздат, 1971), посвященной морально-психической и психологической подготовке советских воинов, некоторые органически связанные вопросы — воспитание боевой активности, самоотверженности и способности противостоять страху и панике — рассматриваются порознь, хотя они практически совпадают: пока не преодолен страх — нет настоящей боевой активности, а боевая активность в своей высшей форме проявляется в самоотверженности. При решении других вопросов, например при определении понятий „морально-политическая подготовка“, „психологическая подготовка“, неглубоко учитываются единство личности, целостность ее проявлений в условиях боя.

М. Коробейников в книге „Современный бой и проблемы психологии“

(М.: Воениздат, 1972) излагает интересные мысли о крайнем влиянии опасных ситуаций на психику воина. Однако некоторые доказательства строятся на основе аналогий с выводами общей психологии, психологии спорта, физиологии. При таком подходе можно как-то объяснить влияние опасной ситуации на поведение человека, но почти невозможно прийти к аргументированному, практически полезным рекомендациям. Для этого надо исследовать прежде всего опыт войн, учений, провести эксперименты. Поэтому можно сказать, что М. Коробейников в некотором отношении сделал шаг назад по сравнению с Г. Луковым, который ориентировал военных психологов на учет специфики боевой деятельности и психологических проявлений личности воина в бою.

Попытка как-то обобщить работы Г. Лукова, М. Коробейникова, Г. Средина, Д. Волкогонова и других по вопросам психологии боя была предпринята на кафедре социальной и военной психологии Военно-политической академии им. В. И. Ленина (ВПА)³⁴. Она оказалась неудачной: в ней смещены понятия войны и боя, их политические и психологические аспекты.

Конкретный материал о поведении воинов в экстремальных ситуациях (Афганистан, Чернобыль) был получен сотрудниками Института военной истории³⁵ и преподавателями ВПА³⁶. Однако и им не удалось избежать поверхностных и легковесных исходных положений, например о том, что коммунистическое мировоззрение формирует классовое самосознание, определяет идейную убежденность, уровень политической сознательности, жизненную позицию воина, его идеалы, мотивы поступков, нравственные черты.

Итак, краткий обзор исследований боя в русской военной психологии свидетельствует о большом разбросе научных позиций авторов. И все же обобщение названных и других специальных работ позволяет прийти к выводу о том, что в бою предъявляются специфические требования к индивидуальной и коллективной психологии, к личности и деятельности командира.

Выявление этих требований должно проводиться в современных условиях на основе вновь созданной методологии, обобщений различных наук о при-

роде человека, о соотношении сознательного и неосознанного в его психике, о самоутверждении и биологической стороне личности. Новые исследования психологии боя помогут преодолеть примитивную экстраполяцию общей психологии и особенно педагогики на воинскую деятельность, будут способствовать проведению реформ в армии в интересах укрепления ее боеспособности. Новые психологические исследования боя могут помочь конкретнее определить в кардинально изменившихся общественных условиях цели и задачи воспитания, обучения, руководства, комплектования подразделений, организации службы, моральной и психологической подготовки личного состава.

Каждого солдата и командира важно вооружить информацией об особенностях воздействия боевой обстановки на человека, о предпосылках и условиях развития и сохранения психической устойчивости, готовности к бою. По-новому встает проблема самоуправления своим поведением, адаптацией к условиям службы и боя, значения индивидуальных особенностей нервной системы, организма, мотивов, побуждающих воинов к самоотверженному ведению первого для них боя.

В качестве самого общего вывода может служить уже приведенное положение одного из военных психологов 20-х годов нашего века: «Вся система подготовки бойца в мирное время должна учитывать и опираться на знание поведения бойца в боевой обстановке».

¹ Достаточно полный перечень публикаций и диссертаций по названному периоду можно найти в библиографическом указателе «Военная психология» (М., 1973), выпущенном Военным отделом Государственной библиотеки им. Ленина. В данной статье названы отдельные, наиболее характерные работы и те, что не вошли в указатель.

² См.: *Зыков А.* Как и чем управляются люди. Опыт военной психологии. — СПб., 1898. — С. 15.

³ Там же. — С. 116.

⁴ См.: *Головин Н.* Исследование боя. Исследования деятельности и свойств человека как бойца. — СПб., 1907. — С. 30.

⁵ Там же. — С. 43.

⁶ Там же. — С. 53.

⁷ Там же. — С. 83.

⁸ Там же. — С. 109.

⁹ Там же. — С. 78.

¹⁰ См.: *Дмитриевский А.* Страх и борьба с ним. Психологический этюд // Общество ревнителей военных знаний. — 1912. — № 1. — С. 53 — 78.

¹¹ См.: *Заглушинский В.* Психика бойцов во

время сражения // Военный сборник. — 1911. — № 1. — С. 85 — 100.

¹² Там же. — С. 85.

¹³ Чаще использовались следующие труды: *Лебон Г.* Психология народов и масс: Пер. с фр. — СПб., 1896; *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии: Пер. с фр. — СПб., 1896; *Тард Г.* Личность и толпа: Пер. с фр. — СПб., 1903.

¹⁴ См.: *Рязанов А.* Из области военной психологии // Военный сборник. — 1908. — № 1. — С. 179 — 195.

¹⁵ Там же. — С. 184.

¹⁶ См.: Военный сборник. — 1913. — № 11. — С. 96.

¹⁷ См.: *Шумков Г.* Роль чувства тревоги в психологии масс, как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. — 1914. — № 9. — С. 86.

¹⁸ См.: *Шумков Г.* Психика бойцов во время атаки // Русский инвалид. — 1910. — № 278.

¹⁹ См.: Военный сборник. — 1914. — № 5. — С. 78, 80 и др.

²⁰ См.: *Шумков Г.* Душевное состояние воинов после боя: военно-психологическое исследование // Военный сборник. — 1914. — № 11. — С. 108 — 126.

²¹ См.: *Изместьев П.* Тактико-психологические этюды // Офицерская жизнь. — 1907. — № 77; Из области военной психологии. — 3-е изд., доп. — Варшава, 1911; Основы военной доктрины (О месте и роли военной психологии в военной доктрине) // Военное дело. — 1920. — № 9(73); Психологические основы тактики // Военная мысль. — 1921. — № 3; Очерки по военной психологии (Некоторые основы тактики и военного воспитания). — Пг., 1923.

²² См.: *Бондарев Н.* К вопросу о влиянии боевых впечатлений на солдат // Научная медицина. — 1919. — № 3. — С. 299 — 303.

²³ См.: *Незнамов А.* К вопросу о военной психологии // Военный вестник. — 1922. — № 17 — 18. — С. 8.

²⁴ *Васильев А.* Военная психология и ее приложение к тактике // Военная мысль и революция. — 1923. — № 1. — С. 133.

²⁵ *Фролов Ю.* Изучение человека-бойца. — М., 1926. — С. 43 — 44.

²⁶ *Король М.* Воспитание и автоматизация // Война и революция. — 1927. — № 12. — С. 163.

²⁷ *Таланкин А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. — М. — Л., 1929. — С. 104.

²⁸ Там же. — С. 11.

²⁹ См.: Война и революция. — 1930. — № 2. — С. 50.

³⁰ См.: *Подсотский К.* Полятрabajo в бою // Война и революция. — 1927. — № 1.

³¹ *Феофанов М.* Воспитание смелости и мужества // Советская педагогика. — 1941. — № 10. — С. 64.

³² См.: *Каиоров И.* Мужество и его воспитание в наши дни // Советская педагогика. — 1942. — № 8 — 9.

³³ См.: *Антонов Д.* Психологический анализ форм нравственных переживаний. — М., 1949; *Москвин В.* О смелости и ее воспитании. — М., 1946; *Перов А.* Психология смелости и страха в связи с проблемой характера (Опыт изучения война-фронтвика). — М., 1946; *Дьяченко М.* Психологический анализ боевого подвига советского воина. — Л., 1952.

³⁴ См.: Военная психология. Ч. 1. — М.: ВПА, 1984. — С. 23 — 36.

³⁵ См.: Личная примерность офицера в экстремальных условиях. — М., 1987.

³⁶ См.: Материалы третьей научной конференции по советской военной психологии. — М.: ВПА, 1991.

**Полковник М. И. ДЬЯЧЕНКО,
доктор психологических наук,
профессор**

**В ближайших
номерах**

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ „НОРДА“, ИЛИ ТАЙНОЕ ОРУЖИЕ ЧЕРЧИЛЛЯ

Как известно, выступление У. Черчилля 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже американского города Фултона явилось, по существу, манифестом „холодной войны“. Но мало кто знает, что еще задолго до капитуляции гитлеровской Германии британский премьер-министр начал приводить в действие ее адский механизм. Документы свидетельствуют: Черчилль поставил себе конкретную цель — развязать третью мировую войну. Главным противником в ней намечался Советский Союз. О том, что заставило британского премьера забыть о союзническом долге, и о том, как он вел подготовку к новой глобальной войне, рассказывается в готовящемся к опубликованию материале.

„...Если Дёниц является для нас полезным орудием, то именно поэтому следует списать его зверства, проявленные им во время войны...“

*Из телеграммы
премьер-министра Черчилля
своему министру иностранных дел.
14.5.1945 г.*

„Я не хочу, чтобы германских адмиралов и генералов, с которыми мы недавно договаривались, заставили стоять с поднятыми руками“.

*Из телеграммы
премьер-министра Черчилля
фельдмаршалу Монтгомери. 5.6.1945 г.*

„Как поступают с немецкими винтовками? Уничтожать винтовки — большая ошибка. Если возможно, по крайней мере пару миллионов нужно сохранить для Англии“.

*Из телеграммы
премьер-министра Черчилля
генералу Иسمею. 23.7.1945 г.*

Протокольная запись допроса лейтенанта войск связи ВВС немецкой армии Крюгер Анны-Мария, работавшей до 16.11.1945 г. переводчиком при штабе немецких вооруженных сил „Норд“

Крюгер Анна-Мария, рожденная [в] 1925 году в г. Штральзунде, образование незаконченное высшее, специальность — химик-технолог, состояла членом „Союза немецких девушек“.

Вопрос. Служили ли вы в немецкой армии?

Ответ. Я служила в немецкой армии с 1942 г. в качестве связистки в частях ВВС... После капитуляции немецких вооруженных сил я находилась в госпитале, затем в лагере для военнопленных, откуда 6 июня 1945 г. была переведена на работу в штаб вооруженных сил „Норд“, где сначала работала в отделе ка-

дров, а затем переводчицей английского языка.

Вопрос. Что представляет из себя штаб вооруженных сил?

Ответ. Штаб вооруженных сил „Норд“ — это немецкий штаб, существующий на территории Шлезвиг-Гольштейна и руководящий немецкими войсками, учреждениями и частями, а также осуществляющий обеспечение немецкого персонала, находящегося в лагерях военнопленных. Штаб „Норд“ находится под руководством 8-го английского корпуса. Насколько мне известно, этот штаб был сформирован еще в мае 1945 г. и ранее назывался „Армейский штаб Мюллер“.

Вопрос. Что вам известно о формировании немецких дивизий под руководством штаба „Норд“?

Ответ. Из разговоров командира 8-го английского корпуса с генералом танковых войск Крамером мне известно, что штаб вооруженных сил „Норд“ должен сформировать четыре немецкие дивизии... Между офицерами ходят упорные слухи, что эти вновь формируемые дивизии примут участие в войне против Советского Союза на стороне англичан и что якобы эта война должна начаться весной 1946 года...

„Советское командование в Германии располагает сведениями о том, что в Британской зоне оккупации в Германии существуют крупные германские воинские части и их штабы, а также вооруженные силы других государств, воевавших против Объединенных наций на стороне Германии“.

*Из меморандума советской делегации.
20.12.1945 г.*

Подробнее о том, как в дальнейшем развивались события вокруг остатков бывшей гитлеровской армии, которую англичане превратили в мощную ударную группировку, и рассказывается в материале „Секретная миссия „Норда“, или Тайное оружие Черчилля“.

В редакцию поступают отклики на статью С.И.Репко «Цена иллюзий», опубликованную в нашем журнале № 11 за 1992 год. В частности, читатели спрашивают о докторе Клаусе Кирхнере из ФРГ, который много лет собирает и издает листовки из разных стран, в том числе из СССР и стран-участниц второй мировой войны.

КОЛЛЕКЦИОНЕР ЛИСТОВОК ИЗ ГЕРМАНИИ

Клаус Кирхнер родился в 1930 году в Эрлангене, в Баварии, в семье предпринимателя в сфере деревообрабатывающей промышленности и, получив образование, занялся предпринимательской деятельностью.

В годы второй мировой войны, будучи мальчишкой, наблюдал, как американские и английские самолеты, бомбившие Нюрнберг и его окрестности, сбрасывали также какие-то листочки. Взрослые объяснили, что это вражеские листовки и что населению Германии под страхом строжайшего наказания запрещается собирать и хранить их. На этот счет было распоряжение гестапо.

Тем не менее Клаус, гуляя по лесу, находил и читал эти листовки. Они были написаны по-немецки. В них рассказывалось об обстановке в Германии, положении в странах антигитлеровской коалиции и, естественно, содержались призывы выступать против Гитлера, развязанной им войны.

Клаус проявил мужество и стал собирать эти маленькие разноцветные листочки, видимо, инстинктивно чувствуя, что они являются историческими документами, а война должна наконец закончиться.

Прошло много лет. Однажды, разбирая старые бумаги, Клаус наткнулся на спрятанные еще в далекие военные годы листовки. Прочитал их. Появилось желание собрать таких документов побольше. Затем возникла идея издавать сборники листовок. Клаус Кирхнер начал вести переписку с учреждениями, которые занимались вопросами специальной пропаганды на войска и население противника. Посетил различные страны, военные ведомства, архивы: ФРГ, Англии, США, а также государств, входивших в Варшавский Договор. Чтобы привлечь внимание общественности к своей работе, Кирхнер организует выставки листовок. Первая такая выставка состоялась в 1972 году в ФРГ.

Для подготовки листовок к публикации коллекционер учредил издательство «VER-

LAG D+C», что означает: «Издательство «Документы и Курьезы». Материалы он не сопровождает комментариями. Для него главное – подлинность документов: издатель Клаус Кирхнер выступает в качестве историка-документалиста.

К настоящему времени выпущено в свет уже 13 томов документов: Т.1 – Листовки из Англии. 1939-1941 гг. Т.2 – Листовки из Германии. 1939-1940 гг. Т.3 – Листовки из Франции. 1939-1940 гг. Т.4 – Листовки из Англии. 1942 г. (второе издание) Т.5 – Листовки из Англии. 1943-1944 гг. Т.6 – Листовки из США. 1943-1944 гг. Т.7 – Листовки из Англии и из США. 1944-1945 гг. Т.8 – Листовки из СССР. Июнь-август 1941 г. Т.9 – Листовки из СССР. Сентябрь-декабрь 1941 г. Т.10 – Листовки из Германии. 1941 г. Т.11, 12 – Листовки из Англии и из США: «Новости для войск». 1944-1945 гг. Т.13 – Листовки из СССР «Фронтовые иллюстрации». 1941-1945 гг.

Сейчас готовятся к печати новые тома. Это листовки, которые выпускал Национальный комитет «Свободная Германия», действовавший на территории СССР в 1943-1945 гг. Готовится также том материалов так называемой «черной пропаганды», а также фальшивок и актов саботажа, имевших место в период второй мировой войны. Позже выйдет в свет общий каталог военных листовок (1914-1945 гг).

В обращении, которое Клаус Кирхнер передал в нашу редакцию, он пишет: «Листовки военного времени являются подлинными документами первой и второй мировых войн. Они дают представление о том, как люди подвергались воздействию пропаганды. Большинство из этих листовок почти неизвестны. И в этом их познавательная ценность. Если вы, ваши друзья и знакомые что-либо знаете о таких листовках, то, пожалуйста, сообщите мне.

VERLAG D+C, Luitpoldstraße, 58. D-8520 Erlangen».

Полковник И.И.ВОЛКОДАЕВ



Reihe

FLUGBLATT— PROPAGANDA IM 2.WELTKRIEG

Flugblattbesitzer

bitte ich sehr herzlich, mir zu schreiben.

Kriegsflugblätter sind für die Dokumentation der Zeit des 1. und 2. Weltkrieges unerlässlich. Sie geben unbestechlich darüber Auskunft, wie die Menschen damals beeinflusst werden sollten. Jede Information ist wichtig, da die meisten Kriegsflugblätter noch gar nicht bekannt sind. Wenn Sie oder Ihre Freunde und Bekannten von Feindflugblättern wissen, so bitte ich Sie um Ihre Nachricht.

Mit freundlichen Grüßen.

Ihr Klaus Kirschner

- Band 1** Flugblätter aus England 1939/1940/1941 - lieferbar
- Band 2** Flugblätter aus Deutschland 1939/1940 - lieferbar
- Band 3** Flugblätter aus Frankreich 1939/1940 - lieferbar
- Band 4** Flugblätter aus England G-1942 - 2. Auflage - lieferbar
- Band 5** Flugblätter aus England G-1943, G-1944 - lieferbar
- Band 6** Flugblätter aus den USA 1943/1944 - lieferbar
- Band 7** Flugblätter aus England, aus den USA 1944/1945 - lieferbar
- Band 8** Flugblätter aus der UdSSR, Juni - August 1941 - lieferbar
- Band 9** Flugblätter aus der UdSSR, Sept. - Dezember 1941 - lieferbar
- Band 10** Flugblätter aus Deutschland 1941 - lieferbar
- Band 11 + 12** Flugblätter aus England, aus den USA:
Nachrichten für die Truppe 1944-1945 - lieferbar
- Band 13** Flugblätter aus der UdSSR, Front-illustrierte 1941-1945 - lieferbar

Weitere Bände sind in Vorbereitung: Die bis heute umstrittene Flugblatt-Propaganda des Nationalkomitees "Freies Deutschland", die von 1943 bis 1945 vom Boden der Sowjetunion aus gegen das nationalsozialistische Deutschland vorgetragen wurde, soll in einer Edition zugänglich gemacht werden. Vorbereitet wird darüber hinaus ein Band mit den Flugblättern der "schwarzen" (getarnten) Propaganda sowie den Fälschungen und Sabotagemitteln, die während des Zweiten Weltkrieges in Umlauf gebracht wurden. Ferner ist das Gesamtverzeichnis der Kriegsflugblätter 1914 bis 1945 in Arbeit.

Bestellungen bei jeder Buchhandlung oder beim Verlag direkt

VERLAG D + C

Verlag für zeitgeschichtliche Dokumente und Curiosa
Luitpoldstraße 58 · D-8520 Erlangen

МЕТКИМ УДАРОМ

Время не просто летит, а летит как бы с ускорением. И вот уже всего два года остается до 50-летия Великой Победы.

Ту войну не представишь себе без крови и скорби, без страданий и жертв. Но едва приутихали громовые раскаты канонад, скрежет танковых гусениц и пулеметная дробь, как пробивались с передовой совсем другие звуки. Лихая частушка под азартный перебор гармоники, летучая шутка-прибаутка и забористый анекдот, меткая самодельная поговорка и хлесткий каламбур – во всех истинно народных жанрах выражал советский солдат свою праведную ненависть к захватчикам.

В чем коренилась эта неистощимая бодрость духа, эта боевитая веселость даже в самые грозные и трагические дни войны?

Да, мы верили в конечное торжество нашего правого дела, в неизбежность Победы. Но будем еще точнее: мы твердо знали, что победим. Это не наивно-отвлеченный, а трезвый оптимизм, который неотвратимо следует из нашего понимания истории.

Гитлеровские стратеги жестоко ошиблись, исключив из своих расчетов этот оптимизм. Они не понимали, почему советский воин не унывал даже в горькие для него дни отступления. Они бесновались, когда слышали смех, доносившийся из наших окопов. Они слишком поздно догадались, что наш, как тогда говорили, фронтовой юмор был смехом победителей.

Кстати, именно так – «Фронтовой юмор» – назывался, к примеру, сатирический журнал Западного фронта. А в военных газетах тех лет находим такие разделы, как «Осиновый кол», «Фрицемор», «Смехомет», «Беглый огонь», «Прямой наводкой»... Вспомним сатирические листовки и плакаты «Окон ТАСС», кинокомедии, эстрадные и цирковые программы, едко высмеивавшие фашистских горе-завоевателей, и по достоинству оценим ту поистине стратегическую роль, какую сыграла антифашистская сатира в годы Великой Отечественной войны.

С первых же дней военного лихолетья надел на себя солдатскую шинель и «Крокодил». Журнал стал как бы естественным аккумулятором этой сатиры. Под фельетонами, рассказами, стихами, карикатурами крокодилских литераторов и художников нередко значилось: «Действующая армия», «Юго-Западный фронт», «Северный флот»... В «Крокодиле» публикует несколько глав из поэмы «Василий Теркин» А. Твардовский. И в каждом номере журнала – россыпи безымянного красноармейского юмора: перепечатки из фронтовых газет.

Начиная с этого номера мы будем публиковать небольшие подборки материалов из фронтовой красноармейской печати полувековой давности. Итак, перелистаем страницы изданий за апрель 1943 года...

(По страницам
фронтовой
красноармейской
печати)

Образец
организзованности

Немецкий генерал:

- Готовы ли вы, полковник, к завтрашнему наступлению?

- Да, генерал: личное имущество господ офицеров уже отправлено в глубокий тыл.

„За счастье Родины“

„Обмя зрениа“

(Из монолога

румынского полковника)

- Стар я стал, зрение слабеет: шел в атаку с целым полком, возвращаюсь – и не вижу ни одного солдата.

„Слово бойца“

Наилучшее испытание

Представитель Крупна:

Вы успели испытать наши новые орудия?

Немецкий полковник: О, да! На собственной шкуре. Ваши орудия бьют по нашим позициям: они захвачены русскими.

„За нашу победу“

Арийская смелость

Два фашистских офицера спорили о том, у кого в роте солдаты храбрее. Один сказал:

- Самые храбрые, безусловно, мои. В прошлом бою с русскими они не побоялись удирать под огнем советских автоматчиков.

- Это что! – возразил другой. – Вот мои солдаты,

когда я их гнал в атаку, не побоялись остаться в окопах, хотя по ним стреляла вся наша полковая артиллерия.

„Боевой путь“

В итальянском порту

-Куда это снова отправляются наши доблестные войска?

- Должно быть, куда-нибудь... в плен.

„Боевая тревога“

Утешил...

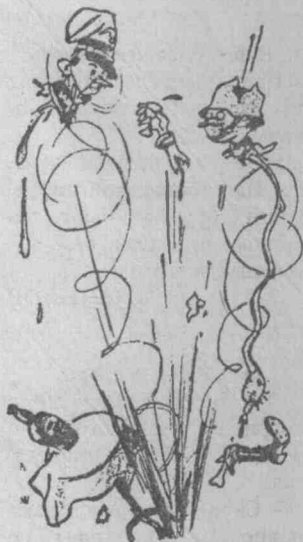
Муссолини: Господин фюрер, под Воронежем разбит мой последний корпус, взяты в плен три генерала...

Гитлер: Не горюй, дуче, за битого двух небитых дают. Гони еще два корпуса и штурк шесть генералов.

„Сталинец“

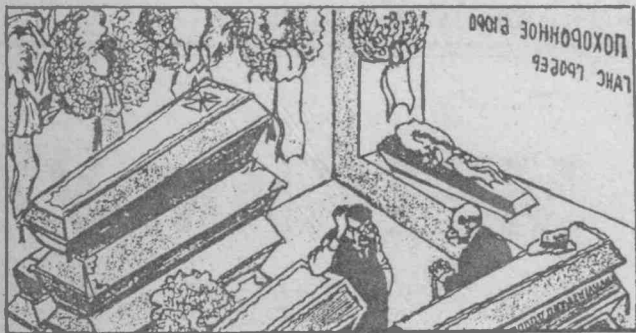
МЕРТВЕЦКИ ТРЕЗВЫЕ

Французскими патриотами в парижском баре брошенной бомбой убито 15 немецких офицеров.



- Я, кажется, совсем немного выпил, Вилли, а голова так кружится!

Рис. И. Семенова



СРЕДИ ГРОБОВЩИКОВ

- Плохи наши дела, герр Гробер! Русские всю нашу клиентуру у себя хоронят.

Рис. Б. Клинка

Тотальная мобилизация

- Слышал, Руди, группенфюрер говорил, что у нас в Германии объявлена тотальная мобилизация. Призваны 65-летние. Значит, скоро сюда пожалует мой дедушка Франц...

- Радуйся, Морис! Старики не раз драпали из России - они у нас проводниками будут.

„Сталинец“

Единомыслие

- О чем ты теперь думаешь, Гейнц?

- О том же, о чем и ты, Вилли.

- Ох, какие у тебя мрачные мысли!

„Советский патриот“

Плохой климат

- Ужасно дрянной климат в этой России! Вчера лишь приехал, а уж стреляет и колет...

- В каком месте?

- Со всех сторон!

„Советский пилот“

Средя пленных фрицев

- Фюрер не простит генералу Паулюсу его сдачу в плен.

- Ты считаешь, что для генерал-фельдмаршала

очень важно, какого мнения о нем ефрейтор?!

„Боевой путь“

Точный ответ

- Ефрейтор Шметке, какую команду надо подать, чтобы солдаты быстро поднялись по тревоге?

- Казаки!..

„Сталинский боец“

В немецком госпитале

- Больной, почему вы второй день не принимаете лекарства?

- Но, господин доктор, здесь написано: «Принимать после еды».

„За счастье Родины“

Дальновидный

- Курт, какой род войск самый лучший?

- Конечно, кавалерия!

Если даже в окружение попадешь, с голоду не умрешь.

„Советский патриот“

*Крокодил. 1943.
№ 10-17.*

ЗАРУБЕЖНЫЙ ЮМОР

Эти маленькие рассказы появились в печатном органе норвежского правительства «Норск тиденд», издававшемся в Лондоне.



Новые вяземские пряники.

Рис. Л. Бродаты

На что намекает?..

Председателя квислинговского городского управления одного из городов Западной Норвегии посетил его старый знакомый. Произошел следующий разговор:
- Я хочу спросить тебя кое-что, так, пустячок. Если Германия проиграет войну, что ты будешь делать?

- Я надену шапку, пальто и уйду отсюда, - ответил квислинговец.

- Пальто - это понятно. Но на что ты наденешь шапку?

Наше гостеприимство

Перед Новым годом в газетах Осло появилось обращение к населению, в котором предлагалось пригласить одного или нескольких немцев для встречи Нового года «в уютной семейной обстановке». Конечно, все это было устроено квислинговцами. Желающие должны были звонить в ко-

митет квислинговской партии.

Некоторое время спустя зазвонил телефон секретаря:

- Скажите, здесь можно пригласить немцев?

- Да, да, пожалуйста. Сколько вы можете принять?

- Всех.

- Всех?! Кто же вы такой?

- Гробовщик.

„Крокодил“. 1943.
№ 12-13.

«ВРАЛИШЕР БРЕХОБАХТЕР»

Под таким пародийным названием в «Крокодиле» время от времени появлялась «немецкая газета» с ироническими заметками под обычными газетными рубриками. Вышла такая страничка и в одном из апрельских номеров журнала 1943 года. Приводим ниже некоторые заметки.

ТЕЛЕГРАММЫ

Вести с фронта

Район города Н. Вчера ночью бронетанковыми частями русских был атакован полк СС «Мертвая голова». Германские войска никаких потерь не понесли. Оставшиеся в живых оберлейтенант Зигфрид Думмер и фельдфебель Ганс Крум-

мер помещены для лечения в госпиталь.

По заводам и фабрикам

Кёнигсберг. Машиностроительный завод, несколько пострадавший от налета советской авиации, скоро будет снова пущен в ход. От завода остались два дверных шпингалета и письменный стол герра директора. К ним заново пристраиваются остальные цеха завода.

Новые книги

Вышла из печати книга оберлейтенанта Отто Брундершафта «Как нужно бороться с русскими снайперами». Предисловие к книге написано вдовой автора.

Хроника искусств

В Миланском оперном театре с большим успехом идет в новой постановке опера «Аида». Первое действие происходит в помещении театра, остальные - в соседнем бомбоубежище. Участвуют солисты, хор, балет, оркестр и три эскадрильи английских и американских бомбардировщиков.

„Крокодил“. 1943.
№ 17.

Публикацию подготовил
заслуженный работник
культуры РФ
А.Е. ВИХРЕВ.



...Этот немецкий автоматчик больше никогда и ниоткуда выглядывать не будет.

Как Климент Ефремович «настучал» на Семена Михайловича

1 февраля 1923 года

Дорогой Иосиф Виссарионович!

На днях получил письмо от А. Каменского, в котором он сообщает о «ералаше», происходящем в его н[арком]земовской коллегии, выдвигает комбинацию конструирования нов[ой] коллегии с Буденным во главе. Об этой «гениальной» комбинации, как пишет К[аменский], должен был говорить с тобой Фрунзе. Выходит, таким образом, что Фрунзе уже согласен с этим.

Думаю, что ты и без меня оценишь по достоинству всю глупость выдвигаемого К[аменским] и др[угими] проекта, но все же я считаю не лишним высказать и свои соображения по этому поводу. Еще на X съезде Сов[етов] Каменский заговорил со мной на эту тему, спрашивая мое мнение. Я решительно возразил, не развивая своих соображений. Как мне тогда показалось, К[аменский] как будто бы согласился со мной. И то, что эта комбинация вновь выдвигается, меня наводит на мысль – нет ли тут чего-либо глубже «сидящего», чем понимание нашего «рыцаря печального образа» А. К[аменского]? По существу вопроса, я считаю недопустимым выдвигание С. Б[уденного] на этот пост по следующим причинам:

1. Буденный, не касаясь его личных качеств и пригодности для данной роли, слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер. Зарубежная белая пресса очень часто („Руль» от 11/1-23) пишет о Буденном в минорных тонах не без задних мыслей. Внутренняя контрреволюция тоже очень уповает на будущее, в этом будущем, в представлении наших врагов, Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего

Думается, не стоит публиковать здесь документ расценивать как образец уже ушедшей в прошлое партийной принципиальности. Категорически возражая против назначения С. М. Буденного, сугубо военного человека, наркомземом, К. Е. Ворошилов, видимо, преследует собственные интересы. Сделав ставку на набирающего силу И. В. Сталина, он стремится как можно выгоднее выглядеть в его глазах, предстать эдаким масштабно мыслящим, истинно государственным деятелем, готовым ради общего дела поступиться давней дружбой с боевым товарищем. А цель, как известно, оправдывает средства. В этом убеждаешься, видя, какими «лестными» эпитетами награждает автор письма «братишку» Буденного: «слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер». Невольно приходишь к мысли, что налицо типичный донос. О том, что на этом поприще К. Е. Ворошилов набил руку, свидетельствует он сам, напоминая И. В. Сталину, как сумел «вовремя убрать Думенко». Кстати сей специфический талант Ворошилова по-настоящему раскрылся в тридцатые годы в ходе массовых репрессий.

«народное» движение. При таких условиях бросать Буденного в крестьяно-земельную пучину было бы сумасшествием.

2. Если бы оказалось, что Буденный не подходит на этом месте по тем или иным причинам, партия была бы поставлена в затруднительное положение при снятии его с этого высокого поста – и сам Буд[енный], и все пресмыкающиеся (таких и теперь много, а при наркомстве их будет еще больше) истолкуют этот шаг по-своему.

3. Белогвардейцы, и отечественные, и зарубежные, в случае назначения Буд[енного] не преминут поднять по этому поводу шумиху, также истолкуя назначение как нашу слабость, как последнюю ставку,

4. Если действительно произошло бы когда-нибудь серьезное столкновение... * интересов между пролетариатом и крестьянством, Буденный оказался бы с последним.

Буденного знаю лучше, чем кто бы то ни было в партии, и считаю вместе с тобой, что его необходимо использовать для революции целиком и полностью. В меру моих сил я делал в этом отношении все, от меня зависящее, и как будто бы результаты положительные.

Но я и раньше не раз говорил и сейчас должен повторить, что наши милые товарищи (в центре), не отдавая себе отчета, чересчур уж много кричат о Буденном, «буденновской» армии, «буденновцах» и пр[очем], что ни в какой мере не отвечает ни партийным, ни общереволюционным задачам. Сегодня комиссар штаба 1-й Кон[ной] т. Тер сообщил мне случай из жизни эскадрона при штарме 1-й К[онной]. На вопрос молодому кр[асноармей]цу, за что он будет драться, последний ответил: «За Буденного».

Боясь надоесть, заканчиваю об этом. Если бы паче всякого здравого смысла кому-нибудь вздумалось всерьез поддержать кандидатуру Буденного] в наркомземе, я прошу иметь в виду, что я выступлю на ПБ, Пленуме и даже съезде с решительным протестом.

Думаешь, я зря придаю такое значение? Нет, не зря. Если бы я вовремя не убрал Ду-

менко, он наделал бы нам больших неприятностей.

Если мы, не учитывая особенностей переживаемого момента, будем совершать такого рода ошибки, как ничем не вызываемое назн[ачение] в наркомы Буденного], это равносильно игре с огнем на территории... **.

Теперь пару слов из другой оперы.

Третьего дня приехал Калмыков и еще 4 чл[ена] обкома на разбирательство кабардинской склоки. По всем данным, Калмыков слишком стал «загибать», следовало бы его маленечко поодернуть. Мы это сделаем, но при случае нужно будет и тебе указать ему на опасность его поведения.

На днях Али-Митаев заключил с нашим ГПУ в Грозном договор на охрану лин[ии] ж[елезной] д[ороги] Хасавюр – Грозный.

Все данные за то, что с чечбандитизмом удастся покончить с помощью самих чечбандитов.

Статью Ильича прочитал 4 раза.

По существу с Ильичем согласен, боюсь только, что многие, даже «старрики», не поймут Ильича. Конструкция, выдвигаемая И[льичем], немного тяжеловесная и не совсем стройная, но, по всей видимости, И[льич] решил в самом корне изменить порядок управл[ения] и партией и отчасти государством.

Очень хотел бы знать твое мнение и мнение других по этому вопросу. Если найдешь свободную минуту, черкни об этом десяток слов.

Проезжавший здесь т. Зиновьев сказал, что он не понял статьи И[льича].

Во всяком случае к съезду мы должны быть информированы более или менее подробно. Если не напишешь официального письма, напиши лично.

Всех благ.

Жму руку.

Твой [подпись] К. Ворошилов

Публикацию подготовили
Л. Х. КАЗАКОВА, В. С. ЛЕБЕДЕВА

* Слово неразборчиво.

** Слово неразборчиво.

ФОРМА ОДЕЖДЫ - МУНДИР ОТЕЧЕСТВА



ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Парадная форма одежды
Вознесенского уланского полка 1907–1917 гг.

1 — мундир обер-офицера; 2 — фуражка; 3 — воротник и обшлаг офицерского мундира; 4, 8 — парадная шапка; 5 — эполет; 6 — обер-офицер в нарядной форме; 7 — лядунка офицерская.

Художник В. Н. БОЛТЫШЕВ

В ближайших
номерах

103-4

Индекс 70137

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

4 1993

1-96

12р.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В первом полугодии 1993 года
цена одного экземпляра нашего журнала
для подписчиков установлена 18 руб.,
во втором полугодии — 70 руб.
Индекс 70137.

Плата за прием подписки и доставку
назначается почтой.

Часть тиража реализуется по свободной цене.

В случае возникновения затруднений
в оформлении подписки
сообщите в редакцию или издательство
по телефонам: 296-45-08, 941-39-52.



Художник О. ВЕРЕЙСКИЙ

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Рисунок из журнала «Фронтовой юмор». Апрель 1942 г.